

П И О Н Е Р

Май

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“ 1938 г.

5

П И О Н Е Р

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

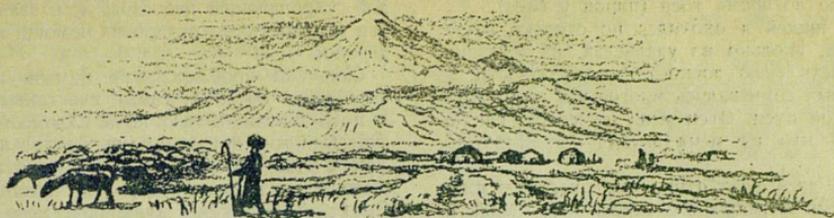
№ 5

Май 1938

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Народный акын Казахстана Джамбул.

Жизнь акына

Автобиография народного певца Казахстана, орденоносца Джамбула

Казахский народ гордится своим народным акыном — певцом Джамбулом. Его песни поют и слушают всюду: в степях и горах, в городах и аулах Казахстана. Девяносто два года прожил славный Джамбул на свете, и семьдесят пять из них он отдал песне. Нищим певцом ходил Джамбул из аула в аул и пел о том, как «в проклятую пору, в разбойные годы, душили нас беды, томили невзгоды». Народ слушал песни своего акына, звавшие его на бой с баями и царскими колонизаторами, и многие слушатели давали клятву стать борцами за освобождение казахского народа от гнета.

Теперь другие песни поет необыкновенный поэт Казахстана. Несмотря на свои девяносто два года Джамбул слагает молодые песни о любимом Сталине, о героях советского народа, о родном колхозе Ер-Назар, о чудесно расцветающей родине великого советского народа. И когда молодые акыны Казахстана приходят к своему учителю и устраивают состязания в песнях, победителем всегда остается старый Джамбул: так хорошо, так радостно, так молодо поет он о нашей родине и ее счастливых народах! Не даром грудь акына украшена орденом Трудового красного знамени — наградой за удивительный дар поэта.

Вы спрашиваете: откуда я родом?

У реки Чу, если идти в сторону степи, стоят две горы — Хам и Джамбул. Мой отец — Джабай — кочевал у этих гор.

Близ горы Джамбул во время снежного, свирепого бурана родился я, и меня назвали древним именем горы — Джамбул. Это случилось в феврале 1846 года.

Отец мой Джабай был бедным кочевником-казахом, носившим дырявый чапан.

Вокруг — куда ни достигал глаз — были голые степи. В детстве я ни разу не видел ни полей, ни садов, ни арыков. Степь была моей родиной. Все, кто меня окружал, кочевали и кормились от скота.

Наши степи граничили с киргизскими. Казахи и киргизы в ту пору враждовали. Передают, что отец мой Джабай в походах был в числе самых отважных джигитов.

Вырос я в юрте. Как и всех казахских

ребят, меня вместе с люлькой перевозили с кочевья на кочевье. В детские годы я был строптивым сорванцом. Не хотел слушаться ни стариков, ни отца. Меня посылали пасти ягнят — я не шел. Меня просили набрать дров — я отказывался. Меня считали «теетеком» — шалуном, баловником.

Был я большой охотник до вкусной пищи, до «казы» (конская колбаса), до «карты» (жирная тушенная кишка), а у нас дома такой пищи не было. Однажды, когда бай угощал другого бая и я знал, что мне не бросят даже, как собаке, об'едков, я подкрался, схватил «казы» из горячего казана и, подгоняемый страхом и болью, быстро убежал в степь. За мной погнались на лошадях. Когда меня стали догонять, я бросил «казы» в степной поток. Раздосадованные, преследователи крепко обругали меня и вернулись обратно, а я, пройдя полторы версты по течению потока, поймал

«казы». Такие случаи повторялись часто, обычно во время тоев (пиров у баев).

За пишей я охотился не столько из-за голода, сколько из у달ства, из желания показать свою ловкость и способности, в которых сомневались многие и в числе других мой отец. Отец меня не любил. Он не верил, что из меня выйдет какой-нибудь толк.

Мой дядя, брат отца, был известным домбристом. Я любил его слушать. Двенадцати лет научился у него играть на домбре. Когда инструмент попал мне в руки, я забыл о шалостях. Мне казалось, что звенит не домбра, а мое молодое сердце. Я не хотел быть чабаном: меня прельщало быть домбристом и певцом.

Природа дала мне сильный, большой голос. Когда я громко пел в степи, мне чудилось, что вся она заполнена моим голосом.

Четырнадцать лет я твердо решил поврать с отцом и жить самостоятельно. Во время «уразы» (магометанского поста) я пошел по юртам и стал петь «жара-пазан» (обрядовую песню). Она начиналась так:

«Я стою и пою
У распахнутых настежь дверей,
Пусть родится у вас
Пара сильных, больших сыновей.
Каждый сын пусть растет,
Как в степи средь овечьих отар
Вырастает порой
Круторогий красавец кашкар».

Пение мое понравилось. Мне стали давать пищу и подарки. Это меня радовало. Когда мне исполнилось 15 лет, я приехал в аул, где жил знаменитый акын Сююмбай. Подойдя с домброй к его юрте, я начал петь «жара-пазан». Сююмбай прослушал мое пение со вниманием, позвал меня к себе в юрту и спросил:

— Откуда ты? Из какого рода и племени?

Отвечая ему почтительно:

— Я из рода Байыше, племени Садыбек, семейства Джабая.

Сююмбай сказал:

— У тебя есть способности быть акыном. У тебя хороший голос. Слова, которые ты поешь, выбраны очень удачно.

В юрте Сююмбая я по просьбе старого акына с волнением спел много песен. Старо из песен я сочинил там же, в юрте. Я пел о своей молодости и неопытности, выражал свое восхищение песнями Сююмбая,

сравнивал его песни с зарей и яркой звездой, украшающей небосвод, и, назвав себя его младшим братом, просил помощи и поддержки.

Сююмбай пообещал мне помочь и любить меня. Это был самый счастливый час в моей жизни. Целую ночь Сююмбай рассказывал мне о трудном мастерстве акына. Так я стал учеником Сююмбая, которому было в то время 50 лет. Случалось, что Сююмбай, выезжая в аулы, брал меня с собой. Я жадно учился. С тех пор до последних дней, выступая с песней, я всегда вспоминаю имя своего учителя с чувством благодарности. С Сююмбаем мы жили очень дружно. Я пел сложенные им песни. Только шестнадцать лет я решил выступить самостоятельно.

Первой песней, сложенной и исполненной мной, была песня на одной из свадеб. Я пропел о красоте невесты, сравнив щеки ее с цветами, а косы — с ночью. Песня понравилась, и меня похвалили.

Начав петь самостоятельно, я все же в состязаниях с большими акынами не участвовал. Решил состязаться только с молодыми, малоизвестными акынами моего уровня. В казахских степях было принято: поражение на состязании акынов — смерть для акына. Было много случаев, когда акын, потерпев поражение, совершенно переставал петь.

Я бродил по кочевьям, расположенным по берегам Чу. Пел народные былины, сказания, поэмы — произведения других акынов и свои собственные песни.

Веками было заведено, что акын-импровизатор должен был знать обо всем: все роды и племена, всех родоначальников и знатных людей, все места и события. Он должен был откликаться на все новости и уметь учитывать обстановку. Остроумие, находчивость, умение давать быстрые и находчивые ответы — вот что ценится в акынах. Кроме того он должен быть хладнокровным. Осыпаемый злейшими насмешками, акын должен оставаться спокойным.

Я учился всему этому. Встречался со старыми и прославленными акынами казахских и киргизских степей: Кочракпаем, Шоонды, Арстанбеком, Шантаем, Кажамберды, Сатпаем, Азетом, Балуач-Шолаком. Внимательно слушал их, учился, накапливая силы, готовился стать таким же, как они, — большим акыном. Но в состязание с ними не вступал, чувствуя себя все еще не подготовленным.

Однажды я встретился со старым своим учителем Сююмбаем. Он выслушал мои импровизации и сказал:

— Ты увлекаешься чужими мелодиями. Это плохо. Большой акын должен иметь свой голос, измерять землю своим аршином. Каждое твоё слово должно разить, как кинжал. Никогда не лицемерь. Черпай слова из своего сердца, как воду из колодца.

Глубоко задумавшись над словами своего учителя, признав их правоту, я стал следовать этим мудрым указаниям. У меня появилась своя мелодия, я нашёл свои слова, мое песенное мастерство окрепло.

Будучи бедняком, я хорошо понимал бедный народ. Правдиво я мог петь только о себе и о народе. Когда я пел о народе, я пел и о себе. Когда же я пел о себе, я одновременно пел о народе. Поняв всем сердцем, что акыну нельзя фальшивить и лицемерить, стал петь своим голосом и только правду.

И песни мои полетели по всему Джетысу как вольные птицы.

Верхом на плохой лошади я ездил из аула в аул. Пел песни грусти и печали, и за это меня кормили.

Я объехал Джетысу, бывал в Киргизстане, ездил в Караганду, бродил по Восточному Казахстану.

О чем я пел? Я пел о моем бедном, измученном народе, о поруганной родине, о славных батырах казахских племён. Случалось, я пел целыми ночами и получал за это гроши.

Часто мне приходилось участвовать в состязаниях акынов — представителей двух родов. Я всегда выходил победителем, и родоначальник того рода, от которого я выступал, дарил мне халат, барана или жеребенка.

Многие родоначальники упрашивали меня остаться у них, обещали хорошо кормить, уважать и давать богатые подарки, чтобы я прославлял их и участвовал в состязаниях с акынами других родов. Но я не хотел лицемерить и отрываться от народа, не хотел идти к баям. Решительно отказывался и уезжал дальше.

Во время скитаний я везде и всюду слышал знаменитое имя акына Кулмагамбета. Он был первым акыном Джетысу, потому что победил всех акынов. Слава его гремела по всем казахским и киргизским степям. Однажды я поехал в кочевья рода Албана, где жила женщина Шарипа, прекрасная как Баян-Слу. В это время про-

исходил той двух родов — Албана и Уйсана, на котором выступал знаменитый Кулмагамбет. За мной послали двух лошадей, и я приехал на той.

Кулмагамбет сидел в белой богатой юрте, на ковре, в окружении самых знатных людей. Они пили кумыс и были веселы. Вид у Кулмагамбета был гордый и самодовольный, потому что он победил в состязаниях многих выступавших там акынов.

Увидев меня, он начал посмеиваться надо мной:

— Смотрите на Джамбула: какой он черный, курносый и как он бедно одет! Разве он не позорит свое имя Джамбул, известное всему народу?!

Началось состязание. Кулмагамбет начал в песнях похвалиться дружбой и уважением к нему знатных людей. Он перечислял многих родоначальников, баев и волостных управителей. Он превозносил их выше небес.

Потом зашел я. Я вспомнил совет Сююмбая и не стал фальшивить и лицемерить. Я повторял знатные имена, только что произнесенные Кулмагамбетом, и давал им оценку, какую заслужили они у народа. В моей песне все эти гордые и чванные люди были названы конокрадами, убийцами, ворами, лжецами, несправедливыми людьми. Мои слова были язвительны и насмешливы. Они вызвали среди окружающих веселый смех. Я пел, не уставая, и слушатели все больше и больше выражали свое одобрение. Так я победил дотоле непобедимого Кулмагамбета и стал первым акыном в Джетысу.

Я продолжал ездить по степям и пытался тем, что давали мне мои песни. Весть о том, что я победил Кулмагамбета, разнеслась по всем степям и перешла даже границы Джетысу.

После этого я участвовал во многих больших состязаниях акынов и не знал поражений. Я победил знаменитого акына Шашуфая, первого акына Киргизстана — Балгу, даровитого и неукротимого Сарырыс, непобедимого Са-Баса и многих других. Я знал только одно поражение, но это было состязание не в песнях, а в кюях (музыкальных инструментальных пьесах). Меня победил киргизский домбрист Оразалы, не умеющий слагать песни, но прекрасно играющий на домбре. В песнях мне его победить не стоило никакого труда.

Мои песни неслись по всем степям. Я никогда не порывал близкой связи с народом. Баи и мананы меня не любили, но боялись.

Песня в степи — огромная сила. Ее ничем не остановишь, как не остановишь бурю. Баи и манапы боялись, что в своих песнях я пушу про них худую славу и вся степь запоет вместе со мной.

В Ер-Назаре, близ Кастека, я приехал однажды к баю Нуртаю Сентову. В это время пришел байский табунщик Майлебай. Бай спросил:

— Все благополучно?

Табунщик ответил:

— Волки задрали одного жеребенка.

Побагровев от гнева, бай стал злобно бранить табунщика. Ругал он его около часа. Я взял домбру и запел. Песня была гневной. Я спрашивал в песне бая Нуртая: «Неужели у тебя, Нуртай, не хватает лошадей? Зачем ты издеваешься как зверь над бедным человеком из-за одного тощего жеребенка? Дед твой умер и оставил стада твоему отцу. Отец твой умер, и стада перешли к тебе. Ты скоро умрешь, Нуртай, и при всей своей жадности не возьмешь с собой в могилу тысячеголового стада».

Нуртай испугался обличительной песни и сказал:

— Я ошибся, Джамбул. Твои слова остры против меня как стрелы. Я забыл о горе, причиненной мне табунщиком. Будем мирно беседовать.

Но я, повернувшись к баю спиной, ушел, не сказав ему ни слова.

Так я жил до 55 лет, странствуя по степи и распевая песни.

В 55 лет мне стало худо. От старости и тяжелых условий я стал сутул как старый беркут, глаза померкли, а голос ослаб.

Вместо домбры у меня в руках появилась палка. Вместо широкой степи — узкая постель. Я угасал, бессильный петь хорошие песни. И лишь тогда, когда казахи восстали против белого царя, я пропел несколько песен и их подхватила степь.

Когда мне исполнилось 70 лет, я увидел светлую зарю новой жизни. На землю пришла для всех живых существ. Я услышал имя батыра Ленина и был свидетелем победного шествия Красной Армии. Вокруг меня закипела жизнь, о которой я пел в лучших своих песнях как о золотом сне.

Почувствовав прилив свежих сил, взял я в руки домбру. Вернулась моя молодость, и я запел.

Оглядываясь вокруг, я не узнавал знакомых степей. Поехал по аулам и стал воспевать новую жизнь.

Как всегда, я был заодно с моим народом и был понятен народу. Я был свидетелем рождения новой страны — Казахстана, о чем мечтали целые поколения и о чем пели лучшие акыны.

Только в 80 лет жизнь мне открыла глаза на многое, чего я не понимал. Жизнь началась для меня снова. Я переродился и стал петь как 25-летний юноша: сильно, с подъемом, с большим жаром и охотой.

Это возрождение моих сил принес мне вождь трудящегося человечества Сталин, давший счастье всем народам. Я стал пламенным агитатором за колхозы. О колхозах я пропел сотни песен, и они полетели по степям, потому что шли они от самого сердца.

Я первым вступил в члены колхоза.

Только при советской власти в цветущем Казахстане Джамбул нашел себе настоящую цену. Старость моя озарена настоящим. Мне более 90 лет, но я не хочу умирать, мне хочется жить больше и больше. Народ меня уважает.

Сам Сталин слышал обо мне и моих песнях. Сбылись мои золотые сны. Я одет в шолковый халат. Живу в белой юрте. У меня темнорыжий, красивый иноходец и богатое седло.

Я был в Москве, которая чудесней сказочного Гюлистана.

Я видел Сталина и здоровался со Сталиным.

Советская власть дала мне за мои песни орден Трудового красного знамени. Я сказал тогда и повторяю сейчас:

— Награжден не я, награждена народная поэзия Казахстана.

Я пою песни и буду петь их, пока бьется сердце. Я говорю всем акынам, ашугам и гафизам Советского Союза:

— Отдадим лучшие песни сердца другу и вождю народов — нашему Сталину.

Да здравствует Сталин, великий мастер человеческого счастья!

Моя родина

Джамбул

С почетом певца встречает аул.
 Песни пой во весь голос, Джамбул!
 Пришли и мои нумере-шубере¹.
 — Спой нам, отец, и сыграй на домбре!
 Народ мне настроил душу мою,
 И я для народа песню пою:

...Девяносто лет табуны паслись,
 Девяносто лет ковыли цвели,
 Девяносто лет в облаках несли
 Песни свои журавли.
 Девяносто лет стремена звенят,
 Девяносто лет согнули меня.
 Девяносто лет я берег коня.
 Чтоб под'ехать к новым дням...
 Смотрите, моя голова седа,
 Смотрите, бела моя борода,
 Смотрите, в глазах кровь и вода:
 Много в жизни я видал.

Много ханов ты знала, степь моя,
 Море слез пролила ты, степь моя,
 На плечах своих пронес мой народ
 Суровых законов гнет.
 Врывалась коканов² волчья орда,

С пастбищ наши сгоняли стада,
 Бешеный хан Куспега³ налетал,
 Кровь его ядом была налита,
 В глазах его вечно стояла ночь.
 Хан у народа любимую дочь
 В жены насильно к себе уводил.
 Сердце он вырвал из нашей груди.
 Тогда в джайлю⁴ пыль поднималась,
 Тогда в озерах вода волновалась,
 Тогда над степями с клетком злым
 Тревожно летали орлы...

Был хан Аблай⁵. Как голодный шакал,
 Он по аулам добычу искал.
 Юрту хана датки⁶ окружали,
 Нукеры⁷ хана оберегали...
 Баям с Аблаем привольно жилось,
 Баям он дал золотое седло.
 А тем, чьи плечи сдавила сума,
 Был он, как злая степная зима!

Царских приказов хитрый вершитель,
 В степь пришел волостной управитель,

¹ Нумере-шубере — сыновья моего сына и моего внука.

² Кокан — коканский хан.

³ Куспега-хан — один из казахских ханов.

⁴ Джайлю — летнее кочевье казахов.

⁵ Аблай-хан — один из казахских ханов.

⁶ Датки — ханские наместники в степях.

⁷ Нукеры — наемные солдаты.

Коварный и злой, как сам сатана.
С ним появились мираз, старшина.
В байскую юрту сам бий¹ приезжал,
На мягких подушках бий ночевал.

Кедей-бишара² был похож на тень:
На голом теле колочий чекмень³,
Малай-бишара⁴ с домброй да кнутом
В долинах ходил за байским скотом...
Сжигал его летом солнечный зной,
Бураны его заметали зимой.
Родная жена и две сестры
Для байбише⁵ разводил костры.
Сынишка любимый ласки не знал,
Отцовская доля и сыну верна:
Пас он в отарах байских ягнят,
С детства на сердце обиду храня.

Когда перешло мне за семьдесят лет,
Ленин, Сталин открыли мне свет.
Труб золотых разносился зов,
Армия вечных рабынь и рабов,
Сильная, грозная армия шла,
Дворцы захватила и троны снесла,
Волчьих законов разрушила строй...
В грязь покатился венец золотой.
Тогда над степями, ярко гора,
Взошла моего народа заря!
Верных коней казахи седлали,
На гребнях гор костры зажигали,
Чтоб родная Москва увидала,
Как по горам, долинам, увалам
Степь выходила к бунтарским гонцам!
С именем Ленина бились сердца!
С именем Сталина радость пришла!
С именем Сталина степь задржала!
Их имена кедей несли.
Байскую свору как пададь жгли.
С байских халатов кедей сорвали
Царские золотые медали!
Я в песнях прославил тот смелый год!
С ним вместе родился и мой народ.
Источники жизни забили в нем,
Смел и велик он в движеньи своем!
С тем годом воскресла моя душа,
Я счастье нашел, и бодр мой шаг.
Проклятый заман отошел, как буран.
Спасибо, Сталин, тебе, данишпан⁶.
В колхозном ауле радость живет,

В колхозном ауле — сердце мое,
В роскошном ауле звонко поет
Старик, проклинавший недавно судьбу, —
Счастливый певец Джамбул!

Сталин! Ты крепость врагов сокрушил!
Любимый! Ты житель моей души!
Сравнений тебе не найдут жирши⁷.
И у акынов⁸, степных мастеров,
Таких не найдется жемчужин-слов.
С пророком хотел я тебя сравнить.
С пророком не мог я тебя сравнить!
Правду пророк не умел говорить!
В словах твоих, Сталин, правда и свет,
Меркнет пред ними фарыз, сундет⁹.
Хотел с океаном тебя сравнить,
Не мог с океаном тебя сравнить!
И в океане порою корабли
С распоротым дном сидят на мели...
С полярной звездой хотел сравнить
Она, как приколота гвоздем,
Вечно стоит на месте своем...
С горами хотел я тебя сравнить,
Из гор тебе неравна ни одна!
У каждой горы вершина видна...
Хотел тебя с полной луной сравнить,
В небе она холодна и бледна,
Свет свой струит лишь ночью луна.
И с солнцем хотел я тебя сравнить
Не мог тебя я и с солнцем сравнить!
Может и солнце порою изменить:
Светит оно лишь в ясные дни.
Сталин! Сравнений не знает старик...
Сталин, как вечный огонь, горит.
С родной домброй по степям я пройду,
Сокровище слов в народе найду.
Я песни посею в пылких сердцах,
И вырастут песни степного певца.
В песнях этих найдут поколенья
Достойное Сталина сравненье!
Спасибо тебе, Сталин мой!
Стасался Джамбул с горькой судьбой.
Едет Джамбул в богатом седле,
Едет Джамбул по родной земле,
Едет Джамбул по родной стране
На сытом степном скакуне.
С почетом певца встречает аул:
— Пой свои звонкие песни, Джамбул!
В них молодость, сила и слава побед
За двадцать советских лет!

¹ Бий — судья.

² Кедей-бишара — раб.

³ Чекмень — грубо тканый халат.

⁴ Малай-бишара — батрак.

⁵ Байбише — жена бая.

⁶ Данишпан — мудрый.

⁷ Жирши — народные певцы.

⁸ Акыны — народные поэты-импровизаторы.

⁹ Фарыз, сундет — законы мусульманской религии.

Среднее образование

Рассказ М. Лоскутова

Рис. В. Цельмера

Белые уходили из города, когда на дворе стояла мерзкая погода: мокрый снег, дождь и ветер, споря друг с другом, бились в окна. Петя Толстомосов помнит себя сидящим в неудобной комнате, оклеенной рыжими обоями, неуклюжую фигуру отца, предвечернюю темноту в пустых углах, ободранное кресло. Он помнит тревожные отблески за окном, напоминающие молнию: точно кто-то пытался в этой несусветной слякоти и никак не мог зажечь отсыревшие спички...

Гимназист Петя Толстомосов прислушивался к звукам, долетавшим из города: то далекие удары орудий, тяжелые и глухие, легонько сотрясали мокрые стекла окна, то грохот многих колес по мостовой, то быстрый цокот всадника, промчавшегося где-то, куда-то. Куда?.. Все эти и многие другие, совсем уж непонятные звуки были неопределенны, но тревожны. Они говорили, что в городе происходит что-то любопытное: что-то менялось, ворочалось, что-то происходило как бы в самой атмосфере города, невидимо, но ощутимо, так что нельзя было спокойно сидеть на стуле.

Петя смотрел на мокрое, слезящееся окно и думал о том, что он уже не гимназист Петя Толстомосов, а просто мальчик Петя Толстомосов, о том, что гимназия закрыта и неизвестно, что будет вместо нее, о том, что директор Штраубе уезжает сейчас с белыми, под дождем, с зонтиком, на извозчике. Нет в городе директора, нет гимназии, нет властей, а петин отец — уже не почтовый служащий, а просто папа, потому что все учреждения закрыты, они не существуют. Письма не отправлялись, поезда не шли, больные не лечились, даже церкви не служили. Обыкновенная жизнь закрылась и происходила необыкновенная — это было даже слегка приятно. Но некоторые предметы продолжали существовать, например геометрия, немецкий язык, древняя история; с ними ничего не случилось несмотря на все события в мире.

Белые уходили из города, а Петя спрягал

немецкие глаголы. Он сидел выпрямившись перед отцом, отвечал на его вопросы и никак не мог понять, для чего сейчас все эти далекие и не имеющие отношения к делу вещи: датив, аккузатив, потрепанный учебник Глезера и Петцольда, измаранный чернилами, сердитое отцовское лицо, старые сломанные очки на его носу.

Отец расхаживал по комнате из угла в угол, потрясая книгой.

— Их мусс, ду мусст, эр мусс! — выкрикивал он сердито и так громко, точно хотел, чтобы его слышал не только Петя, но и многие другие. — Твой отец не закончил среднего образования не потому, что он был невежда, а из-за нужды! Его сын не должен выйти неучем... Эр мусс! Он долженствует... Я долженствую, ты долженствуешь, он долженствует. Белые, красные, зеленые — тебе до этого нет никакого дела! Ты долженствуешь, милый мой, непрерывно продолжать свое образование...

Петя продолжал свое образование. Он тоскливо вертел в руках карандаш и мучительно пытался вынуть в смысл произносимых отцом слов. Мысли его непрерывно обращались к окну, а оттуда выбегали на улицу и начинали путешествовать по городу. Чтобы не отвлекаться, Петя старался все время смотреть на потолок. Там слышались возня и шум передвижаемой мебели. Это верхние жильцы Дорреры тоже собирались уезжать с белыми. Они сейчас укладывали дорогую посуду, перины, книги, шубы, бронзовых ангелов из гостиной. Интересно: возьмут ли они с собой сибирскую кошку «Китти»? Нет, конечно, это было бы глупо брать с собой еще кошку...

— Ты долженствуешь, он долженствует, — сказал он отцу, продолжая глядеть на потолок и прислушиваясь к происходящему там.

«Впрочем, ясно — Дорреры могут взять и кошку, они жадные. Не даром они белые».

— Не лви мух! — строго сказал отец, останавливаясь против Пети. — О чем ты думаешь? Я знаю, о чем ты думаешь! Ты

— Их мусс, ду мусст, эр мусс! — выкрикивал отец сердито.

желаешь побежать на улицу, потом—к водокачке, посмотреть, как стреляют из пулемета. Превосходно знаю! Потом ты залезешь на дерево, потом будешь собирать расстрелянные патроны. Молчать!.. Все мальчишки любят собирать патроны!

Петя подумал: действительно, он побежал бы на улицу и именно к водокачке. И влез бы на дерево. Он даже знает, на какое именно дерево он влез бы; там, у водокачки, есть один отличный клен, с которого должно быть все хорошо видно— как внизу, под горой, за вокзалом, наступают красные, и как отступают белые, и как по полю передвигаются цепи, и как сбегаются люди к воронкам от снарядов, и как от вокзала тарахтит пулемет бронепоезда и едут подводы с патронами...

— Тебе должно быть стыдно! Стыдно! Стыдно! Ты должен думать о своем буду-

щем, а не о водокачках! — вдруг закричал отец, размахивая Глезером и Петцольдом.

Петя смотрел на его быстродвигающиеся руки и ноги и думал, почему они такие длинные. Пете не нравился его отец. Узловатый, сутулый, со всклокоченными волосами и крикливым голосом, он всем, даже руками, напоминал какую-то неудачно сделанную птицу. Все у него было нелепо, начиная от неровной походки и кончая треснувшими и перевязанными очками на носу, даже и фамилия: за нее Петю в классе называли дикими и противными кличками. Почему Пете попался именно такой папа, а не какой-либо другой? Ну, например, Робинзон Крузо. А еще лучше, если бы красный командир. Тогда он сейчас не заставлял бы его спрятать какие-то немецкие глаголы, а шел бы впереди отряда и стрелял бы из револьвера в белых. И Петя

стрелял бы в белых. Он перестрелял бы их всех. Он вошел бы с револьвером в город, потом пришел бы с револьвером к верхним жильцам Доррерам. Он сказал бы: «Руки вверх! Кто говорил, что мы с папой голодранцы и ничтожества? Кто говорил, что нас надо перевешать заодно со всеми красными?» Интересно: какое бы лицо сделал тогда большой и важный Доррер? Он бы, наверное, очень испугался и побледнел...

— На чем мы остановились? — сердито спросил отец.

— На «их муссе», — сказал Петя отвернувшись.

«Нет, наверное, Доррер не испугался бы, он не такой. А может быть, все-таки испугался бы? Но вот кто уж наверняка испугался бы, так это Вовка, маленький Доррер...» Петя посмотрел на потолок. Там что-то заколачивали и передвигали. Наверное, пианино.

— Передвигают пианино, — сказал Петя. — Они обязательно возьмут пианино!

— Петр! Петр! — сказал отец, высоко подняв Глезера и Петцольда. — Тебе нет никакого дела до пианино! Помни: нас совершенно не касается, кто и куда уезжает! Это — не наше дело! Слышишь?! Не наше!.. Не наше!

Он громко сказал это несколько раз и прошагал по комнате. Потом, поспешно вернувшись, наклонился над столом и сказал Пете:

— Пусть все знают, что у тебя есть свои важные, интересные тебя дела, дела... Например... Ну, например, немецкий язык и вообще всякие занятия... Занятия порядочного мальчика...

В это время за окном снова бухнул отдаленный взрыв и слабый свет зарницы упал на отца. Он испуганно посмотрел на задражавшее окно и снова поспешно схватил со стола Глезера и Петцольда, словно боясь, что кто-то за окном увидит, что они перестали заниматься спряжениями.

— ... Неправильные глаголы в первом и третьем лице множественного числа имеют одинаковое окончание, — быстро заговорил он. — Вир мюссен — зи мюссен... Именно порядочного мальчика, которому не интересны стрельба, пианино и всякие там разные... водокачки. Которому дорого его время. Кто тебе даст кусок хлеба, когда ты вырастешь, а?..

Петя слышал от отца этот вопрос уже много раз — всю жизнь, сколько помнил себя. Он уже свыкся с ним, так же как свыкся с проданным креслом в этой ком-

нате, с тонкими деревянными стенами, с рыжими обоями на них, даже с одним и тем же пятном на обоях, своей формой напоминающим сапог. В их комнате было немного предметов. С тех пор как умерла его мать, они с отцом поселились в одной комнате. Жили они одиноко: отец подозрительно относился ко всем окружающим. Они даже сами себе готовили обед. Петин отец изо всех сил старался «вытянуть сына на какую-то дорогу» и для этого всячески изворачивался, гнул шею, хлопотал и выдумывал разные проекты, но все его поступки были так же нелепы, как и он сам. То он поступал на службу и корпел там с утра до вечера, то вдруг из-за какого-нибудь пустяка ссорился с начальством и вылетал со службы, то он собирался все куда-то уезжать и так никуда и не уезжал. Он служил и аптекарем, и кассиром, и контролером и даже собирался зарабатывать деньги игрой на скрипке, и скрипка эта до сих пор висела на стене без струн, но перевязанная акуратным бантом.

Ко всему этому Петя давно привык, так что все это несколько даже его не трогало.

Они позанимались немецкими спряжениями, потом отец заявил, что желает проверить Петю по древней Греции. Петя покорно встал и вытащил из ранца учебник древней истории. За окном в это время раздался сильный выстрел, и оба они на минуту прислушались.

— Древняя Греция есть одна из прекраснейших страниц истории! — сказал отец дрожащим голосом, раскрывая книгу и усаживаясь в кресло. Он протянул свою длинную руку и похлопал ею Петю по плечу. — Ты, Петюша, еще не знаешь, что это за прекрасная и благородная вещь! Вот, например, греко-персидские войны.. То есть, вообще-то говоря, это скорее не благородная, а, конечно, ерунда собачья, все эти греко-персидские войны... Вернее сказать, собственно, не ерунда, а очень важное и историческое, собственно говоря, обстоятельство...

Запутавшись в словах, он опять вдруг страшно рассердился и вскочил с кресла, снял с носа очки и снова надел их.

— Ты еще мальчишка! Сосунок! — кричал он. — Когда ты вырастешь большой, то тебя не будут интересовать все эти выстрелы, всякое там — трах-бах-тарарах!.. Подумаешь! Вот пойдешь зевать на улицу, а тебя пулей — хлоп и готово. Или пальто снимут. Так тебе и надо — не суйся, куда

не следует!.. Читай мне про греко-персидские!

Петя принял в руки книжку. В это время за окном опять глухо бухнуло, и стекла задрожали. Петя и отец переглянулись.

— Это красные,— сказал Петя.

— Врешь ты!— сердито сказал отец.— Никакие это не красные...

— Нет красные. Я по звуку знаю. Белые— это близко, а те подальше. Наступают!

— Совсем ничего не красные! Ничего ты не знаешь по звуку. Это совсем в другой стороне ударило!

Они заспорили и споря подошли к окошку. Здесь они прильнули к стеклу и начали прислушиваться, продолжая спорить почему-то уже шопотом.

По стеклу ползли капли. Какое-то дерево качалось за окошком. Папа встал на подоконник и приложил ухо к самой форточке. Потом он тихонько открыл форточку и пытался просунуть в нее голову. Но это ему не удавалось. Он вдруг вспомнил про древнюю Грецию и поспешил прочь от окошка.

— Достаточно!— закричал он Пете.— Нечего глазеть! Подумаешь: красные или какие там — мне это совершенно безразлично! Сегодня стреляют, завтра будут стрелять, послезавтра, год, два, десять! Бах, бах!.. И гимназия десять лет будет закрыта... А вы извольте сначала забыть немецкие спряжения, потом — русский язык, потом станешь идиотом, потом — хлоп — пошел с сумой по миру!.. Закрытая гимназия...

Папа умолк, внезапно смущенный своими словами о закрытой гимназии. Он вдруг спросил Петю:

— Директор уезжает?

— Уезжает,— ответил Петя,— с белыми. И инспектор с инспекторшей. И еще «Рыбий глаз».

— Какой такой рыбий глаз? — спросил отец, занятый тревожной мыслью.

— Это у нас надзиратель есть, так называют.

— При чем тут рыбий глаз? — рассердился папа.— Тут ты знаешь, что... что... он в волнении снял очки, протер их и опять надел.— А ты со всякой ерундой суешься! Глаз!.. Ты знаешь, что теперь директор о тебе подумает? Ты на закрытии не был, в последний день, когда директор речь говорил?

— Нет,— сказал Петя.— Ты сам не вел.

— Дело не в том, кто велел, кто не велел! Болван!.. Он подумает, что ты нарочно. Будто ты и рад, что гимназия закрывается, а он уходит с белыми, что мы с тобой только и ждали этого...

— Ну и пусть думает,— сказал Петя.— Он уезжает.

— Почему ты знаешь?! Сегодня уезжает, а завтра приезжает!.. Нужно сейчас же пойти туда, к нему. Сию же минуту, пока не поздно. Так и так, мол, сказать, что у тебя был флюс. Попрошайся, пожелать всего доброго... Тебе ничего не сделается!

Папа засуетился страшно, вскочил и сразу же принялся надевать пальто. От волнения и спешки руки его никак не могли попасть в рукава, очки падали с носа. Папа схватил с гвоздя петину шинель и бросил на стол. Сам он принялся надевать чистый воротничок и галстук.

«Действительно ничего не делается. Хотя противно идти кланяться Штраубе,— подумал Петя.— Зато побываю на улице».

— ...сегодня уезжают, а завтра обратно приезжают. Ничего не знаем, что еще будет,— бормотал отец, борясь с рукавами.— Вызывай тебя после возвращения и говорит: «Так, молодой человек. Вам, значит, больше нравится красная школа?»

Он обдернул на Пете шинель и осмотрел его.

— Фуражку наденешь форменную. Будешь идти по городу— пусть все знают, что ты гимназист. Мы идем с визитом к директору. Молчать! Ты чувствуешь себя гимназистом и вовсе не ожидаешь никаких этих красных!— сказал он громко, чтобы слышали соседи.— Может быть, щеку подвязать, чтобы видно было, что флюс был? Как звать-то твоего, этого, Штраубе?

— Карл Эрнстович,— сказал Петя.— Не надо щеку подвязывать.

— Надо, раз говорят!— прикрикнул отец, доставая из сундука платок.— И вежливо будь. Скажешь, Карл Борисович...

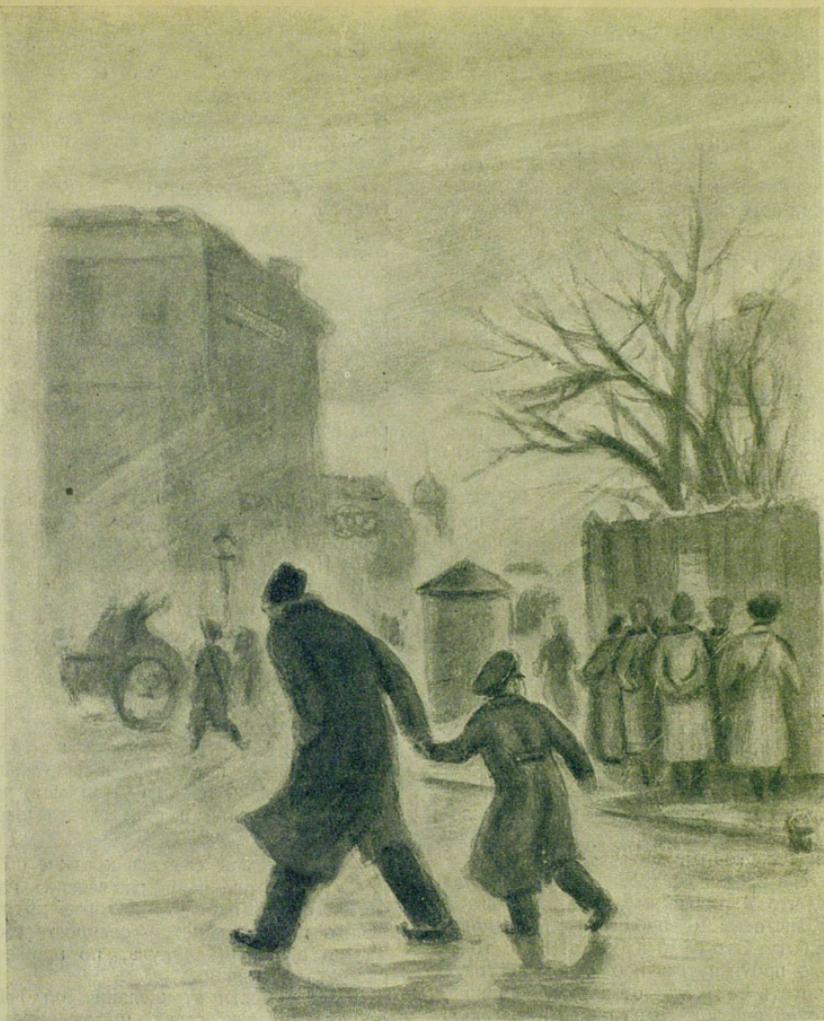
— Эрнстович.

— Все равно. Хоть Чорт Иванович! А ты будь вежливей... Не растаешь!

Папа обвязал дрожжками руками петину голову платком, прикрыл сверху фуражкой и еще раз осмотрел Петю:

— Нечего кускаться. Когда я был маленьким, у меня тоже был флюс... Потопрапливайся!

Схвативши Петю за руку, он вышел в коридор, поспешно спустился по лестнице, почти сбежал, перескакивая через две сту-

Они еще быстрее зашагали вперед.

пеньки, и быстрыми шагами пошел по улице, увлекая за собой Петю.

...Петя помнит предвечернюю улицу, холод, какое-то особенное выражение озабоченности и тревоги, которое, казалось, было написано на всем: на темном небе, на лицах проходящих людей, даже на фасадах знакомых домов. Но вместе с тем казалось

удивительным, что все предметы, издавна известные в этом городе, продолжали находиться на своих местах: стояли афишные будки, булочная, в окнах аптеки лежали стеклянные шары с кислородом, под вывеской оптического магазина покачивались от ветра огромные синие пенсне с надписью «Оптик К. Берг». Только в синих пенсне

и кислородных шарах отражались слабые отблески продолжающихся где-то вспышек, и каждый раз, когда в пенсне вспыхивали эти гневные огоньки, казалось, что они на что-то очень сердятся, и от этого было еще тревожнее и необычнее на душе.

Петя с удовольствием разглядывал спешащих мимо него людей, проезжавшие повозки, нагруженные мешками, ящиками, сундучками, солдат, идущих за повозками. Они кутались в шинели, в английские тулжурки, в зеленые и негреющие солдатские одежды.

Один солдат нес подмышкой живого гуся. Гусь тоже не кричал, а смотрел спокойно по сторонам, словно понимал всю многозначительность окружающего.

Все это было очень хорошо. Пете только не нравилось, что он должен идти с подвязанной щекой как девчонка. И еще что отец его так спешил и не давал как следует осмотреться.

Теперь уже было ясно, что молнии происходят от пулеметов. Их таракшенья на улице было гораздо отчетливей слышно чем дома.

На одном углу у забора стояла толпа и читала какое-то объявление. Оно было напечатано на оберточной бумаге и начиналось словами: «Товарищи! Золотопогонники в панике отступают». Это была прокламация. Толпа молча читала ее, не сердясь и не улыбаясь. Один грыз семечки. Никто не срывал листовку.

Некоторые солдаты сворачивали с дороги и тоже читали листовку и потом спокойно проходили дальше.

Петя с восторгом посмотрел на окружающие его лица. Он давно уже слышал о том, что в городе какие-то люди выпускают листовки и вообще ведут подпольную работу. Это было здорово! Надо только было протиснуться поближе к листовке и прочитать ее всю — от начала до конца.

Но отец поймал его за рукав и вытащил из толпы в сторону.

— Нечего! — сказал он, опасливо косясь по сторонам. — Это тебя не касается!

Вприпрыжку шагая рядом с отцом, Петя думал об этих загадочных и таких необыкновенных людях, которые сейчас печатали листовки, мазали их клеем, вешивали на заборах. Кто они?

— Папа, кто делает эти листовки? — спросил он.

— Глупости! — пробурчал отец, поднимая воротник пальто. — Их делают те, которые не желают закончить свое образование.

И они еще быстрее зашагали вперед.

Возле базара дорогу им преградила толпа. Движение здесь было еще гуще. Нескольких потоков людей и повозок сливалось тут, восклицали что-то люди, ржали лошади, шелкали кнуты, где-то играла шарманка.

В стороне, на рундуках, несколько торговков торговало лепешками, салом, яблоками, закрывая их тряпками от мокрого снега. Какие-то солдаты продавали с рук сапоги.

Где-то уже зажигались огни. Толпа двигалась. Никто не обращал внимания на гимназиста с подвязанной щекой и его отца, пробирающихся сквозь толпу, спешащих к директору гимназии Штраубе...

На самом углу стоял шарманщик. Это был просто обыкновенный парень в ватном пиджаке и с широкой физиономией. На шарманке сидел попугай, всклокоченный и хмурый, похожий на петиного* отца.

Отец остановился и сердито посмотрел на попугая. Он ему не понравился.

— Играют тут! — буркнул он.

Парень крутил ручку и подмигивал, весело улыбался и кричал проходившим мимо солдатам:

— Вот оракул счастья, полное предсказание судьбы в прошлом и будущем!.. Служивые! Кому дальняя дорога, кому родной дом, кому края дорогая...

Солдаты, заинтересованные попугаем и судьбой своей, подходили к шарманщику; одни, послушав, проходили дальше, другие вынимали керенки и протягивали шарманщику

— Кто желает спытать краткое об'яснение судьбы, получает раз'яснение на месте, — говорил парень, — которые хотят получить полный пакет, — раскроют его дома, по правилам оракула, по прошествии рассвета, натошак.

В зависимости от желания он говорил попугаю разные слова, и тот выдергивал белые или зеленые пакетики. И солдаты, интересующиеся полной судьбой своей — прошлой и будущей, — бережно засовывали белые пакетики за пазуху солдатских шинелей и в котомки, чтобы раскрыть их на свой солдатский натошак, на солдатском своем рассвете... Другие разрывали пакетики тут же, смеясь и взмахивая руками, иным прочитывал пакетики сам парень — про дальнюю дорогу, про скорое свидание и перемену в скорой будущей жизни...

В это время сквозь толпу протискивался верхом на коне казачий урядник, или вах-

Дрожащими руками отец взял листовку.

мистр, или еще кто, только с нагайкой и в папаче, и сердито осмотрел шарманщика.

— Дай-ка! — сказал он, протягивая руку с нагайкой, висящей на запястье руки. — Чего у тебя тут?

Парень сказал попугаю слово — и тот выдернул пакетик. Но только Петя заметил, что пакетик он вытащил не тот, который нужен был по слову, — вместо зеленого белый, ошибся, должно быть.

Парень тоже заметил, что пакетик — вместо зеленого белый, и испугался.

— Стойте! — крикнул он. — Не тот, ваше благородие!

— Ничего, — сказал вахмистр или уряд-

ник и стал вертеть пакет в руках: видимо, он не был силен в грамоте.

— Ну-ка, ты, очкастый! Прочитай-ка мне, чего тут описано. Только все как есть! — вдруг крикнул он и показал рукой с нагайкой прямо на петиного отца.

Папа хотел было отступить в толпу, задом, но незаметно не вышло: теперь уже все смотрели на него. Он взял пакет.

Сняв очки и опять надев их, он разорвал конверт и вынул листочек. Петя заглянул в листок через папину руку и прочел первые строчки.

«Товарищи солдаты, находящие в белых рядах! — было написано там. — Вы тру-

дядие люди, которых обманом заставили проливать кровь ваших братьев...»

Дрожжкими руками отец поднял листовку к самому носу и кашлянул. Петя взглянул на парня; тот был бледен, больше не улыбался, и казалось, будто даже лицо его стало уже. Не отрывая глаз, смотрел он на петиного отца. Петя схватил папу за руку.

Папа опять снял очки и протер их. Он сердито посмотрел на Петю, вырвал руку и отвернулся. Он знал, что Петя его сейчас презирает, и Петя знал это. А папа все кашлял и не читал.

— Ну, давай, читай! — крикнули урядник и еще кто-то в толпе.

Наконец, папа опять вздел очки и поднес к ним бумагу.

— Здесь написано... — сказал он. — Да, собственно говоря, здесь написано вот что: «Вам предстоит дальняя дорога и как это, — да — и большой интерес... Большой интерес по случаю получения письма, с большим интересом. Но все окончится благополучно... благополучно, и вы встретите этот самый... родной дом. В скорости, родной дом», — да, вот и все.

Он посмотрел на урядника и протянул ему бумагу. Тот тоже молча поглядел на отца, прямо в глаза, потом хлестнул плеткой по бумаге и, завернув коня, поскакал прочь. Бумага упала в жидкую грязь, покрытую мокрым снегом.

Папа схватил Петю за руку и, не глядя на шарманщика, бросился из толпы. Бледные, молча, они поспешили дальше, вперед, не видя ни шарманщика, ни урядника, ни толпы и не разбирая дороги.

Но когда они добежали до следующего угла, их окликнул кто-то сзади. Они оглянулись и увидели шарманщика. Запыхавшись, он тащил шарманку за спиной.

Добежав до Пети с отцом, он поставил клетку с полугаем на землю и протянул отцу руку. В это время опять загрохотал пулемет, уж совсем где-то близко.

— Гражданин, товарищ, — сказал шарманщик. — За революционную солидарность с рабочим классом... Кто вы ни есть такой, поскольку вызволили из опасного положения...

Видно, слов у него не хватало. Молча сжал он руку отца.

Отец опять схватил очки с носа и принялся протирать их. Но руки не слушались его: они никак не могли найти в карманах платок. И вместо него папа, наконец, вынул вдруг из кармана какую-то бумажку. Но он не бросил ее, а принялся бумажкой

протирать очки, и видел, что протирал бумажкой, но не бросал ее. Петя никогда еще не видел, чтобы отец его так волновался.

Он очень старался стать спокойным, что никак не удавалось ему. Это очень сердило его.

— Милостивый государь! — вдруг сердито сказал папа шарманщику. — Вы, вы... мальчишка! Вы, наверное, полагаете, что я трус. Собственно говоря, вы считаете, что вы, вы вот можете рисковать и... и... всякое там... «Находящие!» «Трудящие!» Листовки!.. — вдруг закричал он сорвавшимся голосом и без всякой связи с предыдущим.

Он схватил Петю за руку и, резко повернувшись, бросился вперед. Шарманщик удивленно смотрел им вслед.

Папа продолжал волноваться. Только добежав до следующего угла, он решил, что должен что-то объяснить шарманщику, обернулся и крикнул:

— Трудящие! Находящие! Отглагольные прилагательные от слов, имеющих в неопределенном наклонении окончание «ся»...

Но шарманщика уже не было. Тогда, почувствовав, как все это глупо, отец сказал уже Пете:

— ...должны оканчиваться на «ся»! Мне не дали в свое время окончить образование. Меня нужда заела...

Они зашагали дальше. Шарманщика не было. Но отец должен был теперь ему объяснить что-то и рассказать.

— ...на «ся»! — продолжал он поэтому кричать уже Пете. — Вы печатаете листовки, а не знаете основных правил!

Петя вовсе не печатал листовок, но он видел, что теперь отец говорил совсем не то, что хотел, и так сердит, что сам не знал на что, за что и на кого за все это рассердиться.

Да и сам Петя был так взволнован приключением с шарманщиком, что ничего не отвечал, а бежал рядом с отцом. Теперь отец его уже шагал так быстро, почти бежал, что Петя с трудом поспевал за ним.

Вскоре замолчал и отец, и оба они, обуреваемые своими мыслями и прислушиваясь к таканию пулеметов, молча мчались вперед и совсем забыли, куда и для чего бежали.

Вспомнили же они это, когда уже очутились перед домом директора.

В высоком директорском доме были освещены все окна, и двери были открыты. Перед парадным стоял извозчик, нетерпеливо дергая вожжами.

И в тот самый момент, когда к крыльцу подбежали Петя с отцом и тут остановились, из парадного вышел директор в длинной шубе с поднятым воротником. Рядом с ним шла дама. Директор удивленно посмотрел на гимназиста в форменной фуражке, с подвязанной щекой и длинного, неуклюжего человека, рядом с ним.

— Это... это гимназист по фамилии Толстомосов — сказал петин отец.

— Очень хорошо, — сказал директор.

— Это мой сын, — сказал отец, снимая очки и ища платок, чтобы протереть их. Он подбирал в голове, что же он должен сказать директору. — Вот, собственно, и все.

Но так как ни платка, ни слов не находилось, то было опять-таки ужасно непонятно — если это — все, то почему они запыхавшись стояли теперь перед крыльцом директора. Отец схватил Петю и, чтобы создать хотя бы видимость дела, принялся рассказывать взад и вперед перед крыльцом. Плечи его подергивались, он припрыгивал на правую ногу.

— Ничего вот... Мы гуляем, — сказал он неестественно легкомысленным голосом. — Погода... Хотя, собственно, дождь... Но это неважно, что дождь.

Директор смотрел на его странное поведение и ничего не говорил. Дама презрительно фыркнула.

Положение такое было, действительно, еще нелепей. Папа видел это, поэтому он начал окончательно выходить из себя. Он вдруг резко повернулся и стал перед директором.

— Нам плевать, что дождь! — закричал

...Он принялся топтать фуражку в грязь

он. — Разве это — ваше дело? Скажите на милость!.. Эта улица не принадлежит вам!.. А вы-то, может быть, полагали, что мы... Этак, с почтением?! Ручку пожать?! Поклониться?! — голос отца здесь опять сорвался и стал пронзительным. Отец вдруг сделал выпад ногой вперед и показал директору кукиш. — Вот, милостивый государь!! Знайте! Мы против этих живых церемоний! Мы плюем на них!.. И на гимназию вашу плюем! Вот!! Петя, скинь герб! — вдруг заорал на Петю отец. — Скинь тебе говорят, подлец, подхалим ты этакий, брось ему в рожу!!

Он сам схватил с Пети фуражку, пытаясь сорвать с нее герб. Но тот не поддавался. Тогда отец бросил фуражку на землю.

Петя привык ко всяким неожиданностям в поведении своего отца и обычно встречал

их спокойно. Но тут он с удовольствием поддал свою фуражку ногою и принялся даже топтать ее в грязь.

Но этого Пете было мало. Он сорвал с головы платок и бросил его вслед за фуражкой. Пораженный этой сценой, директор между тем что-то произносил, испуганная дама тянула его за руку, извозчик тоже говорил что-то!

— Правильно, Петюша! Bravo! Так им, аккузативам! Их мусс, ду мусст! — кричал между тем отец, тоже поддавая ногой тряпку. — Вы полагаете, что мы подвязали платок, чтобы изобразить флюс! Неправда! Нет у нас никакого флюса!! И не было никогда!!

Но это ему показалось еще не достаточно неожиданным для директора. Он выпятил грудь и крикнул вдруг:

— Вы еще ничего не знаете! Это я выпускал листовки! Подпольные листовки, господин директор, да!.. Вот вам, господа древние греки!..

Тут уже удивился даже и Петя. Что же касается директора и дамы, то Петя помнит необыкновенное смятение на их лицах...

...Потом Петя помнит себя уже бегущим домой, отца, мчащегося рядом с ним огромными шагами, ветер, жидкую грязь, расплывающуюся из-под калош, и громкий стук бьющегося сердца. Всю дорогу они боялись обернуться. Им мерещился сзади стук ног; казалось, будто за ними гнались директор, и дама, и извозчик. Петя бежал без фуражки, ветер трепал его мокрые волосы, но Петя не обращал на это никакого внимания. За городом, у водокачки, теперь все громче и громче раздавалась стрельба, бухали снаряды, с резким рокотом говорили пулеметы. Им вторил на главной улице стук колес, уезжающих подвод, двуколок, извозчицких пролеток. С каждым ударом этот грохот колес словно приумолкал,

чтобы затем становиться быстрее, громче и беспорядочнее. Иногда только Петя с отцом приостанавливались, чтобы послушать этот грохот, и снова бежали дальше.

Они не знали, куда бежали. Молча они пересекли базар, мимо синих пенсне «Оптик К. Берг». Молча вбежали к себе в дом, поднялись по лестнице и вошли в комнату.

Но тут они поняли, что в комнате этой им делать решительно нечего. Пустая комната с рыжими обоями была тесной и неуютной. За окном сверкали зарницы, казалось, что атмосфера была насыщена электричеством, как это бывает летом перед большой грозой, и от того в маленькой комнатке находиться было нестерпимо душно. Так же молча они вернулись и опять выбежали на улицу. Тут отец отдышался и зашагал спокойно, но быстро.

— Нужно посмотреть, как там дела идут, — сказал он Пете.

Он был похож на заговорщика.

— Я знаю там одно дерево... — зашептал Петя. — Клен! Все видно!

Так же быстрым, деловитым шагом они подошли к водокачке. Уже был вечер. Далеко внизу, под горою, двигались какие-то огни, черные точки, пятна. Гора была занята толпою наблюдателей. Темной молчаливой массой они стояли, всматриваясь в вечернюю дымку, в отблески зарниц, в то волнующее и огромное, что творилось сейчас внизу. Они не обратили никакого внимания на еще одного мальчика, подошедшего с длинным, сутулым и неуклюжим чело-веком.

— Ну-ка, где твой клен? — строго спросил отец.

— Вот, вот он! — сказал Петя, в темноте подводя отца к большому клену.

И, стараясь не шуметь, цепляясь за мокрые ветки, они полезли на дерево...

Римский Форум.

ТРИ ВОЙНЫ

Проф. Е. Тарле

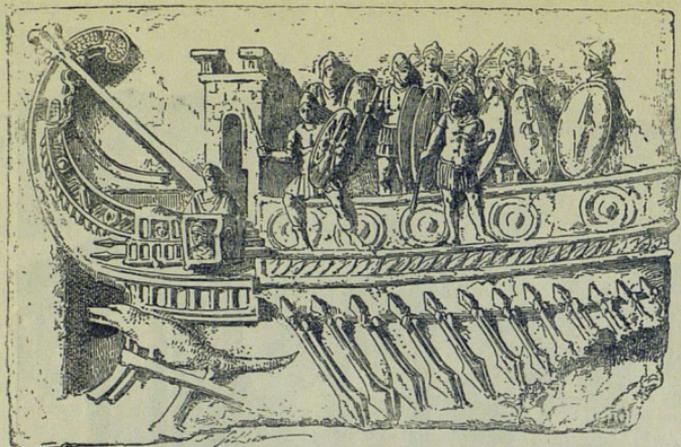
Сицилийская серебряная монета в 4 драхмы, чеканенная в 440—400 годах до нашей эры в г. Гела, найденная при раскопках Карфагена. На ее лицевой стороне изображен бык с человеческой головой — божество реки «Гела». На обороте — человек в колеснице. Над ним Ника — богиня победы.

Державы древнего мира Рим и Карфаген

Средиземное море — одно из самых больших морей на земле. Воды его омывают берега Франции, Испании, Италии, Сирии, Египта, Греции — стран, которые с давних времен ведут отчаянную борьбу за владычество над этим морем. Борьба эта

началась еще 2200 лет тому назад. И продолжается она и поныне.

Теперь, уже на наших глазах, особенно старается завладеть Средиземным морем фашистская Италия. Итальянское правительство громко заявляет, что желает без-

Римская галера — военноегребное судно. Гребцами на галере были рабы, они приковывались к сиденью.

раздельно владеть Средиземным морем, и при этом вспоминает, как 2 тысячи лет назад их предки, римляне, захватили это море, отняв его у самого сильного своего врага, у карфагенян. Однако всегда нужно помнить, что нынешняя итальянская военищина ничего общего со своими предками не имеет. Если храбрые римляне действительно завоевали чуть ли не весь древний мир, известный им, то нынешних итальянцев били все. Их били даже австрийцы. Итальянская армия бежала врассыпную несколько раз в течение мировой войны от австрийцев. Их наголову разбили абиссинцы, когда в 1896 году Италия начала грабительскую войну, чтобы захватить Абиссинию. Итальянские интервенты — фашисты потерпели позорнейший разгром при Гвадалахаре от испанских республиканцев в 1937 году.

Почему же древние римляне стремились завладеть Средиземным морем, и как им удалось сокрушить такого могущественного врага, каким был Карфаген?

Дело в том, что почти во всей Италии была малоплодородная почва, урожая на этой земле были скудные и древнему Риму всегда не хватало своего хлеба. Его приходилось привозить из Сицилии. Эта богатая, плодородная страна была житницей Рима.

Но как раз этой-то страной пытался овладеть Карфаген. Карфаген был тоже

могущественным государством. Оно находилось на севере Африки. Главный город этого государства, Карфаген, необычайно богатый и громадный, вел свою торговлю чуть ли не со всем миром, и карфагенские купцы плавали на своих судах не только по всему Средиземному морю, но заходили и в Атлантический океан, бывали даже в Северном и Балтийском морях, откуда они вывозили ценный янтарь.

Кругом Карфагена лежала бесплодная африканская пусты-

ня, и этот богатейший город тоже нуждался в хлебе. Громадный флот и богатая торговля, которую вел Карфаген, давали ему возможность получать хлеб из разных мест и прежде всего из Сицилии, которая лежала на полпути между Римом и Карфагеном.

Вот из-за Сицилии и разгорелась борьба. Она началась в 264 году до нашей эры.

В то время и Рим и Карфаген были в полном расцвете своего могущества, и силы их примерно были равны.

Римские легионы состояли из римских граждан и союзных племен, главную массу их войска составляли поселяне. Значительная же часть карфагенского войска была наемной.

Но зато у карфагенян было больше денег, сильный флот, и на море они одерживали блестящие победы над римлянами.

А на суше побеждали большей частью римские легионы. Борьба затянулась на несколько лет, но ни на той, ни на другой стороне не было перевеса.

Тогда римляне решили превратить морское сражение в сухопутное. Они соорудили особые подъемные мосты с крючьями и начали брать карфагенские суда на бордаж. Они близко подходили к вражескому кораблю и крюками подтягивали этот корабль к своему. Они быстро перебрасывали с одной палубы на другую мостки, перебирались по ним на чужой

корабль и начинали обычный рукопашный бой, в котором римская пехота превосходила карфагенские войска.

Римляне стали бить карфагенян и на море, но война все-таки не кончалась.

Так прошло 20 лет. Война истощила и Рим и Карфаген. За эти годы и римляне и карфагеняне проявили большую храбрость, большую твердость духа, большое самопожертвование.

Однажды один из римских полководцев попал в плен к карфагенянам. Те отпустили его в Рим с наказом, чтобы он уговорил римлян окончить войну и заключить с Карфагеном мир.

Карфагеняне заставили этого полководца дать честное слово, что если римляне не захотят мира, то он должен вернуться обратно в Карфаген.

Полководец приехал в Рим и сказал римскому Сенату и римским консулам, чтобы они ни в коем случае не заключали мира с Карфагеном. А сам вернулся в

Карфаген и был там убит. Он знал, что в плену его ждет смерть, и был готов к этому, потому что горячо любил свою страну, верил в могущество Рима и был убежден, что Рим в конце концов сломит карфагенян. И действительно, когда в 241 году кончилась война, Карфаген уступил римлянам Сицилию и она стала римской провинцией.

Эта война, которая длилась 23 года, называется в истории первой Пунической войной, потому что римляне называли карфагенян пунами, т. е. финикийцами.

Но борьба на Средиземном море не прекратилась. Богатый и сильный Карфаген стал постепенно захватывать Испанию и получать оттуда хлеб. А в те времена Испания была гораздо богаче Сицилии. Прошло несколько лет. Казалось, все было спокойно. Но римляне чувствовали недоброе: они понимали, что карфагеняне помирились только для виду, а сами готовятся к новой войне.

Сицилийская серебряная монета в 4 драхмы, чеканки между 317—310 годами в Сиракузах. На лицевой стороне — голова Персефоны, дочери Зевса. На обороте — Ника, воздвигающая трофей.

За эти годы у карфагенян появился человек, который стал одним из величайших полководцев древнего мира. Это был Ганнибал.

Таких великих полководцев история знает немного. В царской России это был Суворов, измайловский герой, выигравший столько сражений, сколько он дал битв, во Франции — Наполеон, в Риме — Цезарь, в Карфагене — Ганнибал.

Он был сыном Гамилькара, одного из отважных государственных мужей Карфагенской республики, и родился в 247 году до нашей эры.

Ему было только 9 лет, когда отец его, который ненавидел римлян, привел его в карфагенский храм и заставил торжественно поклясться, что он, Ганнибал, всю жизнь будет непримиримым врагом Рима.

Ганнибалова клятва

И Ганнибал поднял свою маленькую руку, поклялся и впоследствии свою клятву сдержал. С тех пор клятва в вечной ненависти называется ганнибаловой клятвой.

Ганнибал от природы был необычайно одаренный человек. Он получил прекрасное образование, как общее, так и специально военное. Историки говорят, что у него было гибкое и крепкое тело, он очень отличался в беге, был искусным бойцом и отважным наездником. В походах он бывал неутомим, в битвах поражал всех отвагой и храбростью.

Он всегда подавал пример своим солдатам, самоотверженно борясь о них, не даром он приобрел горячую любовь и преданность своего войска.

Он держал в беспрекословном подчинении свою разноплеменную, наемную ар-

мию, которая никогда не восставала против Ганнибала даже в те тяжелые времена, когда этому войску нечем было платить.

Ганнибалу было около 27 лет, когда снова стали вспыхивать столкновения между Римом и Карфагеном, но теперь это столкновение разразилось в Испании.

Как и в первой Пунической войне, у римлян в Испании были свои дружественные племена, которые всегда держали сторону Рима. Уже давно римские власти с беспокойством видели, что Карфаген, уступив Сицилию, в сущности, не только не ослаб, но, наоборот, стал сильнее, так как забрал в свои руки Испанию. Ссора началась из-за того, что карфагеняне начали обижать римских союзников и постепенно захватывали земли тех племен, которые дружили с Римом. Было ясно, что дело без войны не обойдется, и Рим стал готовиться к новой войне.

Вскоре, через какие-нибудь два—три года, разгорелась вторая Пуническая война. Карфаген назначил своим полководцем Ганнибала. Военный гений Ганнибала подсказал ему, что с Римом нужно бороться только в Италии.

Чтобы добраться до Рима, карфагеняне должны были переплыть Средиземное море. И вот Ганнибал собрал громадную армию, часть ее оставил в Африке для защиты самого Карфагена и выступил в поход на Рим в 218 году. Он решил перебросить армию в Испанию, провести ее северным берегом Средиземного моря, через Альпийские горы, и с севера вторгнуться в Италию.

Он собрал около 90 тысяч пехоты и 12 тысяч всадников. По тогдашнему это была огромная армия. Кроме того в карфагенской армии были боевые африканские слоны; в новой войне они очень помогли Ганнибалу.

Во время сражения эти боевые, отлично выдрессированные слоны пускались против вражеской армии. Огнестрельного оружия, артиллерии, пушек тогда не было, а для стрел кожа слонов была непроницаема. Ужас и смятение охватывали римских воинов, когда карфагеняне выпускали 50—60 слонов. Их невозможно было остановить. На спинах слонов сидели люди в палатках, сделанных из твердых материалов, и управляли слонами. При виде этих невиданных зверей римская армия в страхе обращалась в бегство; тогда карфаген-

Ганнибал.

ские войска бросались на врага и окончательно добивали его.

Так вот, запасшись боевыми слонами, с 90-тысячной армией Ганнибал пошел на Рим. Он вел свою армию в такой строгой тайне, что римляне долгое время недоумевали, куда вдруг скрылся Ганнибал, и римские разведчики никак не могли его обнаружить. Им и в голову не приходило, что Ганнибал решился на отчаянный шаг: перейти Альпы и ударить на Рим с севера.

Ганнибал прошел по югу нынешней Франции, по северному берегу Средиземного моря и дошел до Альп. Альпы — огромные горы, одна из самых великих и высоких горных цепей. Казалось, что они совершенно неприступны и непроходимы.

Известно, что через Альпы после Ганнибала с большими армиями прошли только два великих полководца. В 1799 году их перешел Суворов, а в 1800 году — Наполеон.

В Ленинграде, в Русском музее живописи, есть знаменитая картина художника Сурикова — переход Суворова через Аль-

пы. Художник показал, с каким трудом приходилось Суворову одолевать эти горы. Пушки, орудия срывались в ледяные пропасти. Через узкие горные щели, по которым еле протискивался человек, нужно было протаскивать громоздкие чугунные пушки.

Каково же было переходить Альпы Ганнибалу, у которого были не пушки, а слоны. Это был необычайно героический и отважный переход. Половина армии Ганнибала погибла в снежных пропастях Альп. Много погибло и слонов.

Срываясь в пропасти, слоны увлекали за собой и людей. Снежные обвалы много

раз заграждали тропинки, по которым, растянувшись длинным узким строем, с трудом шел Ганнибал со своей армией. И ведь армия Ганнибала состояла в большинстве из уроженцев жаркой Африки. Много их погибло в Альпах от жестокой стужи.

Если бы римляне могли предположить, что Ганнибал нападет на них со стороны Альп, они укрепили бы северные проходы. Но никто не знал, какими путями пробирался Ганнибал. В конце октября 218 года, после почти полугодичного беспримерного похода, он спустился в долину реки По.

Сицилийская медная монета, чеканенная около 210 года. На ней изображена голова Ареса (бога войны). На обороте — орел.

Когда первые отряды Ганнибала показались в Италии, когда прибежали в ужасе разные горные племена, которые живут в Альпах, и рассказали римлянам, что идет какой-то невиданный враг с несметным войском, с черными людьми (потому что у Карфагена были негритянские наемники), с невиданными никогда громадными и страшными животными, римляне стали спешно собирать свои войска и отправлять их на север Италии. И тут одна за другой произошло четыре отчаянных битвы, и во всех этих битвах остался полным победителем Ганнибал. Он разгромил римские легионы в первый раз. Они бежали, соединились с новой армией. Он разгромил их второй раз. Рим послал третью армию. Но Ганнибал наголову разбил римлян и в третий и в четвертый раз. В панике бежали остатки римских легионов в Рим. Они рассказали о силах Ганнибала, о его необыкновенных слонах, о том, что выдержать натиск карфагенян не сможет никакая армия.

Ужас охватил Рим, ужас, который охватывает иногда целый народ, когда кажется, что все погибло, когда даже храбрые

люди теряют мужество. Римляне считали, что все пропало, что пришел конец римскому государству. И в Риме всюду можно было слышать одну фразу, которую все произносили в страхе и в отчаянии: «Ганнибал у ворот!» И с тех пор, когда хотят сказать, что грозит очень большая и близкая опасность, люди говорят: «Ганнибал у ворот!» А между тем Ганнибал все еще шел восточным берегом Италии, все больше и больше опускаясь к югу. Но взять Рим он все-таки не мог. Слишком много войска и слонов он потерял и в Альпах и в четырех сражениях. И теперь у него не хватало сил, чтобы окончательно разгромить Рим.

Напрасно он просил помощи у Карфагена. Карфагенский сенат не понимал, какой опасный момент наступил не только для их полководца, но и для всего Карфагенского государства. Сенат медлил и не торопился помочь Ганнибалу.

Уже несколько лет воевал Ганнибал в Италии. Между тем в Риме среди полководцев не было единодушия. Одни говорили, что армию Ганнибала нужно ослаблять небольшими постоянными стычками. Вряд

„Ганнибал у ворот!“

Развалины римского Форума — городской площади. На Форуме заседал Сенат и происходили народные собрания.

ли Карфаген придет ему помощь. Слишком далеко забрался Ганнибал, и не всякий полководец сможет пройти этот далекий и опасный путь. Не нужно давать Ганнибалу решительного сражения: его армия постепенно сама вымрет. Другие говорили, что это неверно, что Рим не так давно покорил Италию, что в самой Италии есть племена, которые только и ждут, чтобы от Рима отложиться, и Ганнибал может их привлечь на свою сторону. Если его не разбить, он погубит все римское государство. Надо разбить Ганнибала наголову, говорили они, и навсегда покончить с его армией.

Была снаряжена снова римская армия, самая большая из всех, какие снаряжались за все время существования Рима, и был выбран диктатор — человек, который назначался в минуту очень большой опасности для государства. Ему должна была подчиняться беспрекословно вся страна. Таким человеком был избран тогда в Риме Фабий. Но Фабий-то, именно и полагал, что не надо нападать на Ганнибала;

Фабий считал, что хотя Ганнибал и понес большие потери, но он великий полководец и все-таки еще слишком силен; с ним будет трудно справиться и при виде его слонов трудно удержать от ужаса и от бегства римские войска. А потому лучше повременить, говорил Фабий. Но другие полководцы не соглашались с ним. Они называли Фабия «медлителем». На латинском языке это значит «Кунктатор». Его так и прозвали Фабий Кунктатор — «Медлитель».

Один из тех, кто негодовал на Фабия Кунктатора, был Теренций Варрон. Когда окончился срок диктатуры Фабия, римский сенат поручил командование римской армией двум консулам: Теренцию Варрону и Павлу Эмилию. Воспользовавшись тем, что командование находилось в его руках, Теренций решил дать Ганнибалу решительный бой. Сражение было дано при Каннах (город в Апулии). Это была одна из самых огромных битв, которые только бывали в истории древнего мира. Ганнибалу удалось совершить искусный

обход римской армии, которая неожиданно для ее начальников подверглась страшному нападению одновременно и с боку или, как говорят на военном языке, с фланга, и прямо в лоб, с фронта. Она продолжалась всего лишь несколько часов. Местность была очень удобная для действия отличной нумидийской конницы Ганнибала. Римские легионы стойко держались, несмотря на то что слоны Ганнибала разбивали их фронт. Но решительная победа осталась за Ганнибалом. И хотя у него уже было теперь гораздо меньше людей чем у римлян, он так разгромил их, что десятки тысяч групп римских солдат остались на поле битвы. Погибло больше половины римской армии, а остальная часть ее в беспорядке бежала. Это был самый страшный разгром, который когда-либо потерпели римляне за всю свою историю.

Казалось, Рим погибал. Но храбрые и мужественные римляне даже в этих отчаянных обстоятельствах не потеряли присутствия духа. Несчастный Теренций Варрон, который проиграл сражение при Каннах, со страхом ждал казни или другого наказания со стороны Сената. Но Сенат простил Теренцию его ошибку, так как полагал, что Теренций допустил ее невольно. Он сделал то, что — хоть и ошибочно — считал необходимым для спасения Рима.

Рим снова начал набирать армию.

А Ганнибал действительно стоял у самых ворот Рима, но не мог его взять. Он все еще ждал помощи, и, наконец, Карфаген послал против Рима новый отряд под предводительством Газдрубала — брата Ганнибала. Он шел тем же путем, каким шел Ганнибал, и тоже потерял много войска. Римляне, узнав, что идет подмога Ганнибалу, бросили на север все свои силы. Но Газдрубал не отличался талантами своего брата. Он проиграл сражение, был убит римлянами, а отряд его был весь уничтожен.

Ганнибал с тревогой ждал известий о продвижении Газдрубала. Он понимал, что в чужой стране, отрезанный морем и огромными пространствами от своей родины, он потеряет плоды всех своих побед.

Однажды в лагерь Ганнибала прокравшимся римлянином была переброшена на копье голова Газдрубала.

Это была первая весть, которую получил Ганнибал о своем брате. Все было кончено: погиб брат, погиб и его отряд. И вскоре Карфаген сообщил Ганнибалу, чтобы помощи он больше не ждал. Теперь Ганнибал сам оказался в положении осажденного. А тут еще он получил известие, что римские войска перешли море, высадились в Африке и идут на Карфаген.

Тогда карфагенский Сенат спешно вызвал Ганнибала. Ганнибал явился. Но армия его была истощена и плохо снаряжена. И в решительном сражении при Заме в 202 году римляне разбили Ганнибала. Так кончилась вторая Пуническая война.

После отчаянной 16-летней борьбы Карфаген должен был уступить римлянам Испанию, должен был счесть свой военный флот и без разрешения Рима не имел права ни с кем воевать. Но Карфагенская республика осталась, жив был и Ганнибал.

Рим никак не мог забыть той страшной опасности, которую он только что пережил, и, пока был жив Ганнибал, римляне не могли быть спокойны. Карфаген, как и прежде, был богатым городом, и торговля карфагенян процветала. Правда, могущество Карфагена было поколеблено, но он все-таки был еще страшен для римлян.

Помня свою клятву, принесенную еще в детстве, и сознавая, что открыто бороться с Римом нельзя, Ганнибал стал осторожно подготавливать свой народ к войне с Римом. Об этом узнали в Риме, и Рим потребовал выдачи Ганнибала. Что было делать карфагенянам? К войне они были неготовы. И Ганнибал решил бежать из своего города, чтобы не вынуждать Карфаген ответить отказом на требование римлян, которые могли пойти из-за этого войной. Долгое время он скитался на востоке и, наконец, когда опять нависла угроза, что его выдадут Риму, чтобы избегнуть постыдного плена, он кончил жизнь самоубийством, приняв яд, который, как говорят, он всегда носил в своем перстне.

Так погиб этот человек, гениальный воин, последний оплот Карфагена.

Монета с острова Лигурия,чеканенная в 350—300 годах. На лицевой стороне—голова Гестаста—бога огня и металлических изделий. На обороте—нос корабля.

Наступило длительное время, около 50 лет, когда никакой войны между Римом и Карфагеном не было. За эти 50 лет Карфаген выстроил мощный торговый флот. Военных кораблей карфагеняне строить не могли. Торговля их расцветала еще больше, и Рим опять стал тревожиться. Правда, Ганнибала уже не было в живых, но гордый Карфаген стоял прочно. И нужно было Карфаген уничтожить.

В то время в Риме жил один из важных правителей, знаменитый своей строгой нравственностью, суровостью жизни и большим умом — Катон. Этот Катон неустанно обращал внимание Сената и римских граждан на то, что Карфаген снова усиливается. О чем бы ни говорил в Сенате Катон, какие бы вопросы он ни затрагивал, он всегда кончал одной и той же фразой: «Я думаю, что Карфаген нужно разрушить». Это был точно припев ко всем его сенатским речам. И не только один Катон так думал. И другие римские правители тоже все больше и больше говорили о том, что Карфаген — точно страшная болезнь в человеческом организме, которая рано или поздно разрушит Рим. Нужно уничтожить эту болезнь, нужно разрушить Карфаген.

И римляне стали подстрекал соседей Карфагена нападать на Карфаген, а карфагенянам запрещали защищаться. Карфагеняне увидели, что без войны не обойтись и в 149 году начали воевать. Это третья и последняя Пуническая война.

Она длилась не так долго. Теперь римляне были гораздо сильнее карфагенян, и, когда войска римлян подошли к Карфагену, карфагеняне готовы были пойти на все уступки. Но римляне нарочно придирались и вызывали Карфаген на борьбу: они решили покончить с Карфагеном. Они потребовали, чтобы им выдали в качестве заложников несколько тысяч молодых людей, самых здоровых и крепких. Карфаген исполнил это требование. Тогда

Карфаген должен быть разрушен

Рим потребовал золота. Но и получив золото, римляне все-таки обманули карфагенян и начали войну.

Римский консул Эмилий Сципион осадил Карфаген. Карфагенянам нужно было

Сципион, получивший прозвище Африканского за разгром карфагенян в Африке.

или погибнуть или победить. Карфагеняне увидели, что им пришла смерть, так, по крайней мере, надо умереть с честью. Они сражались с отчаянным героизмом. Три года бились римляне и ничего не могли поделать с Карфагеном. А карфагеняне во время осады проделали подземный ход, выстроили украдкой новый флот и подвозили через этот подземный ход себе провиант.

Наконец, последний штурм Карфагена увенчался успехом для римлян. Карфаген был взят в 146 году до нашей эры. Римляне ворвались в Карфаген и стали истреблять стариков, женщин, детей. Карфаге-

няне сопротивлялись отчаянно: малолетние дети, старики, женщины — все сражались против Рима, никто не хотел дешево отдать свою жизнь.

Несколько дней подряд шло истребление Карфагена. Люди прятались в подполях и в подземельях, но и там их достигал враг и уничтожал. Наконец, истребив большую часть мужского населения, римляне обратили в рабов всех остальных жителей. Они заявили, что все, кто остался жив, будут проданы с публичного торга как рабы. И действительно, карфагенян распродали, причем продавали отдельно матерей от детей, мужей — от жен. Так был истреблен могущественный карфагенский народ. Сбылись слова Катона: Карфаген был разрушен. А то место, где когда-то стоял Карфаген, было объявлено проклятым, и римляне, разрушив дома, провели по карфагенской земле борозду плугом в знак того, что здесь никогда больше не должен строиться город. От Карфагена остались только одни развалины, а Карфагенская область, стала римской провинцией. Исчезла крупнейшая держава, которая соперничала с Римом и сдерживала его напор.

Теперь та страна, где когда-то процве-

тал Карфаген, называется Тунис, она принадлежит французам. Но самый город Тунис, главный город этой страны, стоит не на том месте, где стоял Карфаген. Французы делали раскопки на месте древнего Карфагена, но нашли очень немного, до такой степени все было истреблено римлянами. А все, что мы знаем о Карфагене, известно из римских источников, потому что при уничтожении Карфагена была истреблена и богатая библиотека, где находились рукописи.

После того, когда так страшно был раздавлен и уничтожен Карфаген, никто уже не сопротивлялся Риму, и римское владычество распространилось на все берега Средиземного моря.

Итальянские фашисты, вспоминая Карфаген, грозятся, что начнут «четвертую Пуническую войну» против всех, кто противится им на Средиземном море. Но итальянцы — далеко не римляне, и вряд ли эта затея кончится для них благополучно, потому что не станут итальянские рабочие и нищие итальянские крестьяне с охотой сражаться и проливать свою кровь для выполнения завоевательных планов кровавого фашизма, который так жестоко их угнетает.

Римская бронзовая монета. На ней надпись: Munificentia augusti — милость Августа. Буквы S. C. означают Senatus Consultum — «решение сената».

На этой монете изображена Церера — богиня плодородия на колеснице, запряженной слонами. Надпись — aeternitas — вечность.

Судьба товарища

Часть вторая

Евгения Немирова

Рис. Б. Винокурова

Гривенник

Утром по дороге в школу Галя нашла гривенник. Новенький, блестящий. Он сверкнул, точно улыбнулся ей. Она верила в то, что находки приносят счастье, и пошла веселее. Не сегодня-завтра мать даст ей платье. Она простит ей обидные слова. Все пойдет у них попрежнему.

Вверх по школьной лестнице Галя бежала, отсчитывая «будет — не будет, будет — не будет...» Она знала, что последняя ступенька приходится на «нет», — схитрила и засчитала площадку. Вышло «будет» — сегодня ее ждали удачи.

Ей очень хотелось поговорить с кем-нибудь по душам. Сене ведь не расскажешь ни про платье, ни про гривенник, ни про «Татьяну Ларину». Все это «девичьи» дела.

Одно время ее секреты знала Тамара. Даже на уроке можно было поймать тамарин взгляд и без слов передать ей то, что думаешь. Но за последнее время Тамара сдружилась с Таней и открыто отвергла галину дружбу. Кроме того она не взлюбила «девичьи» секреты.

— Все это одни глупости,—говорила Тамара.— В школе есть дела поважнее.

Не было у Гали в свои годы ни одной «настоящей» подруги в своей группе. Может быть, и сама Галя была в этом виновата. Она сторонилась. И только один раз в году, в первый день учебы, все казались ей лучше, проще, ближе. Галя сразу становилась откровенной и доверчивой. Вышоптывала девочкам свои секреты, весело шутила с мальчишками. Но наступали будни — и все шло попрежнему.

Галя пришла в школу рано. Сени еще не было. У дверей стояла Тамара в своей обычной позе, переминаясь с ноги на ногу.

Галя подошла, улыбнулась Тамаре и тронула ее растрепанную косу.

— Меня вчера на репетиции ребята не ругали? А ты знаешь, почему я не пришла? Хочешь, расскажу, Тамарка?

Но Тамара деловито вскинула свой портфель на плечо, собираясь бежать:

— О чем речь? Тебя и ругать не за что, Стрелетова. Все уладилось, играть будет Сигида. Можешь не беспокоиться.

Галя не успела толком расспросить. Но Щукина уже отвернулась и заговорила с кем-то из ребят, точно Гали не было рядом с ней.

На уроке Галя написала записочку: «Кто будет играть Татьяну Ларину?» — но кому послать ее, не знала. Она скомкала ее и бросила под парту.

Сеня в школу не явился.

Как на зло, на последнем уроке Николай Егорович не спускал с Гали глаз. И когда он заглядывал в журнал, Галя испуганно хваталась за край парты. Сейчас он вызовет ее...

— Стрелетова!

Было страшно идти к доске. Без сениной поддержки она может сегодня не вытянуть. Ей поставят «неуд». Ребята, может быть, над ней смеяться не будут, но Яша — непременно...

У Гали перехватило дыхание, она зашептала, как бывало, быстро-быстро, одними губами:

— Пронеси неуд, пронеси неуд, пронеси неуд...

В конце дня у дверей пионерской комнаты Галя задержалась. Можно ведь просто зайти к Коле и спросить, кто будет играть Татьяну. Может быть, Коля улыбнется ей и скажет: «Не сомневайся, Стрелетова, ты Татьяна — и точка». А может, он глаз не подымет. Он будет писать что-то и скажет мимоходом: «Не стой огорчаться, в другой раз тебе дадут роль не хуже Татьяны Лариной».

Она уже дернула дверь пионерской комнаты, но навстречу ей хлынул шум. Она услышала яшкин смех и отпрянула. Выбежала очень веселая Таня. За ней бежал Яша и на ходу скорчил Гале гримасу. Затем, не заметив ее, прошел Коля Подосенов.

Все было ясно. Завтра у нее возьмут театрalkу с ролью, и больше не придется ей повторять перед сном слова Татьяны Лариной. И платье ей ни к чему.

Неизвестно откуда вынырнул Витька:

— Ты, Ларина, не огорчайся, все будет, как у Пушкина написано.

Галья замахнулась на него портфелем. По полу со звоном покотился гривенник.

Гривенник обманул.

Репетиция

Матери дома не было.

На стуле против двери лежало красное шелковое платье. Лента обхватила талию и завязана бантом. Рядом веер из крашенных перьев. Все это приготовлено для «Татьяны Лариной». Галья постояла не раздеваясь. Погладила блестящий шолк. «Какое некрасивое платье у Сигиды», — подумала она и представила себе, как Сигида выходит на сцену в своем платье из крашеной марли: голубое с розовым. И бант ненастоящий: кусок ситца. А за поясом бумажный цветочек...

Галья раскрыла веер. Вот так им надо обмахиваться, легко и свободно.

Из окна, что против квартиры Стрепетовой, Витя Голиков наблюдал за Галей. Это было его любимым занятием. Как только зажегся в крайнем окне огонек, Витя садился на подоконник и смотрел. Он мог видеть, что делается у Стрепетовых, до тех пор, пока Пелагея Стрепетова не вешала на окно одеяло, темное, с дыркой посредине.

Он мог с одинаковым интересом глядеть, как его соседи едят, пьют, разговаривают, двигаются по комнате. Он знал их стол, кошку, часы. Знал, где что стоит, лежит. Что-то висело на стене, похожее на черную птицу, что-то желтело в простенке у печки.

Сейчас окно не было занавешено. Была оттепель, и Витя увидел, как Галья взмахнула перед глазами чем-то похожим на распущенный птичий хвост. Витя прилип к окну. Потом он увидел, как она быстро

швырнула в угол свой берет и как что-то красное взметнулось над ней. Витя залез на подоконник.

Через секунду он уже не узнавал Галю. Высокая девушка в пышном платье. Какие-то белые штуки вокруг шеи и на руках. Она приседает, кланяется как принцесса, приподнимает кончиками пальцев подол.

— Она сошла с ума! — воскликнул Витька. — Она сошла с ума! Андрей, беги, смотри!

Брат рассердился:

— Ну что за бездельник ты, Витька! И что за отвратительная манера подсматривать в чужие окна!

Но Витя оправдывался:

— Это — не чужое окно. Это Стрепетова, из нашей группы. Видишь: она сейчас петь будет. Перед зеркалом. Вон там у них зеркало. За шкафом.

Девочка действительно запела. Она прикладывала руку к груди, раскачивалась, по-

Галья раскрыла веер. Вот так им надо обмахиваться.

том точно кто-то невидимый подал ей руку, и она легко прошла по комнате.

Представление было в разгаре. Но вдруг Галя остановилась, прислушалась и, подхватив свой пышный подол, убежала за занавеску, где стоит кровать. Витка захолопал.

— Кончилось,— сказал он.— Здорово она, а?

Андрей не отвечал.

— Нет, ты скажи, Андрей, — не отставал Витка, — здорово она? Я ей завтра в школе покажу, как она Татьяну играла.

— Если завтра ты скажешь этой девочке хоть одно слово, — предупредил Андрей, — не показывайся мне на глаза. И не подглядывай в чужие окна. А вообще можешь выехать в соседнюю комнату, к родителям.

Чтобы разжалобить брата, Витя лег спать не ужиная и укрылся одним пальто. Когда к полуночи он озяб и встал за одеялом, он увидел в окне у Стрепетовых свет. Окно было не занавешено на ночь. Он с трудом разглядел Галю. Она сидела за столом, положив голову на руки. Спала она так, что ли? А может быть, плакала?..

Засыпая, Витя ругал и себя и дуру Стрепетову. Из-за нее он с Андреем поругался. Подумаешь, роли ей не дали! Он вспомнил, что сегодня в раздевалке около пионерской комнаты подразнил ее «Лариной», и ему стало жаль ее.

— Одолжу ей завтра географию, — решил он и, шумно повернувшись, уснул.

Перемирие

Как сладко спится серым декабрьским утром, когда стрелки часов коварно подбегут к семи, когда один за другим пробуждаются шумы дня! Поглубже зароешься в темноту, чтобы еще на одну—две минуты продлить ночь.

Все щели у ног и за спиной наглухо затыкнуты одеялом. Лежишь и не двигаешься, прижав к подбородку колени.

Никогда такой ласковой не кажется подушка, и одеяло никогда так не греет, как в этот зябкий предшкольный час! Лежишь и завидуешь тем, кто может еще поспать.

Яша проснулся. По привычке торопливо взглянул на часы. Вставать не надо.

Сегодня первый день зимних каникул.

«Кончу школу, — подумал Яша, затыкая одеяло за спину во все щели, — буду спать два дня подряд, не просыпаясь. Потом пойду пешком в Крым»

Комнату золотил солнечный луч. В углу у окна черным завитком висел обрывок проволоки. Это от телефона, который Сеня изобрел, чтобы им не надо было перестукиваться шваброй. Они начали проводить телефон еще перед октябрьскими праздниками. Точно такой же проволочный завиток висит внизу у Сени, над этажеркой.

«Надо его сорвать. Зря болтается», — решил Яша.

И, чтобы не смотреть на проволоку и не думать о Сене, он укрылся с головой одеялом. Под красноватой байкой было уютно, как в шалаше. Руки, ноги, белье казались розовыми, как у костра. Школьные дела, «неуды», «очхоры» остались по ту сторону шалаша. Об этом не хотелось думать. Только Сеня, как на зло, стоял рядом, его маленький нос морщился знакомым смешком.

Дальше утро шло, как обычно. Пока отец одевался, кипятил чай и собирался на работу, Яша притворился спящим и следил за ним через щелочку в одеяле. Размеренные движения Василия всегда рождали у Яши необъяснимую нежность. Яша подумал о том, что вот уже совсем не хочется ему говорить и думать о том письме.

«Никогда не буду о письме спрашивать», — решил Яша. — Пусть все остается по-старому, а сестру сам найду, когда кончу школу. Интересно, какая она и где она...»

Все было улажено. Предстояло десять дней каникул. Веселое и легкое время! Яша уснул.

Но его разбудили стуки. Три коротких. Яша вскочил, выбежал на середину комнаты. Показалось, что снизу стучат шваброй и настойчиво зовут: «Яша, Яша, Яша...»

За стеной у соседа вколачивали гвоздь.

— Очень надо, — проворчал Яша.

С минуту он еще прислушивался, может быть, все-таки стучали снизу. Но ничего не слышал больше. Он сердито шагнул в угол, сорвал проволоку неудавшегося телефона и швырнул ее подальше под кровать.

Стрелки часов сошлись на двенадцати.

«Хорошо, что я из-за этой чепухи проснулся», — обрадовался Яша и стал одеваться.

Через час началось соревнования.

Яша засвистал песенку и полез под кровать за коньками.

Он вытащил коньки и свистнул громко, с досадой сорвав зацепившуюся за ремешок надоедливую проволоку. Все сегодня Сенька путается!

«Собственно говоря, — подумал Яша, — неплохо было бы, чтобы Зимин был сегодня на катке и увидел, чему я научился за то время, пока он дружит с Галькой и сам превратился в девчонку. Он, наверное, ни разу не видел таких «голландских шагов» и такого «колеса», как я делаю».

Яша разогнулся по полу, воображая себя на льду.

«Если я выйду победителем, станет он мне хлопать, как раньше, или нет?»

Яша представил себе, как Сеня расталкивает ребят локтями, чтобы пробраться вперед и наконец увидеть.

«Крой, Яша, здорово! Наша берет!..»

Он весь раскраснелся и размахивает ушанкой несмотря на мороз.

Яша торопливо стал зашнуровывать ботинки через одну дырочку. Он думал: «А теперь Сеня будет радоваться, если я заважусь».

Натягивая курточку, Яша осмотрел комнату, точно забыл что-то и никак не мог вспомнить, что именно. Он увидел на полу спутанный завиток проволоки и, наскоро скомкав его, сунул в карман. «На случай, если ремешок оборвется».

Проходя мимо сениной двери, Яша вдруг решил: «Дай позвоню».

Он зашел, как чужой, как сосед, и, стоя на пороге, сказал:

— Зимин, отдай мне клещи. Я у тебя оставил, когда мы проводили телефон.

Сеня порхнул в ящике и отдал инструмент не глядя. Клещи лягнули впустую.

— Они у тебя совсем проржавели тут за этот месяц.

— Больше двух, — поправил Сеня.

Яша сделал вид, что не понял, и ответил холодно:

— Я сегодня ровно в час должен состязаться. Я в паре с Деминим из 23-й школы. А коньки приладить нечем. Выходит, я должен отказать или проиграть по твоей милости.

— А где твой ключ от коньков? — спросил Сеня и боком взглянул на коньки, в которых увидел себя и свою синюю фланелевую рубашку.

Он стоял близко, он давно уже не стоял так близко около Яши.

— У тебя же был новенький ключ, — напомнил Сеня, — на зеленом шнурке.

И Сеня, прищурившись, мимоходом взглянул на товарища. Яша отвел глаза, подхва-

тил подмышку коньки, плотно связанные в пару ремешком, ловко забрал в ладонь зеленый шнурок, болтавшийся на ремешке, и сказал глухо:

— Если хочешь, Зимин, можешь придти посмотреть, как Демин бегаёт. Я с ним в паре, мы первые. Начало ровно в час дня.

Мальчики вышли вдвоем, оставив на столе ненужные клещи.

На своем месте

Зимние каникулы кончились. Все возвращались в школу с нетерпением. Хотелось поскорее встретить товарищей, рассказать чужости, узнать интересное. Сталкиваясь в раздевалке, во дворе и на лестнице, вскрикивали от радости, точно не виделись много лет.

Каждый старался чем-нибудь похвастаться.

Толя Айзман приобрел новые марки: Сицилии, Мексики и Канады — с оторванным краем. Тамара принесла модель самолета; она сама ее сделала на детской технической станции. Тамара ходит и разговаривает важно, как настоящий летчик. Самолет ее повесили на шнурке в группе, у самого окна.

— Эй, садись, подвезу! — предлагает каждому входящему Витя. — Полетим не выше крыши.

Новость принесла и Галя. Она раньше всех прибежала в школу, хотелось поскорее увидеть Сеню. За каникулы он ни разу не заходил. Галя же из девчоночьей гордости к нему не шла. Она приготовила ему сюрприз. За каникулы она выучила наизусть все правила по алгебре. Если он захочет, она напишет их на доске тут же. Кроме того она принесла ему маленький подарок. Перламутровый перочинный ножик с секретом. Если нажать, с одной стороны раскрываются ножички, с другой — карандаш. Ножичек старинный, и второго такого нигде не купишь.

Конечно, Сеня не должен знать, с каким трудом она выпросила его у мамы, что ради него она обманула мать. Она сказала, что сегодня ее школьный товарищ именижник и что все принесет ему подарки. Мать дала ножик скрепя сердце. Она его переложила из своей ладони в ладонь дочери как величайшую драгоценность. Точно так же Галя хотела положить его в руку Сене. Но Сеня не шел...

Витя встретил Галю весело и дружелюбно:

— О, Стрепетова, ты еще больше порыжела за каникулы!

— А ты еще больше поглупел, Голиков!

Но сегодня некогда было задерживаться, отвечать каждому или вступать в долгие споры.

Класс заполнялся. Уже почти все были на местах. А Галя все еще караулила в коридоре у двери. Как только раздастся знакомый стук костыля, она побежит навстречу. Ей так хотелось поскорей дать Сеню ножик. Он посмотрит, смутится, но непременно возьмет. Она только скажет ему при этом:

— Ребятам говорить не надо про этот ножик.

Сеня не шел. Прозвонили на урок. Мимо дверей пробежала Настя и, бесцеремонно толкнув Галю в класс, закрыла дверь:

— Иди, голуба, иди.

Еще не растрчено веселье каникулярных дней. Еще мало одного звонка, чтобы заставить всех присмиреть и сесть за парты. Пересаживались, сидели на учительском стуле, толпились у доски. Только Галя одна сидела на своем месте. Сенька не приходил. Может быть, он действительно болен? Если болен, надо пойти к нему домой сразу же после школы. Тревога разрасталась. «Если он прохворал все каникулы, а я ни разу его не навестила, он теперь навсегда обиделся. Он теперь и разговаривать со мной не станет. И ножичка не возьмет».

В класс вошел Николай Егорович. Громко захлопал парты. «Перебежчики» кинулись по местам. Кое-кто застрял на чужом месте. Класс был застигнут врасплох.

В нише окна качался тамаркин самолет с крыльями, оклеенными синей бумагой. Не успели унять заводную лягушку — она трещала и билась на полу, пока не кончился завод.

— Это что же такое? — возмущился Николай Егорович и наложил пенсне на переносицу. — Лягушек развели!

Знали, что Николай Егорович сегодня особенно сердиться не будет. Первый день после каникул группа вела себя как именинница. Ей все прошло. Но только сегодня. Завтра — за дело!

Уже все успокоились, уже Николай Егорович стал объяснять задачу, когда в класс вошел Яша.

— Мое почтение, Бережнов, — громко приветствовал его Николай Егорович.

— Я опоздал, — весело оправдывался мальчик.

— Я не говорю, что ты пришел слишком рано, Бережнов. Садись, гостем будешь.

Яшу проводили смехом.

Когда вслед за Яшей в класс вошел Сеня, Николай Егорович приветствовал его только одним выразительным жестом. Указав на третью парту у окна, он стоял с мелом в руках у доски и ждал, пока Зимин усядется. Но Сеня сделал два шага и сел рядом с Яшей — первая парта справа. Вместе с Николаем Егоровичем, не сводя глаз, смотрела на Сеню вся группа. А Сеня, не торопясь, выложил книги, ручку, промочку.

— Зимин, сядь на свое место. Что с вами происходит сегодня? Никого отыскать не могу. Все места перепутали.

Но Сеня примостил костыль сбоку и ответил, не подымая глаз:

— Я сижу на своем месте, Николай Егорович.

Когда человек счастлив, ему уступают дорогу. Он ходит легко. Но неудача виснет на человеке, и он спотыкается на ровном пути.

К концу дня в шестой «А» только и было разговоров, что о перемирии Сени с Яшей.

Галя все уроки просидела как во сне и с трудом дождалась конца дня. В раздевалке на нее налетел Витя Голиков. Он «нечаянно» толкнул ее. Она уронила портфель, рассыпала книги.

— Что ты сегодня, Стрепетова, руки дома забыла, что ли! — ловко подхватив галину книжку, он подбросил ее вверх.

Раздевалка пустела. Мимо прошел Яша. Он безучастно перешагнул через рассыпанные тетради и пошел к вешалке. Галя видела, как медленно он одевался, должно быть, ждал Зимина. Она вышла из школы не торопясь. Навстречу ей, смеясь и толкая друг друга, бежали ребята из второй смены.

Записка

Над дверью пионерской комнаты висела записка: «Шестая «А». Ждите меня здесь. Буду моментально. Есть дело важное. Коля».

Уже поперек и вдоль записка обросла всяческими замечаниями и приписками. Они были сделаны синими, красными, черными

карандашами. Разные почерки, разные подписи. Одна приписка шла поперек всего поля:

«Коля, что такое моментально? Ждал всю первую перемену. Надоело! Выработал новые пункты. Яша».

Рядом другая, мелким и убогим почерком:

«Ау, Коля! Принесил показатели. Ждал всю вторую перемену. Хотел говорить о... Отчаялся, ушел. Сеня».

Поверх всех подписей несколько слов карандашами:

«Меня здесь не было. Витя».

Галя прочла все это от слова до слова. Она несколько раз повторила сенину запись. Он хотел говорить с Колей о—и многоточие. Наверное, это о ней. «Принесил показатели», — значит, соревноваться он будет не с ней, а с Яшей. Зачем же она сидит здесь и ждет Колю и хочет с ним говорить по душам, когда говорить-то уже, собственно, не о чем? Все утро она думала о том, как она придет к Коле и спросит прямо и немного сердито, как Тамара: «Во-первых, что такое дружба? Во-вторых, можно ли взять товарища на буксир, а потом отказать? По-пионерски это или не по-пионерски?»

Коля нагнул неожиданно. Он бежал сверху с целым ворохом газет. Гале он обрадовался. И не удивился, что она в школе в неурочный час.

— Стрепетова, мне тебя и надо. Молодец, что не ушла домой. Правильно делаешь; выпастись всегда успеешь. А теперь дни горячие. Бери перо, бумагу и садись. Помогать будешь. У меня земля горит под ногами. А все активисты домой разошлись.

Галя хотела сказать, что сегодня она на уроках не была совсем, что в школу она пришла только для того, чтобы с ним поговорить. Но Коля сунул ей в руки ворох газет и исчез «на один момент».

Галя сидела одна в пионерской. Большой стол был завален вырезками из газет. Поперек стола лежало узкое полотнище кумача с белыми буквами недописанного лозунга — о буксире в шестой «А». Писал его, наверняка, Сеня. Он всегда пишет лозунги сам. Буквы еще не просохли. Значит, недавно Сеня был здесь. И завтра придет кончать.

«Напишу ему записочку и приложу рядом с неоконченной буквой к кумачу, — решила Галя. — Вот здесь. Завтра Сеня придет дописывать лозунг и найдет ее».

Галя торопливо порылась на столе, достала зелененький клочок бумаги и, так

как перо лежало в другом конце и чернильница стояла далеко, а Коля мог нагнать, Галя сунула спичку в краску и нацарапала:

«Сеня, теперь ты вернулся к Яшке. Очень стыдно так делать... Дай ответ. Хочешь ли ты дружить со мной и помогать мне? Да или нет? Я хочу. Галя».

Она подумала и приписала:

«Ответ для меня положи...»

Но больше слов не нашла. Некуда было положить ответ так, чтобы никто из ребят его не взял. Галя мысленно обегала школу — ни одного укромного местечка не нашлось. У нее стучало сердце, точно она действительно обегала сейчас школу. Везде было ненадежно. За потайную планочку в парту — Сеня не найдет. В щель подоконника — может пропасть. Под графин — Настя сметет. Галя слышала за дверью колени шага и быстро написала: «... где хочешь».

У Коли было дел по горло. Надо было просмотреть все обязательства. Кто кого берет на буксир. Надо подобрать газеты и почитать, как в других школах обстоит дело с буксиром. И еще, вспомнил он, надо дописать на кумаче лозунг. Мимоходом Коля все-таки успел поинтересоваться галиными делами. Он спрашивал ее весело, не замечая, что она отвечает ему почти сквозь слезы.

— Сколько у тебя «очхоров» в четверти, Стрепетова?

— Четыре.

— А было?

— Ни одного.

Коля все это записал и даже замечтался. Он положил перед девочкой «Пионерскую правду»:

— Вот, Стрепетова, смотри: на первой странице напишут про вашу группу. Вот здесь будут портреты лучших. Главное, Галька, не сдавай. О тебе весь Союз узнает. Как-никак, тебе повезло: тебя ведет на буксире самый лучший ученик.

Галя вышла из пионерской комнаты смущенная. В руке была никчемная записка. Все получилось нелепо и обидно. И лозунг писал вовсе не Сеня, а Коля. Как бы он высмеял ее! Галька разорвала записку, бросила ее в печку и быстро пошла из школы.

За воротами ее нагнал Коля. Он еле дышал. Он думал, что не нагонит ее.

— Не видала ли ты, Стрепетова, на столе бумажку? Список, кто кого на буксир берет. С трудом я его добился сегодня. Завтра обсуждать надо. Зелененький такой клочок бумаги.

— Нет, не видала...

Школа была уже пуста. Давно разошлась вторая смена. Дежурная уборщица подгребала золу в печке и закрыла на ночь вышки.

«По правилам...»

Витя влетел в класс с новостью:

— К весне переезжаем в новую школу!

Тамара хлопнула учебником по парте и потребовала тишины: сейчас в класс войдет учитель. Но Витя продолжал, не обращая внимания на Тамару:

— Школа, что надо. Семь парадных, три фасада. Самопишущие ручки. Переедут только «очхорники», в том числе и я. Буксира не будет!

Витя не договорил, получив от Щукиной толчок локтем:

— Встань! Николай Егорович идет.

Витя соорудил гримасу, но встал. С сегодняшнего дня над ним укреплялась власть Тамары. Накануне она торжественно объявила всей группе, что берет Голикова на буксир и покажет всем пример. Положение было необычное — слушаться девчонки, но Витя решил удивить группу.

— Только не очень задавайся, — предупредил Витя Тамару.

— Зимины я, во всяком случае, подражать не буду! Зимин делал все не по правилам. У него даже не было учетной тетради на Гальку. Стрепетова делала, что хотела.

И Тамара выложила на парту новенькую тетрадь, в которую с сегодняшнего дня будут записываться все провинности Вити.

Главное правило было «не разговаривать на уроках». Тамара объявила, что в этом пункте будет особенно твердо. Чтобы доказать это, она весь день на уроках молчала; она сидела, поджав губы, точно они могли не послушаться ее и сами заговорить. Писать не запрещалось, и Тамара изорвала на записочки целую тетрадь, исчеркала грозными приказами все обложки и промакшки и стала писать даже на самой крышке парты.

— Я умру от своего буксира, — заявил Витя Тамаре.

Но понемногу стал привыкать. Когда они были в ладу и до конца дня в школе сохраняли мир, Тамара позволяла ему приходиться к ней домой делать уроки. Она ему объявляла каждое правило и заставляла столько раз повторять заданный урок, что выучен-

ное само лезло ему на язык, когда он просыпался. Получить «хор» и даже «очхор» в такие дни казалось пустяком.

Но когда они уходили из школы повздорив, она и знать не желала о его делах. Иногда даже общие учебники уносила с собой:

— Пожалуйста, я тебе не нянька, тащись на «удочках».

Витя уходил играть в шахматы и являлся в школу, не приготовив уроков. Тогда «неуды» шли к нему старым, привычным путем. Тамара «по правилу» записывала Витю в учетную тетрадь и ставила в этот день минус. Витя терпел, но от буксира не отказывался: он уже успел сообщить о буксире брату Андрею и обещал выправить к концу года все грехи. Брат обещал ему в подарок настоящий бинокль.

Тамара раньше всех изучила все правила буксира, некоторые сочинила сама, и не было минуты, чтобы к ней не приходили за справками.

Разговоров о правилах и о дисциплине теперь в шестой «А» было так много, на уроках до того часто и громко шикали друг на друга, устанавливая тишину, что в классе стало еще шумнее чем раньше.

Тамара верховодила и считала себя вправе вмешиваться во все дела буксира. Если кто-нибудь из ребят мирно читал книжку на перемене, она грозно налетала:

— Почему ты один повторяешь? Где твой буксирный? Это не по правилу...

Однажды на большой перемене, когда Тамара стояла недалеко от Гали, а Сеня был тут же поблизости, Витя спросил:

— Щукина, как это считается: Стрепетова у Зимина на буксире или нет?

— По правилу, считается, а по существу — не твое дело!

Сеня смущенно отошел в сторону. Галя прижала ладони к щекам, точно у нее внезапно разболелись зубы.

Тринадцатая

Тамара Щукина явилась к Сене поздно вечером. Дело было неотложное. Разговор шел о том, что весь их ряд парт завтра должен сдать домашние тетради по алгебре, получить, по крайней мере, «хор» и показать пример остальным.

Тамара, на ходу снимая пальто, выложила перед Сеней груды тетрадей. Сверху лежала витина. Сеня просмотрел тетради и высмеял.

— Герои! Ясное дело, списали друг у друга. Тетради подчистили и задумали пыль в глаза пустить. Когда же это Витька алгебру на «очхор» знал? Меня, Тамара, не обманешь. За несколько дней буксира «очхор»?!

Тамара взяла Голикова под защиту:

— Это, Зимин, — безобразие, что мы своих товарищей не любим. Витька — чудный парень! Способный парень! Хороший парень!

— Вежливый парень, дисциплинированный парень, — в тон Тамаре тянул Сенька.

Тамара не сдавалась:

— Во всяком случае, Витя лучше других. И даже лучше твоего Яшки.

Тамара уже забыла, для чего пришла. И только под конец вернулась к алгебре.

Она разложила тетради в особом порядке — было видно, что каждая имеет для нее свой, особый смысл, который не дано было понять Зимину. Она готовилась сбить Сеньку с занятых позиций.

— Первое. После школы вчера мы с Таней ходили к ребятам на дом проверять тетради и объяснять задачи. К Зойке лазили на шестой этаж. В одном доме с полчаса торчали в лифте между третьим и четвертым этажом. Три раза были у Тольки Айзмана и не застали.

— А сами вы уроки когда готовили? Когда в лифте сидели, что ли?

Наскок был неожиданный. Тамара смутилась. Она сгрэбла тетради и сунула их в портфель.

— Больше мне говорить не о чем. Ясно, Зимин, ты срываешь буксир и не желаешь говорить о нем серьезно.

Тамара дошла было до двери, но вернулась:

— Так ты, Зимин, значит, не желаешь, чтобы наш ряд показал пример? Ты против?

— Напротив, я не против, я за.

Тамара опять уселась деловито, сдвинув свою беличью шапочку на затылок.

— В нашем ряду шесть парт. Двенадцать человек. Я хотела спросить, как насчет Гали. Она твоя буксирная, а сидит в другом ряду.

Сенька досадливо отмахнулся. Но Тамара продолжала:

— Допустим, плюс одна из другого ряда. Имеет тринадцать человек.

— А ну тебя, Тамарка, с твоей арифметикой! — вконец обозлился Сеня. — Выдумала тоже! Инвалидная команда! В один день всех обучить собралась. Это не бу, а чорт знает что. Когда ты одна за всех

решаешь, — это не буксир! Понятно? Надо каждый день подтягивать товарища. Ну, тянуть его на буксире, чтобы он сам научился. Регулярно. Организованно.

Тамара ехидно сузила глаза и рассмеялась:

— Помогать регулярно, организованно, вроде как ты Гальке Стрепетовой помогаешь?!

И она ушла, хлопнув дверью.

Наутро разговор о Гальке повторился.

В пионерской комнате расклеивали стенгазету: это была первая стенгазета, посвященная буксиру и шестой «А». Решено было под главным заголовком поместить фотографии тех, кто первым включился в буксир, и тех, кто быстро поднялся. Новые «очхорники»! На большом белом листе были наклеены и обедены красным акуратные рамочки. Оформить газету хотел сам вожатый Коля. Но за отсутствием времени поручил это дело Бережнову.

Яша клеил, весело посвистывая. Пока Коля хлопотал в другом углу, фотографии были разложены в строгом порядке: фотографии Сени, Тамары, еще троих ребят из других звеньев и, наконец, витина. Карточки оставалось лишь приклеить. Но к концу работы Коля пришел посмотреть, как получилось. Оказалось, что Яша все перепутал.

— Бережнов, почему шесть карточек, когда должно быть семь? — спросил Коля. — И где Стрепетовой место?

Яша молчал. В углу сидел Сеня и задумчиво чертил что-то костью на полу.

— Есть особый смысл в том, как я хотел расставить ребят. Я хотел поставить Сеню рядом с Галей, Тамару — рядом с Витькой. И так далее. Почему ты напугал, Яша?

Коля вспылил и поспешно сгрэб фотографии.

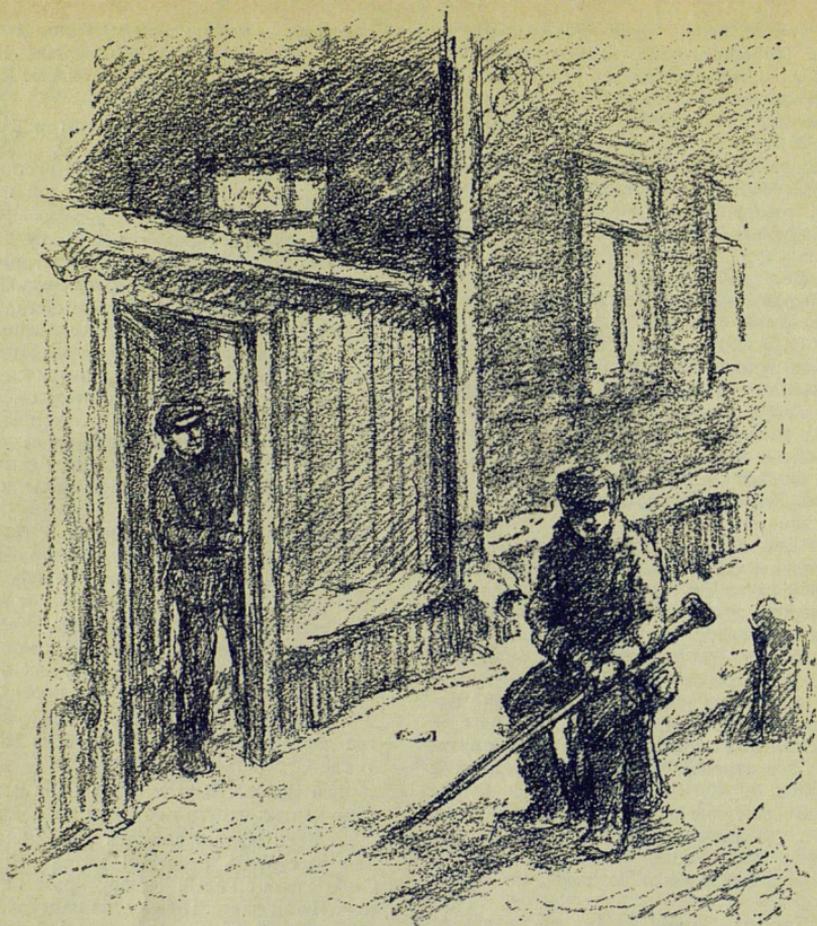
— Стрепетова лишняя, не из нашего ряда, — наконец, спокойно выговорил Яша.

И голос его был спокоен, точно он говорил о том, что чернила не те или клей слишком жидкий.

Коля свернул газету.

— У нас в школе нет лишних, Бережнов. И в отряде нет лишних. И в твоей группе нет лишних! Запомни!

Яша медленно вытирал измазанные краской руки. Он умышленно растягивал дело, выгадывая время, и ждал, что скажет Сеня. Но Сеня в разговор не вмешивался. Он сидел все такой же хмурым и попрежнему чертил костью на полу.

Сеня сел на тумбу и стал ждать.

Разрыв

Яша возвращался с катка. Он шагал, напевал какую-то веселую песенку. Яша забыл про утреннюю размолвку в пионерской. Все дела шли ровно и гладко, точно скользили по зеркальному льду. Вперед, вперед! Сегодня он обогнал лучшего конькобежца шестой «Б», потом он научился новому танцу на коньках и спешил рассказать об этом Василию. В выходной они пойдут вместе состязаться на первенство.

— Тор-реадор-р сме-ле-е-ее!..

Яшка еще громче засвистал увертюру из

любимой Василием оперы «Кармен». Какой-то прохожий одобрительно улыбнулся мальчику. Идти к Сеньке делать уроки не хотелось. Подумав о товарище, Яшка поморщился. Так весело сейчас, а Сеня непременно заведет скучный разговор о Гальке и стенгазете. Но идти надо.

Уже Яшка поднял руку к звонку, как явилась неожиданная мысль... Быстро, чтобы не столкнуться ни с кем, он выбежал из парадного. У фонаря написал записку, отискал на дворе знакомого мальчика Димку и попросил немедленно отнести записку к Сене Зимину в семнадцатую.

В нетерпеливом восторге от своей выдумки Яша ждал. Записка придумана хорошо! И почерк поделан ловко! Настоящий галькин почерк: «Сенька, выйди, пожалуйста, к воротам, мне надо с тобой безотлагательно поговорить. Поскорее!»

Яша скрылся в подворотню. Через минуту он услышал, как хлопнула парадная дверь и застучал костыль. Сеня шел к воротам быстро, озабоченный, на ходу застегивая куртку. Видно, готовился к разговору. Он рассеянно искал глазами, где же Галька. Он вышел за ворота и осмотрелся — никого! Сошел на мостовую, выглянул в одну, в другую сторону — никого!

— Куда же она пропала? — спросил он вслух.

Все вышло как нельзя лучше. Сеня сел на тумбу, спиной к воротам, ждать. Яшка вынырнул на улицу и, весело размахивая коньками, подошел к товарищу:

— Ты чего тут сидишь один?

— У нас в комнате угар. Я вышел подышать, — соврал Сенька. — А ты?

— Точил коньки, — соврал Яшка.

Зимин разгребал костылем снег.

— Ты что-нибудь потерял? — спросил Яша.

— Пуговица от куртки отлетела.

Помолчали.

— Из вашей комнаты угаром потянуло, — сказал Яша, понюхав воздух. — Пойдем проветримся.

Но Сеня наотрез отказался:

— У меня гвоздь в ботинке вылез — ходить не могу.

— Понятно!

Сеня ерзал на тумбе и все оглядывался, не идет ли Галька. Его пугала встреча при Яше. Он готов был каждую минуту сорваться и бежать навстречу. Яша кашлял в кулак.

— Или домой. Простудился, — заметил Сеня, и лицо его стало жалостливым. — Еще захвораешь не вовремя.

— А ты?

— Я посижу еще.

Яша ушел.

Когда снова хлопнула парадная дверь и нерешительно затюкал по лестнице костыль, точно готов был еще вернуться, Яша одним прыжком очутился перед Сеней. Он ласково обнял его и заглянул в глаза:

— Не сердись, Сеня, я пошутил!

Но Сеня резко отвел руку товарища...

— Ну, если так, я пошел.

И не дослушав ответа, Яша побежал вверх по лестнице.

Сеня остановил его на полпути.

— Яшка, подожди минуточку, я не все сказал.

— Что еще?

Один слушал с верхней площадки, свисавшись над перилами. Другой говорил, задрав голову кверху.

— Я считаю, Яша, что мне надо перебраться к Стрепетовой. Над ней ребята пошмеиваются. Ты первый. Я ее взял на буксир и бросил.

Яша свистнул и убежал так быстро, что казалось, ступеньки катятся у него из-под ног и с грохотом летят вниз. Уже сверху он крикнул:

— Желаю тебе успеха, Зимин!

Зачеркнутая фамилия

Яша шел по коридору взволнованным шагом. Поздороваться или не поздороваться с Сеней, если встретится. Позвать или не позвать, пока не поздно. Сегодня он опять выдержит насмешливые взгляды ребят. Опять поссорились.

Но класс был пуст. Яша громко хлопнул дверью, доска дрогнула и поклонилась ему. Кругом никого. Даже жаль, что не сразу лицом к лицу он встретился с Сеней. В ожидании он прошелся по классу. В углу между печкой и дверью висел аккуратно написанный рукой Тамары список с крупным заглавием «Наш буксир». Здесь был перечень обязательств и фамилий. Шесть буксирных пар. Весь первый ряд парт. Внизу, одиноко, фамилия Стрепетовой. Фамилия эта была последней по счету, и перед ней стоял маленький знак вопроса. Яша презрительно хмыкнул, достал красный карандаш и зачеркнул последнюю строку.

— И без Гальки обойдется!

На подоконнике в конце коридора сидит Галя. Она не решается войти в класс.

Уже начался урок географии. «Сейчас мне поставят «н/б» — «не была». Прогул, — думает она. — А если войти в класс, все на меня уставятся. Уже все видели мою зачеркнутую фамилию. Кто мог ее зачеркнуть? Кто мог зачеркнуть мою фамилию? — гадала девочка. — Тамарка, Сеня, Яша, Витя, кто-нибудь шутя?» Но ни на одном имени Галя не могла остановиться. «А если зачеркнул именно Сеня? Мы уже не помремся с ним никогда!»

В коридоре затихло. На цыпочках пробежала Настя. Из соседнего класса доносил-

ся спокойный голос учителя. Галя неслышно прошла по коридору, минутку постояла за дверь своего класса, потом быстро спустилась с лестницы. Дежурной у вешалки она пожаловалась на зубную боль и, торпливо одевшись, убежала.

Был для Гальки необычный час на улице. Утро. Все учились в этот час. Школа стояла строгая. По-деловому был пуст школьный двор. Все куда-то торопились, что-то делали. Было стыдно ходить в это время по улице с школьным портфелем. Гале казалось, что встречаемые понимают из укоризненно смотря ей вслед: «Девочка прогуляла и дома что-нибудь наврет». Она зашла в ближайший парадный подъезд и подвязала щеку носовым платком. Она шла медленно: торопиться было некуда и незачем.

«Скажусь больной — вызовут доктора. Правду трудно матери объяснить. Скажу, что подвернула ногу», — решила Галя. И она пошла быстрее, налегая и прихрамывая на правую ногу. Через один квартал уже казалось ей, что действительно болит нога и ходить ровно невозможно. Какая-то женщина посмотрела ей вслед с сожалением: щека перевязана, нога хромая. Незаметно дошла она до своих ворот. Высокий худой человек в военном прошел мимо торопливой и деловой походкой. «Брат Витык Гоголика на работу пошел», — подумала Галя.

На углу, в окне у часового мастера, часы показывали ровно десять. Галя привыкла к этим часам. Каждое утро по дороге в школу она успевала мимоходом взглянуть, как мерно покачивается маятник часов. Металлические качели, и на качелях девочка.

«Ровно десять», — думала Галя. — «Еще можно вернуться и попасть на второй урок». Но, вспомнив свою зачеркнутую фамилию, медленно повернула к дому.

Летучая боль

На другой день Галя в школу не пошла. Она даже с постели не поднималась, сказавшись больной.

Пелагея Ивановна встревожилась. Болезнь пришла неожиданно, и опасность казалась ей, как всегда, во много раз грознее. Уже все недавние обиды были Гале прощены. Об одном только и думала сейчас Пелагея Ивановна: не оказалась бы болезнь смертельной. Каждая болезнь Гали всегда казалась ей роковой. И чего бы ни позволила она сейчас своей Галине, только бы выздорове-

ла скорее! Даже «хромононого» мать встретила бы с радостью.

А девочка ворочается, стонет и без конца жалуется. Болит все: голова, спина и, главное, ноги. То правая, то левая. Боль особенная — летучая.

— Может быть, мне встать? — слабым голоском предлагает Галя и, кряхтя, опирается на ладони. — Нельзя мне прогуливать, мама. Сейчас в школе дни горячие...

Но Пелагея Ивановна укладывает больную, укрывает ее теплее и подтыкает одеяло во все щелочки. Ни о какой школе не может быть и речи! Пелагея Ивановна сама на работу не вышла. Она у постели девочки. И отходит на цыпочках, поминутно возвращаясь, прислушиваясь к ее дыханию.

Когда спит больной ребенок, тревога не спит в сердце матери.

Галя стонала сквозь сон. Иногда она выглядывала из-под одеяла, воровато смотрела на мать. Под одеялом было душно. Хотелось его скинуть, выскочить из постели, побежать на улицу.

«А может быть, сегодня в Сокольники поедут всей группой?» — думала Галя. — Уже давно Коля обещал лыжную вылазку в парк. Значит, теперь собираются в школьном дворе. Стучат лыжи, кто-то кому-то палку подменил, кто-то пьексы перепутал. Даже Сеня поедет. Без лыж, просто подышать (они могли бы погулять вместе). Он в отцовской ушанке и новой меховой куртке. Он похож на эскимоса. Всем весело, и никто не замечает отсутствия Стрепетовой. Не до нее в этот солнечный, ясный день. Не пришла сегодня — придет завтра. Подумаешь, беда!»

И Галя еще глубже зарывается в подушку и стонет. Проклятая нога! Терпеть невозможно, как она ноет в суставе.

— Никогда уже мне на лыжах не придется ходить! — говорит она сквозь слезы.

Пелагея Ивановна утешает девочку. Она примиряется даже с лыжами, которых до смерти боится. Она гладит галькину больную ногу и приговаривает:

— Все пройдет. С утра боль была в колене, сейчас в ступне, к вечеру она уйдет совсем.

Но Гальке не до шуток.

На другой день, когда надоела душная постель, боль из ноги внезапно ушла. Заныли зубы. Так еще ни у кого никогда зубы не болели. Пелагея Ивановна вспомнила всю премудрость домашнего лечения. Она зана-

веса окно, чтобы не продувало. Она смазала девочке щеку розогретым маслом и перевязала голову душным платком.

К вечеру второго дня, уже всерьез, разболелась голова от духоты и запаха лекарств. «Можно по-настоящему заболеть», — испугалась Галя. И наутро, торопливо, чтобы не раздумать, стала собираться в школу. Она не желала слушать увещаний матери.

— У нас в школе горячие дни.

Но и в этот день в школьном журнале против фамилии Стрепетовой появилась отметка «н/б»: Галя в школу не пришла. У школьных ворот она встретила Толю Айзмана. Он побежал к ней навстречу:

— Наконец-то, Стрепетова, ты явилась! Для тебя новости необыкновенные, а ты прогуливаешь!

— Какие новости?

Но Толя, не отвечая, тасил ее за руку в раздевалку. Уже было два звонка.

— Раздевайся, черепаха, скорее и ползи наверх. О тебе вся группа говорит.

И Толя убежал, не дождавшись, когда она снимет пальто.

Уже шел урок, в коридорах никого не было. Галя в нерешительности стояла у вешалки. Почему о ней сегодня говорят вся группа? Какие новости? Может быть, все уже дали обязательство не прогуливать, а она три дня не ходила. Записку о болезни спросит. Записки у нее нет. Завтра же о ней напишут в стенгазету, и все прочтут: «Стрепетова — прогульщица».

Галя в страхе выбежала из школы.

Артюшка

Из коридора у Стрепетовых ведет на чердак узкая шаткая лесенка. От ветхости она дрожит, скрипит, отклоняется на каждый шаг. Пелагея Ивановна никогда по ней теперь не поднимается.

На чердаке старые, ломаные стулья, ящики, хлам, изъеденный годами. Когда-то Пелагея Ивановна ловко забиралась наверх. А сейчас куда уж! Если иной раз кажется, что дверь на чердак не прикрыта, Стрепетова только крестится тихонько: не залез ли кто?

Однажды днем, вернувшись с работы, Пелагея Ивановна услышала на чердаке шаги. Шаги были робкие, точно кто-то ходил по чердаку на цыпочках. В квартире не было никого. Галя из школы еще не возвращалась. Стрепетова заперла дверь и прислу-

шалась. Шаги замирали ненадолго и снова возобновлялись. Она сидела на кровати, не решаясь выйти или подойти к двери поближе. Проверив замок на сундуке с вещами, Пелагея Ивановна хотела уже придвинуть стол к двери, но щелкнул замок, хлопнула вхолостую дверь: из школы вернулась Галя.

Вор пропал.

Перед сном со свечей проверили дверь на чердак. Она была заперта. Может быть, все это почудилось, и никаких шагов вовсе не было?

Спать все же легли при свете. И Галя, долго не засыпая, высмеивала трусость матери.

Но на другой день шаги повторились, и на третий, и на четвертый, и на пятый — все так же перед самым приходом Гали скрипела лестница.

— Крысы, что ли, бегают с чердака вниз? — недоумевала Стрепетова...

Уже шесть дней Галя не ходила в школу. По утрам вместе с матерью она вскакивала с постели. Как всегда перед школой, торопливо пила чай. Но как только уходила на работу мать, Галя бросала в угол портфель, берет, пальто. Перед самым приходом матери Галя тщательно собирала свои вещи, чтобы не осталось следов, и бежала наверх, на чердак. На улице нельзя: кто-нибудь встретит. Чердак был верным убежищем. Главное, ловко выскользнуть за двери и вовремя вернуться обратно.

Это были трудные дни на чердаке.

В углу, у мутного слухового окошка, старое, колченогое кресло. Баррикады из ящиков, пестрый хлам...

Если вытереть клочком пакли окошечко, виден переулочек. Видна унылая жизнь крыш. Они стоят обнаженные, кое-где покрытые снегом. Если бы можно было ходить по крышам, Галя пошла бы по правому ряду, прямоком до той зеленой крыши, что видна в конце улицы. Вон, до той самой, где торчат две трубы, из которых вьется дымок. Это Настя топит печку в школе. В школьных коридорах сейчас вкусно пахнет розогретыми дровами. Два часа. Кончила первая смена. Шумно и весело в раздевалке, а здесь на чердаке пахнет плесенью, мышами. Колочущая зимняя капель стучится в окошко: «Пус-тите, пус-тите...»

На шестой день Галя собралась было в школу: больше никак нельзя было сидеть в колченогом кресле на чердаке, слушать, как воет ветер, и разговаривать с мышами. Но товарищи ее спросят: «Почему ты, Стрепетова, столько дней в школе не

Галя разговаривает с Артюшкой как с живым.

была?» Нет, никогда она не вернется в школу! Одна ошибка влекла за собой другую.

За креслом, в ящике, вместе с щербатыми гsrшками, непарными кашошми и башмаками лежат старые куклы. Они лежат вповалку. Их сплюсненные тряпичные лица равнодушны. На самом верху курносый Артюшка. Моль выела у него один глаз. Но другой остался и ласково смотрит на Галю. Одна нога у Артюшки короче другой. Руку у него оторвало на войне. Галя разговаривает с Артюшкой как с живым.

Разве Артюшка не помнит, как терпеливо Галя мазала ему раны замазкой, согревала ватой, бинтовала тряпками, как она просыпалась ночью и укрывала его? Он не мог есть грубой пищи, и Галя давала ему белый хлеб. Артюшка вернулся с войны, у Артюшки не осталось родных. Ни одна из кукол не должна была знать, о чем говорит Галя с Артюшкой. Но все они подслушивали. Белобрысая Машка с кляксой на лбу была доносчицей. На чердаке Галя пряталась с Артюшкой и от всяческих домашних бед: чтобы не брали с собой в лавку, чтобы не давали перебирать крупу, чтобы не заставляли сторожить убегающее молоко.

До Артюшки недолго была у Гали черноглазая Катя. Но она не умела хранить секреты. Они сыпались из нее вместе с опилками. От этой Кати мама узнала, что

Галя часто прятается с Артюшкой на чердаке: вся лестница была усеяна опилками. Тогда Гале было строго-настрого запрещено лазать на чердак. Она не была здесь много лет.

Тряпичный Артюшка подмигнул Гале уцелевшим глазом: «Как ты сюда попала? Опять в куклы играть?»

Галя прикрыла щеки ладонями, точно зубы у нее разболелись вдруг: «Все ребята сейчас в школе, а я на чердак залезла!»

Галя с досады хотела швырнуть глупую тряпичную куклу подальше, но вместо того уложила ее к себе на колени и прикрыла полой пальто.

Артюшка узнал, почему Галя сидит сейчас на чердаке. Артюшка ожил. Из груди его вылетела моль. Он лежал на колених у Гали и участливо слушал. «Все девочки — пшенная каша», — должно быть, подумал Артюшка.

Признание

Яша шлепал по лужам. Он прислушивался, как назойливо чавкает у него одна кашоша, и думал: «Кто из нас поступил хуже: я или Сеня? Кто первый нарушил дружбу? Он, а не я. И он пересел к моему врагу — к Гальке. Он пересел, а не я».

Яша успокоил себя и пошел бульваром. Здесь еще была зима. Обледенелая дорожка, накатанная до блеска, сверкала сталью. Снег, залежавшийся на газонах, был не так черен.

«В конце концов мы опять помиримся», — решил Яша и разогнался по скользкой дорожке.

Часы в конце бульвара, у памятника, показывали четыре. Пора домой. Не стоит думать, все уладится. Яша зашагал быстро, бормоча себе в такт: «Мы помиримся, мы помиримся».

Дойдя до двери Зиминых, Яша остановился: «Почему я раньше мог придти первым мириться, а сейчас не могу?!» Он решительно забарабанил в дверь. В то же время скрипнула парадная, и по лестнице стали подниматься двое: Василий Бережнов и Сеня. Они громко разговаривали, но, заметив Яшу, умолкли. Тогда Яша поспешно кинулся наверх, перескакивая через три ступеньки.

— Подожди! — кричал ему вслед Бережнов. — Куда ты?

Но Яша не слышал и не желал слышать ничего. Он опередил Василия и громко хлопнул дверью.

Весь остаток вечера Яша молча просидел над учебником географии, не читая его, и переворачивал страницы для виду, когда Василий подходил близко.

А Бережнов также для виду слишком тщательно и долго перечерчивал старый проект и каждый раз, ловя на себя взгляд мальчика, затягивал песенку не своим, каким-то осекающимся голосом и внезапно умолкал, захватив зубами ус.

Яша думал о письме. Дважды он выскальзывал в коридор и читал его, воровато пряча в боковой карман. Сегодня он заново и крепче почувствовал в этом письме обиду. Так вот сколько лет обманывал его Василий!

Не к чему было в этот вечер ужинать, незачем было ложиться спать. Но мальчик все-таки поел и уснул, даже крепче обычного.

Приснилось это или спросонья родилась эта мысль, но к рассвету она овладела Яшей.

Он ворочался, то укрываясь с головой, точно спасаясь от чего-то, то вдруг сбрасывая одеяло. Он больше не сомневался: он был уверен. Когда они впервые помирились с Сеней, он показал ему письмо. Теперь Сеня выдал его, рассказал Василию обо всем!

Под утро, улучив минуту, когда Бережнов поворачивался на другой бок, Яша решил наконец.

— Василий! — позвал он. — Василий!

— А? — зевнул Бережнов.

— Василий! — громче позвал Яша.

— Ну?

— Ты меня теперь совсем презирать будешь?

— Буду, — опять зевнул Бережнов.

— А за что?

— А за то, что ты мне спать не даешь, — и Бережнов, укрывшись с головой одеялом, через секунду опять спал крепким, предутренним сном.

Яшка прислушался. Спит! Как он мог уснуть сейчас? Яша перебежал через комнату в одной рубашке, как бывало маленьким, присел на край отцовской кровати и тихо погладил селеующий ежик.

Бережнов отогнал сонной рукой «муху» со лба. Но «муха» назойливо лезла дальше и путалась в волосах.

— Фу, ты, проклятая!

«Муха» колошилась на щеке. Бережнов проснулся. Рядом сидел Яша и, уткнувшись в подушку, плакал. Он плакал обильно, горячо, всхлипывая.

Бережнов взял мальчика за плечи:

— Это что же такое?

Яша продолжал рыдать.

— А ну, перестать! — скомандовал Василий, скрывая за шуткой смущение. — Смирно, подтянись! Так!

Яшка улыбнулся, нехотя, сквозь слезы, утирая щеки всей ладонью. Бережнов закурил и продолжал шутливым голосом:

— Тебя что же, «неуды» до слез покупали? Или тебе Галька твоя язык показала?..

— Ты не имеешь права надо мной смеяться. При чем тут Галька? Я уже не маленький.

— А ревешь...

— Давай поговорим! — потребовал Яша.

— Поговорим.

Бережнов заботливо укрыл мальчика краем одеяла и тихонько забрал озявшие руки в свои. От этой неожиданной ласки мальчик обмяк. Слезы пошли обильнее и горше.

Яша положил на одеяло пожелтевший конверт с хлебной печатью.

— Вот, — сказал Яша.

Бережнов подхватил кончик уса и крепко его закусил.

— Конечно, договорились, — сказал он спокойно и привычно постучал папиросой по крышке портсигара.

Тайна кончилась

Нохим Коваль

Четверо друзей было в партизанском отряде. Они не разлучались. Никита Хорь, по прозвищу «Черепок», Василий Бережнов из села Ткачи, татарин Измаил и молодой еврейский парень Нохимка; фамилия его была Брегман. Но его никогда по фамилии не называли. Он принес с собой прозвище «Коваль». Большие всех Коваль сблизился с Бережновым. Они встретились впервые в девятнадцатом году, ночью. Была ранняя весна. Ночь холодная. Прикрывая отступление, несколько партизан лежало вдоль реки. Бережнова мучил отчаяннее всего сон. Сон подступал и внезапно наваливался на плечи, на голову, на грудь.

К рассвету Бережнов задремал. И проснулся точно от сильного толчка. Чьи-то большие руки обували его в крепкие сапоги. Кто-то шопотом ругал его. Бережнова трепал жар, а сапоги эти ему такими тяжелыми показались, точно его всего в них заковали.

Ноги у Бережнова к утру распухли, и сапоги в голенищах пришлось разрезать. Тот же паренек их сам и разрезал. Так началась дружба Василия и Нохима.

В еврейском местечке, где родился Нохим, его считали первым силачом. Он был еще мальчишкой, когда ему уступали дорогу. Из местечковых мальчиков никто не смел красть яблоки в саду у пана. А Нохим крал. Он набирал полные карманы, садился верхом на забор и грыз. А когда выходил пан, Нохимка спрашивал, улыбаясь:

— Пане, хочете яблочко? Дюже хорошие у вас яблочки!

Нохимка был неуловим.

Везде был Нохимка, как у себя дома, но нигде ему не было настоящего места. Спал он где придется и как придется: на сундуке, на полу, на печке,— казалось, он мог спать стоя.

— Ну что я отвечу богу на том свете за такого сына? — горестно вопрошал отец Нохима.

Старый портной боялся смерти. И Нохимка утешал отца:

— Когда вас будут вызывать на «страшный суд», кликните меня. Я сам объясню вашему богу, как и что я делал.

Отец со злости бросал в Нохимку ножицы, старые пыльные пиджаки, случалось, и утюг. Так и остался на правой ноге у мальчика шрам — месья отца за бога...

Шестнадцать лет Нохимка избил до полусмерти урядника и бежал из родного местечка. Урядник выздоровел, но отец Нохима кончил жизнь в тюрьме.

Нохим скитался.

Девятнадцать лет, научившись малярному ремеслу, Нохим женился в чужом местечке. Его жена, золотоволосая Злата, родила ему двойню. Мальчика и девочку.

Петлюровские сабли сверкали над местечком, когда родились дети. Нохиму некогда было даже разглядеть их толком. Ночью он взял на дорогу соленый огурец без хлеба и ушел с красным партизанским отрядом.

Бережнов расстался с Нохимом ночью под деревней Барвинки. Наступали белые. У Нохима была прострелена голова. Он

умирал медленно, не сдаваясь. А отступить надо было быстро, чтобы собрать силы к завтрашнему наступлению. Бережнов донес Нохима до погорелой бани и спрятал его там у древней бабки.

...На рассвете Бережнов догнал свой отряд. Из четырех друзей уцелел он один. Утонул Никита Хорь, был убит Исмаил. В тот же день был контужен и Бережнов. Он очнулся в Москве, в госпитале. Целый год его большая память была точно отрезана от прошлого. Через год он вспомнил последнюю просьбу боевого друга и послал письмо в далекое местечко к его жене. Это было летом двадцатого года.

Мать

В голодный зимний день девятьсот двадцатого года Злата Брегман получила письмо из Москвы. Это была весть из другого мира. Разгромленное местечко было пусто и голо, новые вести забредали сюда еще редко. Злата осмотрела свое нищее жилье и собралась в путь. В печке тлел остаток гнилой ставни. В единственном старом шкафу давно жили тараканы. Злате нечего было взять с собой и нечего было оставить.

Злата Брегман тихо ушла из местечка с двумя детьми, почти ни с кем не простившись. Никому не было дела до одинокой женщины и ее близнецов. Провожал Злату до поезда старый сапожник Иехил. Он нес в руках горшочек каши на дорогу детям. До станции они шагали молча. Когда крикнули: «Поезд идет!», — Злата побежала. Она исчезла в темноте. Старик остался один с горшочком каши в руках. Больше о Злате в местечке не было слухов. Умер сапожник Иехил, и семья беспокойного Нохима была прочно забыта. Да и старый домик на краю улицы свалился, как человек, не вынесший одиночества и горя.

На станциях, среди чужих людей, сваленных тифом и бездорожьем, Злата терпеливо ожидала поезда. Дни не шли в счет. Она часто с тоской вспоминала о горшочке каши. Целый месяц она ехала в Москву. За пазухой у нее лежало письмо знакомого Василия Бережнова и адрес: «Красная Пресня, дом одиннадцать».

Путь был не только трудный, но и неясный. Только в самом конце его мелькнула перед Златой надежда. Встретился Злате земляк-красноармеец, который видел в ка-

занском госпитале человека, похожего на Нохима. Но, может быть, ему это показалось. Когда человек в бреду, все лица кажутся ему не такими, как они есть на самом деле.

Неожиданно сизым зимним утром явилась к Бережнову маленькая золотоволосая женщина в ватной телогрейке с чужого плеча, в буденовке, в башмаках, перевязанных шпагатом. Она привела с собой темно-волосого мальчика и рыжую девочку. Близнецы осматривали комнату Бережнова своими пытливыми испуганными глазами. Им вместе было три года, но они совсем по взрослому грели отмороженные ручонки у накалившейся трубы печурки-«буржуйки». Два дня провела Злата в комнате у Бережнова. Она сидела, будто зашла к соседу в теплую избу зимой погреться. Казалось, она боялась привыкнуть к теплу, чтобы предстоящий путь не казался ей еще страшнее. Злата решила ехать в Казань. Искать. Она верила, что Нохим жив. Никто ведь не видел его глаза закрытыми навсегда, никто ведь не слышал его последнего вздоха. Никакие уговоры Бережнова не помогли.

Злата ушла с дочерью, оставив до поры большого мальчика у Бережнова. Бережнов на дорогу укутал девочку в свое одеяло, а мальчика на ночь укрыл своей шинелью.

Как бы ни были тяжелы дни, они не в силах задержать движения времени. Оно шло. Злата не возвращалась. Бережнов нянчил мальчика и ждал. Через год, когда он уже не с такой тревогой прислушивался к звонкам почтальона, пришло письмо в самодельном конверте, заклеенное хлебным мякишем, как тремя печатями.

Письмо было бессвязное. В этом письме умирающая Злата просила Бережнова разыскать Нохима Брегмана, отца ее детей, беречь Яшу, как родного сына, и принять дочку, чтобы она не осталась на чужих руках. Письмо обрывалось на полуслове. Дальше шла приписка тем же почерком, но мельче и убористей, сделанная уже без особой спешки:

«Писал письмо случайный проезжий, как мы вместе с этой умершей женщиной ждали поезда на Казань. Женщина умерла, когда ее на носилки укладывали.

Документов при сем никаких не найдено. Мы, проезжие, как свидетели, просим вас принять девочку от той гражданки, что добровольно взялась ее доставить в Москву, где она и проживает. К сему проезжий».

Витя обогнал Сеньку на лестнице и поймал за рукав:

— О Гальке знаешь? Уже несколько дней у Стрепетовых занавешено окно и никаких признаков жизни. Может быть, уехали, а может быть, умерли все.

Сенька ответил коротко: «Не мое дело»,—но на перемене все норовил столкнуться с Голиковым. Видимо, хотел продолжить разговор. Витька увилвал.

О Гале Стрепетовой в группе почти ничего не знали. В журнале коротко отмечали против 'ее фамилии: «н/б». Не было Стрепетовой. Когда у Андрея Ивановича в журнале этих знаков уже набралось достаточное количество, он озабоченно спросил: «Кто знает, почему не ходит Стрепетова?» Кто-то ответил: «Большая». Яшка при этом громко заметил: «Больна. Каждый день. Гулять охота, учиться лень». Тамара с Тачей переглянулись.

Вечером Андреем Голиков снова заметил, что Витька придвинул к окну свой столтик.

— Опять подсматриваешь?

— Ничуть не бывало.

— А зачем к окну пересел?

— Уроки делаю. Мне отсюда вся география видна.

— Опять старые шутки,— рассердился Андрей.

И Витька покорно отодвинул стол.

Но в тот же день он увидел Галю у окна. Она приподняла занавеску и ела что-то из кастрюльки у подоконника.

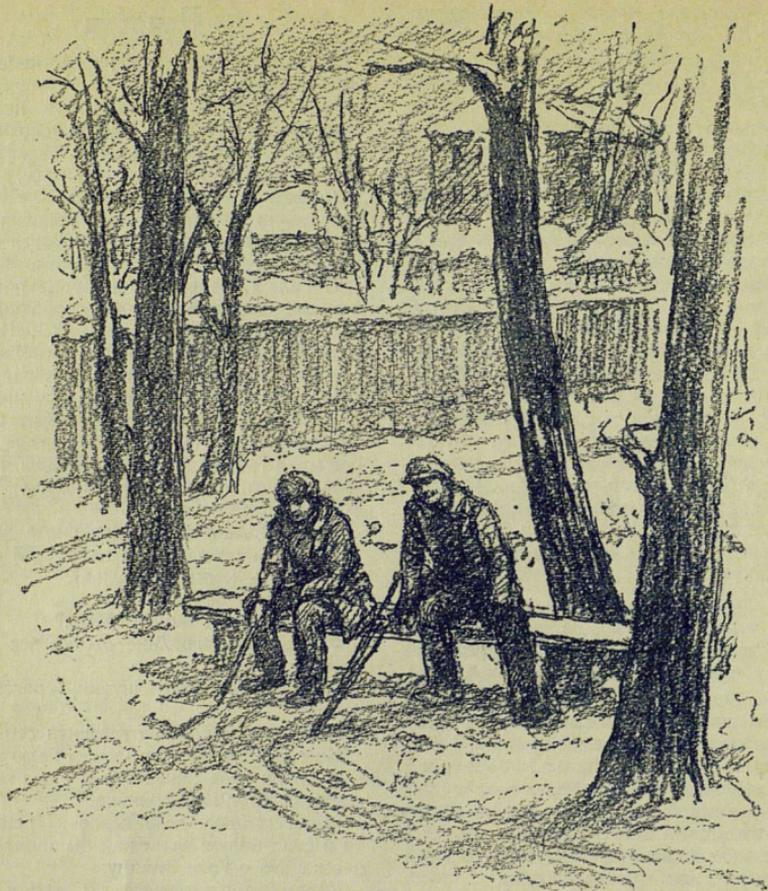
«Прогульщица, дело ясное»,— решил Витя и стал выдумывать, как бы поинтереснее рассказать о Гале Зимину.

Утром он столкнулся с Сеней в раздевалке.

— Зря, Сенька, ты к ней пересел,— сразу начал он.

— Не твоё дело! Проваливай!

Неожиданно Витя встретил Галю во дворе. Она его не заметила. Она бежала куда-то в расстегнутом пальто, без шапочки. Во дворе говорили: «В сороковой квартире портниха Стрепетова умирает». Витя тут же зашел в парадное и позвонил. Ему открыла Галька. Но у нее были веки припухшие и кончик носа красный. Он хотел спросить, почему она не ходит в школу и что у нее случилось. Но он не успел и слов собрать. Она испуганно захлопнула дверь. Дверь была пухлая, с ямочками от аккуратно вдавленных гвоздиков. Витя постоял и ушел ни с чем.

Витя щепочкой быстро вывел на снегу адрес Гали.

Сеня с Витей сидели в школьном садике на скамейке. Сеня слушал молча и щепочкой чертил по снегу. Он вывел букву «Г» и быстро разгреб снег. Но Витя заметил.

— Хорошо пишешь,— сказал он.

Сенька поднялся и хотел уйти, но Голиков удержал его.

— Минуточку внимания, Зимин. Дай щепку!

— Ну?

Витя щепочкой быстро вывел на снегу адрес Гали:

«Квартира сорок. Три звонка».

Витя убежал, оставив смущенного, пристыженного Сеню одного над адресом, выведенным на снегу.

Формула

Пока Николай Егорович писал на доске примеры, Тамара успела сделать Вите несколько замечаний: «Во-первых, ты растираешь кляксы пальцем, у тебя вечно руки в чернилах; во-вторых, надо носить с собой носовой платок и не шмыгать носом». Все это было показано одними жестами, причем для живости Тамарка так громко шмыгнула носом, что Николай Егорович оглянулся.

«Не разговаривай на уроке,— написал ей Витька. — Пункт третий».

«А ты меня не учи»,— размашисто черкнула Тамара на промокашке.

Сегодня ссориться Витя не пожелал и стал списывать с доски примеры. Примеры были нелегкие. Но Витя неожиданно раскурил их легко, как орешек. Витя нахохлился, сдвинул брови и строчит, нагнувшись над партой, почти касаясь носом листа. Его уже дважды тихонько толкает Тамара, но он глаз не подымает «Не мешай, я сам». Сеня поглядывает на него и улыбается. Витя точно ловит птицу или удит рыбу. Он боится шевельнуться, дохнуть, как бы не исчезла и не сорвалась.

Решив примеры, Голиков сам готов был написать себе в конце странички «очхор». Но нет, пускай напишет Николай Егорович. Первый самостоятельный «очхор» по алфавиту!

Все пишут. Еще никто не видит, что Витя кончил задачу первым и уже второй раз приподнимается со скамьи, но все же не решается сдать тетрадь. С нею даже жалко расставаться. Но пускай все знают, что он решил первым. И он встает. Тамарка тихонько дергает его за рукав. Витя не обращает на нее внимания. Этого в «буксире» не сказано: не сдавать тетради, пока не решил твой сосед. Пункта такого нет. И Витя, сутулясь, осторожно мимо удивленных рядов несет к учительскому столу тетрадь.

— Ответ: ноль целых и пять десятых икса,— тихо говорит он, точно показывая учителю пойманную птицу.

Обратно между парт он идет медленно. Теперь уже на него смотрят с завистью те, у кого «заело» и не идет решение.

«Ну, когда у вас выходило, вы не думали обо мне! И тоже первыми подавали тетради».

Голиков вернулся на место и сел поудобнее. Только сейчас он разглядывает Тамару. Она вся красная, глаза точно вдвое больше стали и растерянно смотрят по сторонам, ищут чего-то. Она грызет ручку. Уже одна, две, даже три странички исписаны и перечеркнуты. Заело, не выходит! Она смотрит на Витю умоляюще. Точно она тонет, и он должен спасти ее. Она отворачивает голову в сторону и левой рукой ловко подсовывает ему записку: «Забыла формулу: икс плюс игрек в кубе. Напиши». Но Витя не отвечает. Он складывает записку и прячет ее в карман. Она толкает его локтем, но он смахивает что-то со своего рукава, пыль или муху. Он отворачивается. Он разглядывает потолок, стены, окна... Мало ли что можно разглядывать, когда уже решена задача! Он может даже выйти

из класса. Но он не выходит, чтобы не казаться выскочкой.

Тамара снова дергает витин рукав, уже настойчиво, нетерпеливо, и шипит над самым ухом:

— Икс плюс игрек в кубе? Икс плюс игрек в кубе? Витька?

Но Витя молчит.

Время идет. Стопка тетрадей на столике у Николая Егоровича растет. Со всех сторон класса приближают и приближают свеженькие тетради. Но формула не вспоминается Тамаре. А без формулы задачи не решить. Тамара кусает ногти. У нее на ладони лежит записочка к Тане, но как передать ее? Сеня сидит у самого края парты и наблюдает. Хоть бы случилось что-нибудь неожиданное и отвлекло бы внимание Сени, и тогда записка легко, как пылинка, полетит через головы прямо в руки Тани. «Может быть, уронить чернильницу,— думает Тамара,— и все уставятся на пол. Нет, это — хулиганство. Записку передать нельзя...»

Николай Егорович уже достает из кармана бичовку и готовится перевязать тетради, чтобы унести их домой. Парты пустеют.

— Поторапливайтесь, поторапливайтесь,— говорит Николай Егорович,— скоро звонок.

Именно к Тамаре обращается сейчас Николай Егорович. Никогда еще не было с ней такого конфуза. Совсем отчаявшись, Тамара снова пишет Вите:

«Ты свинья, Голиков. Напиши мне формулу икс плюс игрек в кубе. Если не помнишь сам, передай Тане записку».

— Скореи!

Но Витя отодвигается.

— Шукина, не разговаривай на уроке!

Откуда пришло спасенье к Тамаре, Витя не заметил. Мелькнула записочка и исчезла. Тамарино перо заскрипело, точно заплесало сразу. Когда прозвонили, она победно отложила ручку и вздохнула: «Кончила!» Она громко прихлопнула исписанную страничку промокашкой.

На очередном уроке русского языка Андрей Иванович обещал вызвать Голикова. Витя готовился день и ночь и собирался удивить всю группу. Но Андрей Иванович, раскрыв журнал, долго что-то вычислял про себя, прикидывал в уме и не вызывал. Неожиданно, оглядев своим привычным взглядом; как бы поверх очков, передние парты, спросил:

— Кто знает, когда Стрепетова придет в школу?

Никто не ответил.

— Кто из вас у нее дома бывает?

Все молчали. Все лица выражали один ответ: «Не знаю».

Сеня Зимин, Таня Сигида нагнулись под парту за платком: уронили. Тамара Щукина зарделась и стала быстро подплывать к соседней парте, за карандашом. Даже Толя Айзман забарабанил пальцами по своему колену. Яша Бережнов попробовал спокойно выдержать взгляд Андрея Ивановича, но не выдержал, отвернулся.

Андрей Иванович спокойно начал переключку. Дойдя до фамилии Стрепетовой, кашлянул и вызвал Сигиду. Андрей Иванович спокойно повел урок, точно не замечая того, что происходит в группе, не спуская, однако, глаз с первых парт.

В самом конце урока, когда Андрей Иванович уже с журналом подмышкой стоял на пороге, он опять спросил:

— Кто же сегодня собирается навестить Стрепетову?

Выяснилось, что сегодня к Гальке никто идти не может. Тамара не хотела «назло кому-то, принципиально». У Вити мать неожиданно уезжала в деревню. У Тани болят зубы. А Сеня? Сеня расклеивал сегодня стенгазету. О Бережнове никто и не подумал, но Андрей Иванович, повторив свой вопрос, так выразительно взглянул на Яшу, что рука мальчика чуть не потянулась вверх. Ужасно хотелось сказать:

— Я пойду к Стрепетовой...

Но Яша не сказал. Каждый, предоставив думать о Гале другому, занялся своими делами. Класс опустел. Только Сеня, дежуривший в этот день, остался в классе один. Он стоял у своей парты и думал: показалось ему, или в самом деле Яша хотел идти к Гальке? Сеня поморщился и стал быстро вытирать тряпкой и без того чистую доску.

Куза пришел

Вечером Андрей Иванович пришел во двор, где жили Стрепетовы. Ребята со двора, давно привыкшие к тому, что в сороковую ходят доктора и даже один раз приехала «скорая» карета, охотно проводили нового «доктора» до самых дверей. У Гали в Москве родственников нет. Андрей Иванович, слушая, машинально читал надписи на стенке, сделанные различными карандашами в различных направлениях. Вот

в плешь, образованную от облупившейся штукатурки, вписаны глаза, нос и рот, а под ними крупно: «Это Галя-трепала». И у самой двери акуратная надпись знакомым почерком: «К Стрепетовым. Стучите».

Когда дверь осторожно приоткрылась, мальчик, сопровождавший Андрея Ивановича, громко объявил:

— Стрепетовы, к вам доктор.

Кто-то метнулся доктору навстречу, а знакомый голос отозвался из глубины:

— Скажите, у нас уже был доктор. Это ошибка.

И на пороге появилась Галя. Сразу она, видимо, не узнала Андрея Ивановича, но когда он сказал голосом, точно таким, каким он обычно здоровался с группой:

— Здорово, Стрепетова, живем! — она ахнула и прижала ладони к щекам.

В комнате приторно и крепко пахло лекарствами. Андрей Иванович с нескрываемым любопытством разглядывал комнату.

— Чистенько у вас, — неожиданно заключил Андрей Иванович и, внимательно взглянув на Галю, кивнул в сторону больницы:

— Давно?

— Нет, то есть, да... — путается Галя.

— Доктор ходит?

— Каждый день...

«Но когда же он спросит о главном?» — думала она. А Куза придвинул к себе миски лекарства и стал читать сигнатурки. Читал он их внимательно, перечитывая по два — три раза одно и то же, покачивая головой, точно проверяя письменную работу. Казалось даже, что вот сейчас он распишется своей обычной, знакомой подписью «Куз».

Он читал, а Галя думала, как она расскажет ему о тех днях. Придется соврать, все свалить на мамину болезнь.

Вот он уже забрал бородку в ладонь и смотрит так пронизательно, что спрятаться от его знающего взгляда некуда. Комната кажется тесной.

— Лекарство даешь правильно, капля в каплю? — спрашивает Андрей Иванович.

Пронесло! Галя отбрасывает чолку со лба, точно она тяжела ей, и отвечает упавшим голосом:

— Капля в каплю. Конечно...

И опять, вместо того чтобы задать ей вопрос, почему она не ходила в школу, прогуляла столько дней, он начинает объяснять, точно свой новый урок, как надо капать лекарство через спичку, воткнутую в пробочку.

— Главное, маму не оставляй,— говорит он пораздумав.— Со школой уладим, девочка.

Уходить собрался Андрей Иванович, так же неожиданно, как пришел. В коридоре, долго надевая калошу, он сказал: «Группа тебе кланялась» — и крепко топнул, досадую нето на тесную калошу, нето еще на что-то.

На прощанье он пожал Гале руку, и она с непривычки потрясла ее далеко от себя, по-ребячи.

Голос Андрея Ивановича, такой знакомый и напоминавший деловые и близкие будни школы, долго еще стоял в тишине комнаты. Гале казалось, что она слышит даже скрип сапог учителя. Стул, слегка отодвинутый от стола, живо напоминал о госте. Галя прислушалась: мама спала спокойно.

Все было не так уже печально. Мама вздорливает, и скоро можно будет вернуться в школу. Пускай себе Сеня дружит, с кем ему угодно, и без него обойдется!

«Со школой уладим, девочка»... Не беда! За каких-нибудь пять дней, если сидеть прилежно, можно будет все нагнать, а по обществу и русскому отвечать в первый же день. И самой вызваться. И ответить без запинки.

Галя хотела разбудить мать, рассказать ей о том, как пришел Куза, и о чем говорил, и как сидел, и как простился, и тут же показать, до чего ловко падают капли через спичку, но мать спала. Она дышала легко, и рука ее, лежащая поверх одеяла, такая родная, с ласковой ямочкой у локтя, тоже спала и не вздрагивала от боли.

Галя укрыла мать теплее и на цыпочках отошла.

Говорят, во сне выздоравливают!

На отшибе

Короткие зимние дни мелькали все быстрее и быстрее. Подходила весна. Она была уже видна во всем: и в том, как редкий снег таял, не долетев до земли, и в том, как прижался в тени к забору рыхлый, обреченный лед, который, может быть, завтра растает на солнце, и в том, как гулко хлопали двери школы, и в том, как быстро бежали в школу ребята и как медленно, возвращались домой, жалея расставаться с улицей.

Галя не замечала, как проходили дни. С начала болезни матери для Гали тянется один бесконечный длинный день. Скучно.

Больная не выносит яркого света, и окно в их комнате почти постоянно занавешено. Галя редко выходит из дому.

За время болезни матери она только раз была около школы. Она прибежала взглянуть. Но было еще рано, и сквозь оттаявшее окно она ничего не увидела, ничего, кроме сдвинутых скамей и озобоченной нянчки Нависти со шваброй.

За месяц понемногу утрачивала Галя власть над учебниками, над иксами, игреками, над правилами грамматики и над странами мира. Зато ей стали послушны домашние вещи. Ее слушалась капризная керосинка, не смея дразнить ее черными языками кофоти, молоко не выкипало, стаканы не выскальзывали из рук. Но девочка среди домашних дел жила жизнью школы.

...Скоро двенадцать часов. Галя ставит суп на керосинку. А сейчас в школе большая перемена. А что делают теперь на большой перемене? Играют еще в зале или во дворе?

Уже потеплело. В школьном садике шумно. «А если бы вдруг появиться там,— думает Галька,— как меня встретят? Может быть, первой выбежит Тамара».

— Рыжик, здорово,— скажет она.— Чего же ты так долго не шла? А мы уже сто раз без тебя звено собирали. Раз восемь ходили в кино. Две экскурсии провели. Три отчета бригады. У меня все «очхоры». У Тани тоже. А это здорово, что ты пришла!

— А почему ты меня забыла? — спросит Галя. — Хоть бы ты ко мне один разочек пришла.

— Ну что ты, что ты! Сто совещаний учкома было, десять советов отряда. Где же у меня время, Галька?! Я редактор стенгазеты. Я учетчик. И санкомиссия... Ну что ты, что ты!

За Тамарой выбегут Таня, и Зойка, и все девочки из группы. И мальчики тоже все выбегут навстречу.

— У-у,— прогудит Витя Голиков.— Наше вам нижайшее, заходите в ближайшее! Пришла, наконец! А группа наша давным-давно улетела, и потащит ее смотреть доску показателей.

Наверное, группа теперь уже на самолете.

Потом ее поведут наверх, в класс. Класс стал больше, чище, доска шире.

«Привет Гальке Стрепетовой», — напишет кто-нибудь на доске.

— Кто это написал? — смущенно спросит Галька.

— Да это Сеня написал! Сам подойти не посмел и написал. Он думает, ты на него сердисься, Галка.

— Ну, Сеня, — скажет она, — дай руку, помиримся, раз я вернулась в школу.

Сеня улыбается. Рядом стоит Яшка Бережнов. Яшка подходит и смущенно протягивает руку.

— Здравствуй, тетя Лидия!

Все даже ахают от удивления. Но она улыбается. Больше это не обидно — «тетя Лидия»...

— Чему ты улыбаешься? — тихо спрашивает мать.

— Я не улыбаюсь, — говорит Галя.

Суп вскипел. Настойчиво прыгает крышка кастрюли. Но Гале не до супа... В классе шумно. Сеня командует, очищает место за партой рядом с собой.

— Сядем втроем, — говорит он, — я, ты и Яшка.

— Ну что ж, давай, — соглашается Галя. — Сядем втроем.

Но Сеня сразу меняет решение.

— Нет, — говорит он, — втроем нам нельзя: у нас только две чернильницы... «Какие глупые мысли лезут в голову! Нет, не вернусь я в школу. Конец года, а я отстала...»

— О чем ты плачешь? — спрашивает мать.

— Я не плачу.

— Не плачь, — утешает Стрепетова. — Я не умру. У нас род живучий...

Льдина

Весть неожиданно пронеслась по всей стране, по всем городам и улицам. Потонул в Чукотском море пароход «Челюскин», его раздавило льдами. Все спаслись, кроме одного, и теперь все сидят на льдине и ждут, пока их спасут. Во дворе ребята,

Какие глупые мысли лезут в голову! Нет, не вернусь я в школу...

тесно сбившись в кучку, спорили: как и на чем спасут. Одни говорили: на самолете, другие говорили: на собаках, третьи — на ледоколе.

— Самолеты не дойдут, — доказывал один, — там горы ледяные под самое небо. Самолеты зацепятся.

Ему возражали:

— Они повыше неба летать могут!

Единственная помощница Гали — соседка-старушка Филипьевна — охотно бегала лишний раз в лавку, в очередь, за новостями, и приносила домой газету. Она горячо сокрушалась о судьбе челюскинцев. От слова до слова Галя читала ей все новости вслух. Филипьевне казалось чудом, что лед стоит невредимым уже шестой день, что люди понастроили на льду палатки, живут,

как на земле, и радио посылают в Москву.

Ребята во дворе дополняли все новости, полученные из газет и принесенные со стороны Филиппьевой.

Во дворе играли в «челюскинцев».

Мысли о челюскинцах сплелись у Гальки с мыслями о школе. Она думала о том, кто сидит за ее партией, и о том, как люди спят на льду. Она гадала, спасут или не спасут челюскинцев, останется или не останется она в шестой группе второгоднейшей. Отсчитывая для матери капли лекарства, она шептала: «Да—нет, да—нет». И если гадала о льдине, то частенько давала матери лишнюю каплю лекарства, чтобы вышло «да, спасут». А если о себе, то задерживала последнюю каплю, и выходило «нет, не останется».

Она никому не посмела бы рассказать, что загадала на самое важное: «Если спасут челюскинцев, значит мать выздоровеет, я вернусь в школу, и я перейду со всеми в седьмую группу».

Галка завидовала челюскинцам: о них думали все. «Если бы я была на льдине, меня слушала бы по радио вся школа». Девочка воображала себя в большой меховой шубе, шагающей по полярным льдам; лицо обветрилось до того, что и веснушек не видно. Ее все в лагере знаят. Она со всем справляется одна. Она носит воду ведрами из океана и стряпает самые вкусные щи. За все работы ей ставят «очкор».

На рассвете Галка вскакивала и прислушивалась. В тишине раздавался голос. За стеной деловито вещало радио. И Галка бежала узнавать: спасли или не спасли?

Перепутанная география

В полночь и на рассвете, днем и вечером радио приносило всем одинаковые вести о людях, сидящих на дрейфующем льду в Чукотском море. Одни и те же новости все узнавали из газет, но ребята бежали по утрам в школу в ожидании каких-то необычайных известий, которые должны были придти «оттуда». Каждый рассказывал наперебой достоверно, точно только что сам видел все собственными глазами.

Радиолюбители до утра просиживали у самодельных радиоприемников, мечтая поймать в эфире голос радиста Кренкеля. А утром в школьной раздевалке хвастались перед товарищами тем, что поймали и сами слышали позывные сигналы лагеря. Знали даже такие подробности, какая нужна ан-

тенна в Арктике. Каждый знал жизнь на льдине до тонкостей.

В шестой «А», как и во всей школе, бесконечно спорили о том, как спасут: на нартах или на самолетах. Тамара, как будущий летчик, давала девочкам самые подробные объяснения насчет самолета:

— Если не обледенеет фюзеляж, долетят.

А что значит «фюзеляж», она вовсе не желала объяснять каждому в отдельности.

— Главное, — говорила Тамара, — проваться сквозь пургу, и тогда все будет спасены.

Был конец февраля. В школьном дворе на солнце таял снег, лед рыхлел. В это время всегда уже весело думаешь о весне. Но ребята думали о снежных бурях, о ледяных ночах в Арктике. На каждом уроке географии кто-нибудь просил:

— Агния Сидоровна, расскажите об Арктике.

— Расскажите о Шмидте.

Но ни про Арктику, ни про Шмидта Агния Сидоровна рассказывать не желала.

— Весь курс географии перепутали! Вся школа одну Арктику учит!

Географическая карта в шестой «А» стала центральным местом в группе. Перед каждым уроком приходилось разгонять ребят и наводить порядок. Так было до тех пор, пока однажды Витя не раздобыл в закуске у Нasti старую географическую карту. Общими силами карту подклеили и вывесили в коридоре, в самом светлом углу, у окна. Место лагеря обозначили красным флажком, путь «Челюскина» синими флажками, и даже на месте гибели парохода стоял флаг красный с черным. Угол, где висела карта, был назван «лагерем». Здесь ни пройти, ни протиснуться нельзя было на перемене. Здесь обсуждали новости, спорили, намечали пути самолетов и заключали пари на то, кто из летчиков долетит первым.

В «лагере» даже вражда Сени и Яши утихла. Когда спорили о челюскинцах, они стояли иной раз совсем близко, так, что касались локтями друг друга. Иногда они соглашались в споре. Но стоило им отойти от карты, и они расходились как чужие.

Шестая «А» начала выпускать стенную газету «Льдина». В газету писали все. Тамарина парта, как стол главного редактора, была завалена заметками, рисунками, стихами.

О буксире и соревновании рядов говорили мало. Шестая «А» могла снова остаться в хвосте у шестой «Б», если бы не Агния Сидоровна.

Однажды на уроке географии Агния Сидоровна объявила:

— Буду спрашивать всех, не исключая «очхорников». И на поблажки не надейтесь.

— Агния Сидоровна, спрашивайте про Арктику,— предложил Яша.

Но Агния Сидоровна наотрез отказала: — Мы этого еще не проходили!

Вопрос о географии срочно обсудили на большой перемене. Решено было объявить аврал и всей группой выучить географию на «очхор».

Скрепя сердце зубрили географию целыми днями. У «лагеря» собирались реже. Повторять приходилось много, а времени было мало. Новости сообщали сейчас находку, в раздевалке. Даже на переменах зубрили географию. Труднее всех приходилось Тамаре Щукиной. Витя думал только об Арктике. Остальная география не шла ему в голову.

— У тебя мозги льдом набиты,— ругалась Тамарка.— Из-за тебя и я провалюсь. Увидишь.

И Витяка успокаивал:

— Тамарка, приглуши мотор! Прилетим первыми.

Пятое марта

Пятого марта первым был урок обществоведения.

Андрей Иванович пришел в класс не с журналом, как обычно, а со свеженькой газетой. У Андрея Ивановича был вид праздничный: на нем была белая косоворотка и сапоги начищены до блеска.

— Все уже знают?— спросил Андрей Иванович.— Читали?

Все уже знали, но закричали в один голос:

— Читайте! Андрей Иванович, читайте!

Андрей Иванович надел очки и откашлялся, прежде чем начать. С утра все почти наизусть выучили телеграмму, полученную из лагеря Шмидта. Все знали, что летчик Ляпидевский доставил в Уэллен всех бывших на льдине женщин и детей, но слушали Андрея Ивановича в полной тишине.

Витя не дал дочитать до конца.

— Я же говорил,— выкрикнул он,— я же говорил, Андрей Иванович, что так оно и будет!..

На Витю зашикали со всех сторон, а когда Андрей Иванович дочитал, зааплодировали так громко, что снизу прибежала Настя узнать, что случилось.

Урок обществоведения был больше похож на урок географии. Правда, такого урока

географии еще никогда в шестой «А» не было. Притащили географическую карту и повесили у окна, как раз на том месте, где Агния Сидоровна не позволяла вешать. В Чукотском море водрузили красный флажок. Все сгрудились и подвинулись вперед, поближе к Андрею Ивановичу, так что на первых партах сидели по трое и по четверо вместе. По случаю такого радостного события Андрей Иванович все позволял.

— Мы сидим все вместе, Андрей Иванович, как челюскинцы. Весь урок до звонка Андрей Иванович рассказывал о Северной Земле, о зимовщиках, о полярных экспедициях, о белых пятнах на карте, об отважных исследователях Севера и о славных советских летчиках, победивших пургу и полярную ночь.

— Этот подвиг войдет в историю,— сказал Андрей Иванович.— Человек вылетел на спасение товарищей в сорокаградусный мороз, когда рука к рулю примерзает.

— Я бы тоже вылетел, Андрей Иванович!— с готовностью заявил Сеня.

— Подумаешь, каждый вылетит!— отпаривал Яша.

— Ну, положим, не каждый,— подшутил Витя.

— Наш Коля Подосенов непременно опоздает на пять минут,— заметила Таня.

— А Тамара с полдороги вернется, Таню выругать,— продолжал Витя.

Витю поддержали. Девочки обиделись, и вскоре шумел весь класс.

Напрасно Андрей Иванович призывал к порядку. Никто не желал умолкнуть первым.

Веселый спор, в котором каждый стремился отвоювать себе первенство, затянулся до звонка.

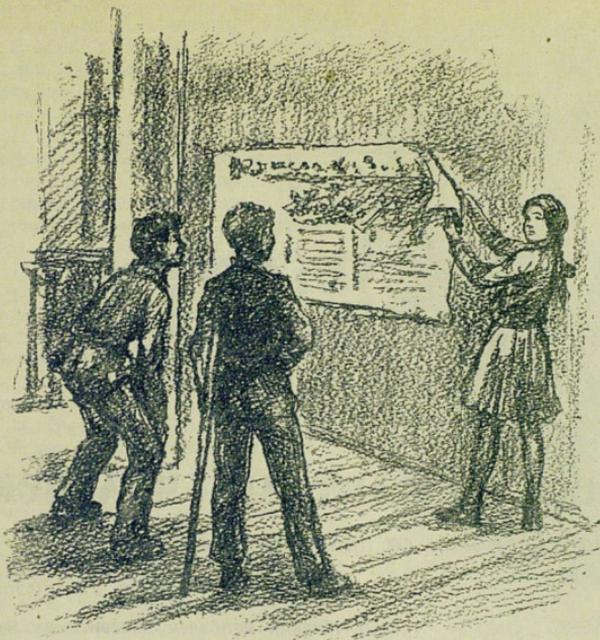
Это был необыкновенный день.

У окна

В комнате у Стрепетовых было полутемно. Большая спала. Галя тихонько влезла на подоконник и сняла занавеску. Свет ворвался в комнату. Девочка приоткрыла окно.

С крыши звонко падали капли. Что-то возилось и трещало в водосточной трубе. Голуби слетались на соседний подоконник за крошками. Они дрались за лучшее место, громко хлопая крыльями. Все было, как и прошлой весной.

Галка замечталась. Она не заметила, как окно напротив распахнулось и в окне появился Витяка. Сложив ладони рупором, он прокричал на весь двор:

Шестая «А» начала выпускать стенную газету «Лыдина».

— Здорово, Стрепетова, здорово!

Галя слышала только: «рово, рово, рово!»

Она помахала ему рукой.

— Здорово, Витька, здравствуй!

— Вылезай, Стрепетова, — кричал Витя:

И он протянул ей руку, точно ничего не стоило ей взять эту руку через весь двор и выпрыгнуть. Но Галька отрицательно покачала головой:

— Нельзя!

Тогда Витька вскочил на подоконник и, ухватившись за раму, почти вылез наружу. Вспугнутые голуби закружились над ним. К окну сбежались ребята.

Во дворе сразу стало известно, что между окнами идет перекличка. Сбежались ребята, они метались от витиного окна к галиному, перенося подслушанное и переразвивая разговор.

— Стрепетова, вылезай, зай-ай!

— Галя, тебя Витя зовет!

— Громкого р и т е л ь, громче!

Витя гудел в ладони, делал непонятные знаки. Это были, очевидно, последние новости группы, которые Галя поняла только, когда Витя сложил из пальцев «о», потом «х» и указал на себя.

— У меня «ох» — кричал он через весь двор и поднял четыре пальца, — четыре «ох»!

Галя смотрела не отрываясь, боясь проронить что-нибудь из этого рассказа. Наверное, шестая «А» впереди всех, если у Витьки четыре «очхора».

— А кто на моем месте сидит? — прокричала Галя.

Но Витя не расслышал.

— Все на месте, — ответил он. — Все «очхор»!

Разговор оборвался неожиданно. Витя исчез так же быстро, как появился. В комнату вошел брат Вити, старший Голиков.

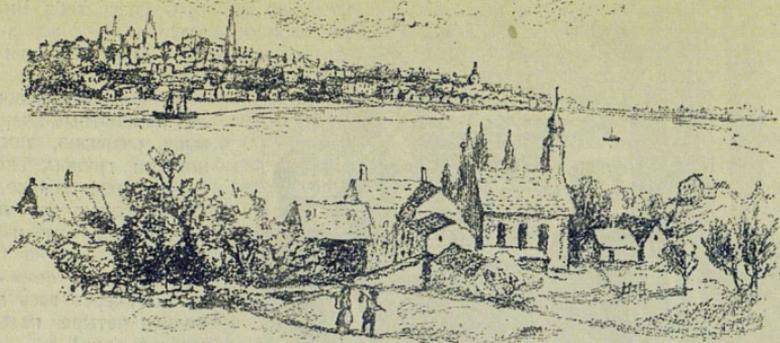
Мать звала Галю, но она не слышала. Она ждала, что будет дальше. Интересно, как живет Витя? Ведь никогда раньше она не заглядывала в его окно. Что будет делать его брат? Она увидела, как старший Голиков закурил, а Витя стал ходить вокруг него точно на цыпочках и не решался подойти к нему близко. В школе она не видела Витю таким робким. Но, наконец, Витя, видимо, решился и заговорил. Он улыбнулся и показал четыре пальца. Галя поняла и тоже улыбнулась.

— У меня четыре «очхора», — сказал Витя брату.

А через минуту она увидела Витю у окна с настоящим биноклем в руках.

Он наводил бинокль на окно Стрепетовых.

(Окончание в следующем номере)

Город Трир, в котором родился Карл Маркс.

Великий борец, мыслитель, человек

Сто двадцать лет со дня рождения

С. Гарбузов

КАРЛ МАРКС умер давно. 55 лет тому назад друзья проводили его тело на Хайгетское кладбище в Лондоне и Фридрих Энгельс писал товарищам: «Человечество стало ниже на целую голову и притом на самую гениальную».

Он умер давно... А самое слово «смерть» до сих пор никак не вяжется с его именем. Никогда еще ни один человек на земле не оставлял после себя такого огромного наследства. Это наследство — его учение, его гениальные мысли — оружие, которое он оставил пролетариату для борьбы за счастье всего человечества. Жизнь Маркса, его замечательный образ всегда будут служить примером для людей будущего.

Много раз за эти 55 лет «псы и свиньи буржуазии» пытались хоронить его идеи, а Маркс живет, и учение его уже победило на одной шестой части земного шара, где 170 миллионов трудящихся строят социализм. Оно победит и во всем мире.

Еще задолго до Маркса трудящиеся начали бороться против своих угнетателей, но они боролись с повязкой на глазах, не зная правильного пути: одни сжигали помещичьи имения, другие разрушали машины,

третьи убивали наиболее ненавистных чиновников, надсмотрщиков и жандармов, думая, что в этом главное.

Передовые люди в разных странах мира задолго до Маркса задумывались над тем, как избавить трудящихся от угнетения и эксплуатации. Некоторые из них сочиняли разные планы переустройства человеческого общества. Они описывали в своих сочинениях прекрасные города, роскошные дома, в которых живут здоровые, сильные, счастливые люди. В этих городах нет тунеядцев, нет эксплуататоров, там все сообща трудятся и наслаждаются плодами своего труда.

«Где эти города? По какой дороге дойти до них?» — спрашивали люди социалистов-мечтателей (утопистов).

«Надо, чтобы все люди уговорились жить в мире и согласии и не обижать друг друга», — отвечали они.

Наивные! Они думали, что можно уговорить капиталистов не высасывать всех соков из рабочих, что можно уговорить помещика работать самому и не жить трудом крестьян, что можно уговорить богатых добровольно отдать свою власть, свои богатства.

Властители мира — те самые, уговорить которых надеялись социалисты-мечтатели, —

сжигали их произведения, казнили и бросали в тюрьмы сочинителей — людей, которые осмелились мечтать об иной жизни: без рабов и господ.

И вот явился человек с горячим сердцем революционера и ясным умом ученого. Как высокая горная вершина выделялся он среди современных ему ученых и мыслителей. Это был Маркс.

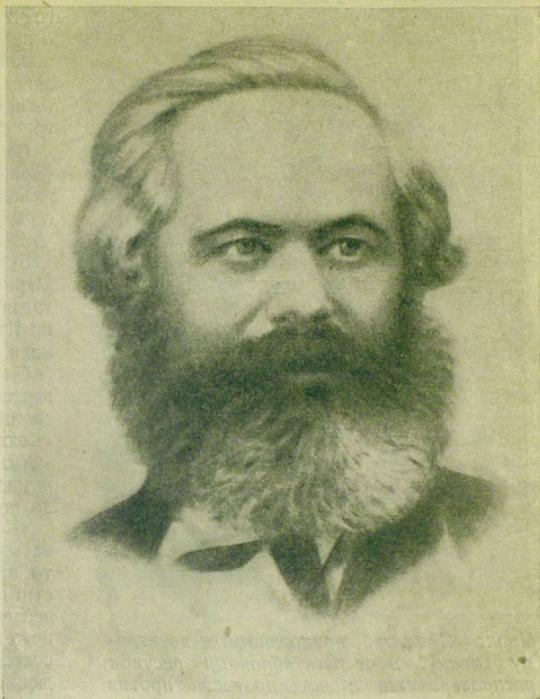
И он решил посвятить свою жизнь борьбе за освобождение трудящихся, и его сердце горело ненавистью к эксплуататорам и горячей любовью к угнетенным. Но он не пошел по пути социалистов-мечтателей.

— Выдумывать планы переустройства человеческого общества — это все равно, что строить дом из воображаемого материала, не заботясь о том, есть ли этот материал в природе или нет его, выдержит ли он тяжесть стен или не выдержит; такой дом можно «построить» на бумаге, но отнюдь не на реальной настоящей земле, — таков был ход мыслей Маркса.

— Нет, если мы хотим перестроить человеческое общество, нам нужно идти другим путем, — делал он вывод. — Ведь общество, как и все в мире, развивается по определенным законам. Надо эти законы изучить, понять. Когда мы узнаем, как развивается человеческое общество, мы сможем активно и сознательно влиять на его развитие.

И Маркс взвалил на свои могучие плечи эту гигантскую работу. Он изучил, переработал, подверг критике все, что до него создала человеческая мысль. Как Коперник открыл и доказал, что не солнце вращается вокруг земли, а земля и все планеты вращаются вокруг солнца, как Дарвин открыл и доказал законы развития живой природы, так и Маркс открыл и научно доказал законы развития человеческого общества.

Он доказал, что до сих пор вся история была историей борьбы классов. Что почти всегда были угнетатели и угнетенные: патриции и плебеи в древнем Риме, феодалы и их крестьяне в средние века, капиталисты и рабочие в новое время. Да и богатые классы боролись друг с другом за право угнетать и эксплуатировать трудовой народ.

Карл Маркс.

До сих пор на смену одному классу эксплуататоров приходил другой. Буржуазия победила феодалов, но попрежнему маленькая кучка богатых эксплуатировала огромное большинство народа.

Маркс доказал, что так было, так есть, но так больше не будет!

Гонясь за прибылью, капиталисты строят все больше фабрик и заводов. Если раньше ремесленники трудились каждый в своей маленькой мастерской, вдали от своих товарищей по труду, то при капитализме в огромных цехах заводов-гигантов объединяются тысячи и десятки тысяч рабочих. Всех их одинаково эксплуатируют капиталисты.

Капиталист не может существовать без рабочих: ведь их труд создает его богатства! А чем больше рабочих, чем нещаднее их эксплуатируют, тем быстрее они слабеют, чувствуют свою силу и поднимаются на борьбу. Рабочие — могильщики капитализма.

Вооруженной рукой свергнут они власть

Маркс—Прометей, прикованный к печатному станку. Этот агитационный рисунок распространялся в знак протеста против запрета прусским правительством «Рейнской газеты», которую редактировал Карл Маркс.

капиталистов и помещиков и установят свою власть—диктатуру пролетариата. Поля, фабрики и заводы, захваченные капиталистами да помещиками, трудящиеся превратят в общую собственность.

Они навсегда покончат с гнетом и эксплуатацией. На смену капитализму неизбежно придет новый общественный порядок — социализм.

Так учил рабочих Маркс. И это была уж не мечта: это был закон, который Маркс научно вывел, исследовав современное ему общество, изучив горы книг, написанных до него людьми, пытавшимися найти объяснение мира, в котором они жили.

Благодаря Марксу коммунизм перестал быть мечтой. Он стал достижим. Путь к нему стал ясен. Рабочие знали теперь, как бороться за создание нового общества.

Маркс был образованней всех современных ему ученых. Не было такой отрасли знания, которую бы он не изучил. Для то-

го чтобы написать одну главу в «Капитале» о земельной ренте, он изучил геологию, агрономию и некоторые другие сельскохозяйственные науки. Но он отнюдь не был кабинетным, оторванным от жизни человеком.

Свою науку, свое учение создавал он для борьбы.

«Философы только различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его», — писал он.

Буржуазные правительства прогоняли Маркса из одной страны в другую. Он скитался по всей Европе: из Кельна в Париж, из Парижа в Брюссель, из Брюсселя обратно в Париж, потом в Лондон.

Он жил в бедности, но ни на секунду не переставал бороться. В Брюсселе вместе со своим другом Энгельсом Маркс организовал «Союз коммунистов». По поручению этого «Союза» Маркс и Энгельс написали «Коммунистический манифест», в котором были впервые изложены основы их учения.

«Коммунисты считают излишним скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного низвержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего терять в ней, кроме своих цепей. Приобретут же они целый мир. Пролетарии всех стран, соединитесь!» — этими словами, которые до сих пор будят и поднимают на борьбу миллионы трудящихся, закончили Маркс и Энгельс «Коммунистический манифест».

Революционер и мыслитель слились в Марксе воедино. В тавернах, где собирались рабочие и ремесленники, на собраниях социалистических кружков часто можно было видеть его лыющую голову с иссиня-черной гривой густых волос. Он читал лекции рабочим, спорил с ошибающимися, горячо разъяснял свое учение тем, кто еще не понял его.

А после этих собраний, возвращаясь домой, до поздней ночи работал он в своем кабинете над книгами, над рукописями.

И в том, как он работал, сказывался характер борца. Обдумывая свои мысли, Маркс обыкновенно шагал по комнате взад и вперед. От двери до окна на ковре была вытоптана полоса, которая выделялась точно тропинка на лугу. На короткое время присаживался Маркс к столу, писал, потом опять шагал из угла в угол, обдумывая и оттачивая свои мысли.

Маркс умер в 1883 году. Через 12 лет скончался его друг и соратник, с которым вместе создал он свое учение, — Фридрих Энгельс.

После смерти Маркса и Энгельса к революционному движению примазалось много трусов, много путаников и прямых предателей. Они пытались извратить, опозлить боевое учение Маркса. Маркс учил, что капиталистов нужно прогнать, капитализм чуждо свергнуть, а эти господа усыпляли рабочих словами о том, что к социализму можно придти мирным путем, договорившись об этом с капиталистами.

Они отрицали самое главное в учении Маркса: они отрицали, что рабочий класс должен установить свою диктатуру. Они отрицали, что рабочие в союзе с крестьянами должны установить свою рабоче-крестьянскую власть.

Знамя Маркса и Энгельса высоко подняли Ленин и Сталин. Они отстаивали это учение в борьбе с предателями, которые искажали, изогнали это учение. Ленин и Сталин развили дальше учение марксизма, обогатили его новыми идеями.

Под руководством Ленина и Сталина русские рабочие выполнили заветы Маркса и Энгельса. Рабочие в союзе с крестьянами сбросили власть капиталистов и помещиков, создали социалистическое государство рабочих и крестьян. В нашей Советской стране построен социализм — тот

общественный порядок, о котором мечтали Маркс и Энгельс и неизбежность которого они научно доказали.

★

Маркс очень любил и каждый год перечитывал трагедию греческого драматурга Эсхила «Прометей».

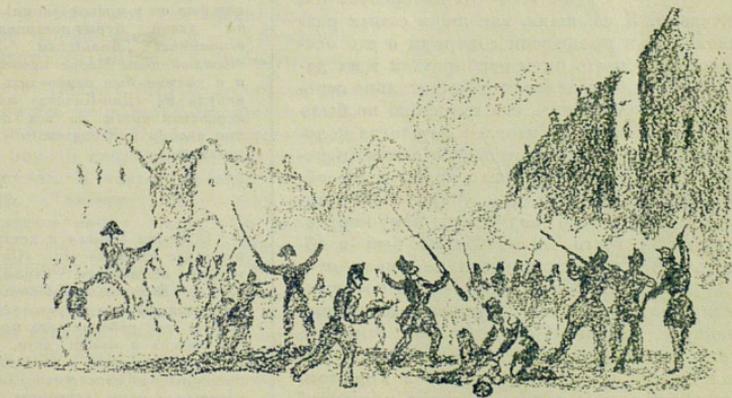
Древняя легенда рассказывает, что Прометей похитил у богов огонь и принес его людям на землю. За это боги жестоко наказали Прометей. Они приковали его к скале. Орел выклевывал ему печень, а она каждый раз опять вырастала. Ужасны страдания Прометей, нет им конца, но он не раскаивается в своем поступке.

«Будь уверен, что я не променял бы своего злополучия на твоё положение оплачиваемого слуги», — говорит Прометей одному из прислужников богов.

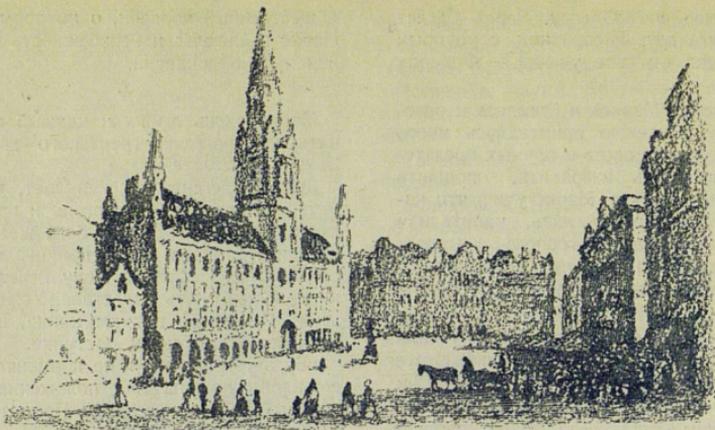
Эти слова Маркс выбрал эпитафией для своего первого произведения — диссертации, которую он написал, заканчивая университет.

Маркс — Прометей новой эпохи. Он принес людям огонь своего учения, осветил им путь к новой жизни и бесстрашно повел их по этому пути.

Ни гонения правительств, ни тяжёлая нужда не могли заставить Маркса изменить себе. С гордо поднятой головой шел он сквозь все трудности, сквозь все лишения вперед, к намеченной цели. Таким остался в веках его величественный образ борца, мыслителя, человека.

Только что вышел «Коммунистический манифест», как во Франции, а потом и в Германии вспыхнули революции. В Париже народ три дня дрался на баррикадах против войск и полиции.

Н А Ш „М А В Р“

Из воспоминаний дочери Карла Маркса Элеоноры Марк-Эвелинг

Примечания

МАРКС всегда был самым благожелательным и добрым из людей. Его умнее подойти к людям, дать им почувствовать, что он интересуется всем тем, что интересует их, было удивительно. Я слышала, как люди самых различных положений и профессий говорили о его особой способности понимать их и разбираться в их делах. Когда он думал, что человек действительно серьезно к чему-нибудь стремится, его терпению не было границ¹. Никакой вопрос не казался ему тогда недостойным ответа, никакое доказательство слишком ребяческим для серьезного спора. Его время и его обширные познания были всегда к услугам каждого, кто выказывал стремление научиться чему-нибудь.

Но, мне кажется, всего милее Маркс был в общении с детьми². Да, дети никогда не имели лучшего товарища в играх. Мое самое раннее воспоминание о нем относится к тому времени, когда мне было около трех лет и «Мавр» (старое семейное прозвище его так и срывается у меня с языка) носил меня на плечах по нашему саду в Грэфтон-Тэррес и влетал в мои темные локоны цветущий выюнок. «Мавр», по общему признанию, был великолепной лошастью. В давние времена — я этого не помню, но мне об этом рассказывали — мои сестры

¹ Вильгельм Либкнехт был по образованию филологом (языковедом). Как пробрал его однажды Маркс, узнав, что он не знает испанского языка! А пробрав, мигом извлек из груды книг «Дон-Кихота» и тут же дал ему первый урок. «И как терпелив был он в преподавании! Он обычно такой бурно-нетерпеливый», — вспоминает Вильгельм Либкнехт. «Каждый день Маркс проверял меня, и я должен был переводить ему что-нибудь из «Дон-Кихота» или другой испанской книги до тех пор, пока мои знания не показались ему достаточными».

² О любви Маркса к детям вспоминают все знавшие его. «Он был не только нежнейшим отцом, — пишет тот же Вильгельм Либкнехт, — который мог часами играть со своими детьми как ребенок: его притягивали как магнит и чужие дети, встречавшиеся на его пути, в особенности беспомощные и несчастные. Сотни раз, посещая с нами квартиры бедняков, он внезапно оставлял нас, чтобы погладить по головке ребенка, сидящего в лохмотьях на пороге дома, и сунуть ему в кулачок пени или полпенса».

и мой маленький брат, смерть которого тотчас же после моего рождения была для моих родителей в течение всей их жизни источником глубокого горя, «запрятали» «Мавра»³ в стулья, сами садились на них и заставляли его возить их. И я действительно слышала от него, что некоторые главы из «18 брюмера Луи Бонапарта»⁴ он написал на Дин-стрит-Сого⁵, привязанный к трем стульям, и три малыша «правили», погоняя его кнутом. Я же лично — может быть, потому, что у меня не было сестер моего возраста — предпочитала «Мавра» в качестве верховой лошади. Сидя на его плече, запустив руки в его густую гриву, тогда еще черную, лишь с редкой проседью, я с восторгом мчалась галопом по нашему маленькому садику и по не застроенным тогда еще лугам, которые окружали наш дом на Графтон-Тэрес.

Еще только несколько слов об имени «Мавр». В нашем доме у всех были прозвища (читатели «Капитала» знают, с каким умением Маркс давал их). «Мавр» было обычное, почти официальное имя, которым звали Маркса не только мы, но и все более близкие друзья. Он был также нашим Чали (образовалось, вероятно, от искаженного Чарли, т. е. Карла) и «old Nick» («леший»). Моя мать была всегда наша «Мэмэ». Наш старый дорогой друг Елена Демут, неизменный друг моих родителей, после того как ей сперва надавали множество других прозвищ, стала нашей «Ним». Энгельс после 1870 года стал нашим «Генералом». Лина Шелер, наш ближайший друг, была нашим «old mole» — «Старым кротом». Моя сестра Жени — «Кви-Кви — император Китая» и «Ди». Моя сестра Лаура (жена Лафарга) — «Готтентот» и «Какаду». Я называлась Тусси — это имя так и осталось за мной — и «Кво-Кво» — китайский принц, а долгое время также и — «Карликом Альберихом» (из «Песни о Нибелунгах»).

Но хотя «Мавр» был и отличной лошадкой, он все же обладал еще более высокой квалификацией. Он был единственным в своем роде и непревзойденным рассказчиком сказок. Я часто слышала от своих теток, что в детстве «Мавр» был страшным тираном своих сестер: он гнал их в качестве лошадок галопом с Маркусберга (Маркусовой горы) в Трире, и, что было еще хуже, он настаивал на том, чтобы они ели «пирожки», которые он сам изготовлял из грязного теста грязнейшими руками. Но они безропотно позволяли «погонять» себя и с'едали «пирожки» за те сказки, которые рассказывал им в награду за их хорошее поведение Карл. Много-много лет спустя Маркс рассказывал сказки своим детям. Моим сестрам (я тогда

³ «Мавр» — так в шутку прозвали Маркса за смуглый цвет лица и за черные как смоль волосы и бороду.

⁴ Луи Бонапарт, племянник Наполеона I, — французский император, который совершил 2 декабря 1851 года государственный переворот, ликвидировал республику и восстановил императорскую власть.

Об этом событии Маркс написал замечательную работу. Он назвал ее «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», потому что 18 брюмера (по революционному календарю, который был введен во время французской революции), или 9 ноября, 1799 года дядя Луи Бонапарта — Наполеон I — также совершил государственный переворот, захватив в свои руки верховную власть.

⁵ За свою жизнь Марксу пришлось много скитаться. Он начал свою революционную деятельность в 40-х годах прошлого века. Жил Маркс тогда в Пруссии, в Кельне, и выпускал «Рейнскую газету». В 1843 году правительство закрыло газету. Маркс переехал в Париж. Но прусское правительство добилось от французского выслаки Маркса из Франции. Маркс переехал в Брюссель. Там основал он

Элеонора Маркс-Эвелинг.

была еще очень мала) он рассказывал сказки во время прогулок,⁶ и эти сказки делились не на главы, а на мили. «Расскажи нам еще одну милую», — требовали обе девочки.

Что касается меня, то из всех бесчисленных чудесных историй, которые рассказывал «Мавр», самой чудесной, самой восхитительной была сказка «Ганс Рекле». Она длилась месяц за месяцем: это была целая серия сказок. Жаль, что некому было записать эти сказки, столь насыщенные поэзией, остроумием, юмором! Ганс Рекле — волшебник типа героев Гофмана. У него была игрушечная лавка, и денежные дела его всегда были запутанны. Его лавка была полна чудесных вещей: деревянные куклы, великаны и карлики, короли и королевы, рабочие и хозяева, четвероногие животные и птицы — в таком же большом количестве, как и в носовом ковчеге, столы и стулья, экипажи и ящики всех видов и размеров. Но, несмотря на то что он был волшебник, он все же никогда не был в состоянии уплатить свои долги ни дьяволу, ни мяснику и потому был вынужден — совершенно против своего желания — постоянно продавать свои игрушки дьяволу. Однако после многих удивительных приключений все эти вещи потом всегда возвращались в лавку Ганса Рекле⁷. Некоторые из этих приключений были так же страшны, так же ужасны, как и сказки Гофмана, другие же были забавны, но все они рассказывались с неистощимым остроумием, живостью и юмором.

«Мавр» имел также обыкновение читать своим детям вслух. Как и моим сестрам до меня, он прочел мне всего Гомера, всю «Песнь о Нибелунгах», «Гудрун», «Дон-Кихота», «Тысячу и одну ночь» и т. д. Что касается произведений Шекспира, то они были настольной книгой в нашем доме, всегда у нас

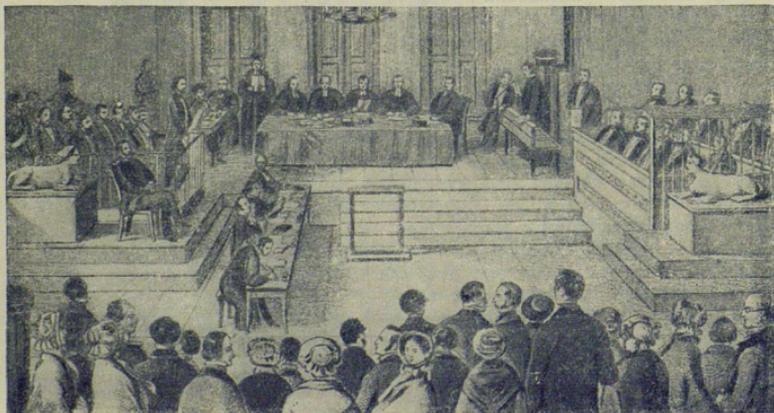
«Союз коммунистов». Бельгийское правительство арестовало его и выслало. Маркс опять в Париже.

В 1848 году в Германии произошла революция. Маркс вернулся в Кельн и начал издавать там «Новую Рейнскую газету». Правительство раздавило революцию. Уничтожило оно и «Новую Рейнскую газету».

Маркс поселился в Лондоне. Графтон-Тэррес и Динстрит-Сога — улицы, на которых он жил.

⁶ По воскресеньям дочери не разрешали Марку работать. Если погода была хорошая, все семейство отправлялось на прогулку за город. Чтобы укоротить длинный путь, Маркс рассказывал детям сказки, сочиняя их прямо на ходу, растягивая или, наоборот, ускоряя события в зависимости от того, сколько еще надо было пройти.

⁷ В то время Маркс работал над «Капиталом», главным трудом своей жизни. Может быть, в этой сказке Маркс в лице Ганса Рекле (по-русски это значит Иванушка-Сюртучок) выводит рабочего, которого эксплуатирует дьявол, т. е. капиталист, и мясник, т. е. лавочник. А чудесные вещи Ганса Рекле — это его рабочая сила, которую он ежедневно должен продавать капиталисту.

Суд над коммунистами в Кельне в 1852 году.

в руках или на устах; шести лет я знала наизусть целые сцены из Шекспира⁸.

Когда мне исполнилось шесть лет, «Мавр» подарил мне ко дню моего рождения первую мою новеллу — бессмертного «Петера Симплия». Потом последовали полные собрания сочинений Мариетта и Купера, и мой отец читал со мной все эти повести и совершенно серьезно обсуждал их содержание со своей дочуркой. И когда маленькая девочка, воодушевленная морскими рассказами Мариетта, объявила, что она тоже хочет сделаться «капитаном корабля» (не вполне понимая, что это значит), и спросила отца, нельзя ли ей «одеться мальчиком» и «сбежать, чтобы наняться на военное судно», тот уверял ее, что это, конечно, вполне возможно, не нужно только никому говорить об этом ни слова, пока планы не созреют вполне. Однако, прежде чем созрели эти планы, пришло увлечение Вальтера Скоттом, и маленькая девочка, к своему ужасу, узнала, что сама находится в отдаленном родстве с ненавистным родом Кэмпбел. Затем возник заговор восстания в Горной Шотландии и проект повторения «45-го года» (1745). Я должна прибавить, что Маркс постоянно перечитывал Вальтера Скотта; он восхищался им и знал его так же хорошо, как Бальзака и Фильдинга. Беседуя со своей дочуркой об этих и многих других книгах, он указывал ей, но так, чтобы она этого не заметила, как находить самое красивое и лучшее в этих произведениях, и хотя она и не сознавала, что ее учат — а то бы она стала противиться этому, — он учил ее думать и понимать.

Таким же точно образом этот «суровый и озлобленный» человек беседовал с маленькой девочкой о «политике» и «религии». Я великолепно помню, как однажды, когда мне было около пяти или шести лет, у меня возникли религиозные сомнения (мы слушали в католической церкви прекрасную музыку), и я, конечно, поделилась ими с «Мавром». Он объяснил мне все так спокойно и отчетливо, что с того часа и по сей день у меня больше и не возникали сомнения. А как врезался мне в память его рассказ о плотнике, убитом богачами; и я не думаю, чтобы кто-либо до него или после него так рассказывал об этом!

Маркс мог бы сказать: «Пустите детей и не возбраняйте им приходиться ко мне», так как, куда бы он ни шел, около него появлялись дети. Сидел ли он на Гэмстид-Гис — обширном, открытом пустыре к северу от Лондона, недалеко от нашего старого дома, либо в одном из парков, его тотчас же окружали дети, питавшие самые приятельские и искренние чувства к большому человеку с длинными волосами, большой бородой и добрыми карими глазами. Совершенно неизвестные дети подходили к нему и часто останавливали его на улице. Так же доверчиво относились к нему и животные. Чужие собаки и кошки ласкались к нему и лизали ему руки. Мне вспоминается, как однажды маленький школьник, лет

⁸ Дни Маркс проводил в библиотеке Британского музея, ночи — за своим письменным столом. Он работал постоянно, работал всегда, когда только представлялась малейшая возможность. Даже на прогулке он брал с собой свою записную книжку.

Отдыхал Маркс за чтением художественной литературы. Эсхил и Гомер, Сервантес и Гете, Данте и Шекспир, Рейвантес и Вальзак — вот его любимые писатели. Когда Марксу было уже 50 лет, он принялся за изучение русского языка и через каких-нибудь шесть месяцев мог уже читать русских писателей и поэтов, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина.

Это письмо Маркс написал Энгельсу, когда закончил работу над «Капиталом».

Handwritten notes in German, including:

2 часа ночи, 16 августа 1867 г.
 Dear Fred,
 Ich bin sehr glücklich (49) über die
 Freigabe des 49. Briefes — hoffentlich
 einigmaßen verständlich für Sie
 und die vielen Leser, welche sich
 über die Sache interessieren. Die
 Sache ist sehr wichtig und ich
 bin überzeugt, Sie sind sich
 dieser Sache sehr wohl bewusst
 of that!
 Ich bin sehr dankbar
 für die vielen Leser, welche sich
 über die Sache interessieren
 und die vielen Leser, welche sich
 über die Sache interessieren

2 часа ночи, 16 августа 1867 г.

Дорогой Фред!

Только что закончил корректуру последнего листа (49-го). Приложение — о формах стоимости, — напечатанное мелким шрифтом, занимает $\frac{1}{4}$ листа.

Предисловие тоже отослал вчера, прокорректированное. Итак, этот том готов. Только тебе обязан я тем, что это стало возможным! Без твоего самопожертвования в отношении меня я ни за что не мог бы проделать всю огромную работу для трех томов. Обнимаю тебя, полный благодарности!

При сем два чистых листа.

Пятнадцать фунтов стерлингов получила с большою благодарностью.

Привет, мой дорогой, верный друг!

Твой К. Маркс.

десяти, без всяких остановил «грозного вождя Интернационала»⁹ в Мейлэнд-парке и предложил ему: «Swor knives!» («Меняй ножи!»). После того, как он объяснил Марксу, что «swor» на языке школьников означает «менять», оба вытащили свои ножи и сравнили их. У мальчика нож был только с одним клинком, а у Маркса — с двумя, но явно тупыми. После долгих споров сделка была заключена: ножи обменены, и «страшный вождь Интернационала» дал еще пенни в придачу, так как его нож был уж очень туп.

Я помню также, с каким бесконечным терпением и кротостью «Мавр» отвечал на все мои вопросы, когда рассказы об американской войне и «Синие» книги вытеснили на некоторое время Мариетта и Вальтера Скотта. Никогда «Мавр» не жаловался на то, что я его отвлекаю от работы, хотя ему, должно быть, очень мешало присутствие вечно болтающего малыша, когда он работал над своим великим произведением. Но он никогда не допускал, чтобы у ребенка зародилась мысль, будто он является помехой отцу. В то время — я это хорошо помню — у меня было непоколебимое убеждение, что Авраам Линкольн¹⁰ никак не сможет обойтись без моих советов в военных делах, и поэтому я писала ему длинные письма, которые «Мавр» должен был, конечно, читать и относить на почту. Много-много лет спустя он показывал мне эти детские письма, которые он сохранил, ибо они уж очень были забавны.

Таким вот идеальным другом был «Мавр» в продолжение моих детских и юношеских лет. Дома мы все были хорошими товарищами, но он всегда был самым милым и веселым. И он оставался таким даже в те годы, когда он так много страдал из-за карбункулов, и до самой смерти.

Я набросала эти отрывочные воспоминания, но и они были бы совершенно неполны, если бы я не сказала несколько слов о моей матери. Не будет преувеличением, если я скажу, что без Женни фон Вестфален Карл Маркс никогда не мог бы стать тем, кем он был¹¹. Никогда еще две жизни — и обе такие замечательные — не были так тесно связаны, дополняя одна другую. Женни фон Вестфален выделялась из тысяч своей необычайной красотой — красотой, которую Маркс всегда восхищался и гордился и которая приводила в восторг таких людей, как Гейне, Гервег и Лассаль, — своим умом и остроумием, столь же блестящими, как и красота ее. Маленькими детьми Карл и Женни играли вместе, юношей и девушкой — он 17, она 21 года — они были помолвлены, и как Иаков за Рахиль, так и Маркс «отрабатывал» семь лет, прежде чем женился на Женни. Затем во все последующие годы, полные бури и натиска, изгнания, крайней бедности, клеветы врагов, суровой и отважной борьбы, эти два человека вместе с их верным и надежным другом Еленой Демут, бодро и бесстрашно боролись с целым ми-

⁹ Не было такой гнусности, которую продажные буржуазные писатели не приписывали бы Марксу. Они писали о нем, что он «суровый и озлобленный фанатик», что он «черствый эгоист, думающий только о себе», и т. д. и т. д.

И это писалось о человеке, который, по справедливому признанию всех знавших его, был самым живым и веселым из всех живших на свете людей; о человеке, отдавшем всего себя, все свои силы, до последней капли крови, делу освобождения трудящихся!

В Германии «Капитал» Маркса был конфискован. Берлинская полиция завела специальное дело о «Капитале».

¹⁰ Авраам Линкольн — президент Соединенных штатов Америки, который руководил войной Северных штатов против Южных за освобождение негров.

¹¹ На могиле Женни Маркс Энгельс говорил:

«Что эта женщина, с ее острым, критическим умом, с ее политическим тактом, с ее энергией и пылкостью была преданнейшим товарищем среди своих единомышленников в продолжение почти 40 лет, — об этом никто не говорил, об этом вы не найдете ни слова в летописях современной прессы; надо было самому быть свидетелем всего этого. Но я уверен, что ее

ром, всегда на опасном посту, куда призывал их долг. Поистине он мог бы сказать о ней словами Броунинга:

«И навсегда она моя.

Ни случай не может любовь изменить,

Ни время — ослабить ее».

Я думаю, что почти так же крепко, как преданность делу рабочих, их связывала и безмерная жизнерадостность. Никому шутка и острота не доставляли такого удовольствия, как им. Очень часто, особенно когда обстоятельства требовали соблюдения приличия и сдержанности, я видела, как они смеялись до того, что слезы текли по их щекам, и тем, которые пытались было морщить нос по поводу такого легкомыслия, оставалось лишь смеяться вместе с ними. И как часто я видела, что они боялись смотреть друг другу в лицо, так как знали, что один, единственный взгляд вызовет неудержимый взрыв хохота. Видеть этих двух людей, когда они, словно школьники, устремляют свои взоры на что угодно, только не друг на друга, задыхаясь от подавленного смеха, который в конце концов все же несмотря на усилия прорывался с неудержимой силой, — это такое воспоминание, какого я не променяла бы ни на какие миллионы, якобы унаследованные мною¹². Да, несмотря на все страдания, борьбу, разочарования они были веселой четой, и «озлобленный Юпитер-громовержец» — лишь плод воображения господ буржуа. Если за годы борьбы они и испытали не одно горькое разочарование, если они и встречали черную неблагодарность, они все же имели то, что дано немногим, — верных друзей. Там, где известно имя Маркса, известно и имя Фридриха Энгельса. А кто знал Маркса в его домашней обстановке, тот вспоминает и имя благороднейшей из женщин, славное имя Елены Демут.

Тем, кто посвятил себя изучению человеческой природы, не покажется странным, что человек, бывший таким непреклонным борцом, мог быть в то же время добродушнейшим и нежнейшим из всех людей. Они поймут, что он потому и умел так остро ненавидеть, что был способен так глубоко любить; что если его изыскательное перо могло так прочно засадить кого-нибудь в ад, как это было под силу только Данте, то лишь потому, что он был таким преданным и нежным; что если его саркастический юмор мог раз'едать, как кислота, то тот же самый юмор успокаивал нуждающихся и угнетенных¹³.

Моя мать умерла в декабре 1881 года. Через 15 месяцев последовал за нею тот, кто всю свою жизнь не разлучался с нею. После жизни, полной тревог, они отошли на покой. Если она была идеальной женщиной, то он воистину «человек во всем значении слова, нам не найти подобного ему».

будут часто вспоминать желы многих изгнанных, а тем более наш брат будет чувствовать, как нам недостает ее смелых и разумных советов — смелых без хвастовства, благоразумных, но никогда не роняющих человеческого достоинства.

Мне незачем говорить о ее личных качествах. Ее друзья знают ее и безабыт. Как раз именно она и была такой женщиной, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других».

¹² Легенда о «миллионах» Маркса также выдумана была буржуазией, чтобы опорочить учителя пролетариата.

На самом деле Маркс и его семья всю жизнь терпели немощные лишения. В одном письме Энгельсу Маркс пишет, что вот уж который день не может он выйти из дому, так как его единственный сортук заложен в ломбарде.

Вильгельм Либкнехт пишет в своих воспоминаниях о Марксе:

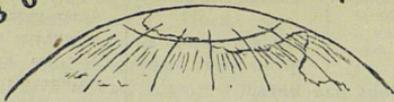
«Над «Капиталом» Маркс работал сорок лет — и как работал! Так, как мог работать только Маркс. Я не преувеличу, если скажу, что наиболее низко оплачиваемый поленищик в Германии получает за 40 лет работы больше денег в виде заработной платы, чем Маркс получил в виде «гонорара» за одно из двух величайших научных творений нашего века. Второе — это труды Дарвина.

«Наука» не имеет рыночной стоимости, и можно ли требовать от буржуазного общества, чтобы оно за свой собственный смертный приговор заплатило приличную цену?»

¹³ «Маркс был человеком, которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали. Правительств — самодержавные и республиканские — выслали его, буржуа — консервативные и ультрадемократические — паперейно осмысли его клеветой и проклятиями. Он отменял все это, как паутину, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке — от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг.

И имя его и дело переживут века!»

(Из речи Энгельса на могиле Маркса.)

Китайские партизаны

Отряд партизан в горах на севере провинции Шаньси.

Гимназисты перед фашистским судом

Несколько дней в Белостоке (Польша) заседал суд. На скамье подсудимых окружённые стражей сидели три молодых человека: гимназистка Анна Калек и два гимназиста, Виневский и Заводский. «Преступление», совершенное подсудимыми, действительно ужасно. Они посмели организовать в гимназии кружок самообразования! В этом кружке гимназисты читали и разбирали произведения великих писателей: Шекспира, Гейне, Гоголя, — знакомились с учением Маркса, с историей своей родины.

Такое «преступление» в фашистской Польше не могло пройти безнаказанно. Организатора кружка Анну Калек суд приговорил к четырем годам тюрьмы. Ее двух товарищей — к году тюрьмы каждого.

Воздушная ограда вокруг Лондона

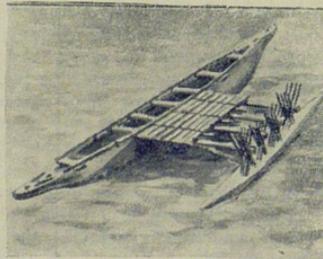
Кто из вас видел картину «Глубокий рейд», тот помнит, как гибнет самолет, натолкнувшийся на проволочную сеть, натянутаю между несколькими аэростатами.

Летевшие рядом самолеты тотчас же сообразили по радио своим, что впереди заграждения, и самолеты взмыли вверх, обходя препятствие.

Теперь для противовоздушной обороны Лондона придумали другое устройство воздушных заграждений. Аэростаты поднимают вверх не сетки, а тонкие стальные тросы, не видимые даже в хорошую погоду. Через тросы пропускается электрический ток высокого напряжения. Натолкнувшись на такой трос, самолет гибнет.

Размах крыла современного бомбардировщика — 20 метров. Легко вычислить, что если разместить аэростаты с тросами в шахматном порядке на расстоянии даже 40 — 50 метров один от другого, то редкий бомбардировщик сможет проскользнуть через такую заградительную цепь.

Австралийская пирога

На таких пирогах австралийцы плавают даже в открытом море, переезжают с острова на остров. Благодаря своему устройству, которое ясно видно на фотографии, пирога эта не опрокидывается даже при очень сильном волнении.

Дуэльный устав

Много диких обычаев, которых давно уже не встретишь в культурных странах, возродилось в фашистской Германии. Возродились там и дуэли.

Примеч дуэли не только разрешаются, но и узакониваются. Пospорившие молодчики должны убивать друг друга не просто как-нибудь, а по правилам. Называются эти правила «дуэльные уставы».

Недавно в газетах был напечатан новый дуэльный устав для студентов.

Этот устав точно определяет, в каких случаях следует вызывать на дуэль и как должны сражаться противники.

По уставу, студентам запрещены дуэли на пистолетах. Поединки должны происходить на легких венгерских саблях.

В армии существует свой дуэльный устав. В нем сказано, что поединок на пистолетах должен продолжаться до тех пор, пока один из противников не выйдет из строя.

В этой дикости есть свой смысл: так воспитывают фашисты у молодых людей кровожадность, презрение к человеческой жизни — качества, необходимые фашистскому солдату.

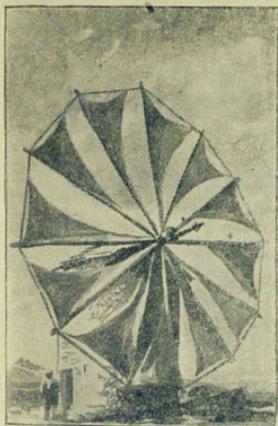
БОРОДАТАЯ ПРАЧКА

На какие только ухищрения ни пускаются в капиталистических странах люди, чтобы получить работу!

Дирекция гостиницы в одном из городов Силезии (Германия) дала в газете объявление о том, что гостинице требуется прачка. Из большого количества желающих отобрали одну. Счастливица приступила к работе.

Через некоторое время обнаружилось, что прачку зовут Рудольф Гидек. Долгое время Рудольф Гидек был безработным. Прочитав объявление, он решил переодеться в женское платье и попытаться в роли прачки.

Что это: зонтик, парашют?

Нет, это парусная мельница. Такие мельницы строят на Додеканезских островах в Средиземном море.

**ВТОРОЙ КАНАЛ
МЕЖДУ ТИХИМ
И АТЛАНТИЧЕСКИМ
ОКЕАНАМИ**

Два океана омывают берега Соединенных штатов Америки: Тихий и Атлантический. Враг может напасть на США и с запада и с востока. Поэтому военный флот должен быть готов защищать оба берега страны.

Соединит два океана узенькая ленточка Панамского канала. Чтобы провести флот США через канал из одного океана в другой, нужно много дней. А если враг в это время разрушит канал? Тогда один из берегов США окажется беззащитным. Поэтому Соединенные штаты Америки готовятся построить второй канал между океанами.

Изыскания показали, что второй канал выгоднее всего провести через Никарагуа. Из 300 километров канала 112 придется на озеро Никарагуа. Это уменьшит земляные работы, значит и канал будет стоить дешевле.

Этот микроскоп изобрел один французский доктор. Таким микроскопом можно исследовать состояние тканей глубоко в ранах.

**Война
С... кроликами**

Путешественник, впервые попадающий в Австралию, поражается огромному количеству проволочных изгородей, которые встречаются буквально на каждом шагу.

Недавно в штате Западная Австралия была построена изгородь, пересекающая с севера на юг Австралию.

2500 километров! Вот длина этой изгороди. Австралийцы называют ее «кроличий забор». Да, кроличий. Потому что устроена эта изгородь для того, чтобы не допустить в Западную Австралию кроликов.

Вот уже 50 лет, как фермеры в Австралии ведут жестокую, но пока безрезультатную войну с кроликами.

Впервые кроликов завезли в Австралию в штат Виктория в 1859 году. Они стали размножаться с чудовищной быстротой, уничтожая пастбища. Чтобы оградить от нашествия кроликов всю остальную Австралию, в 1887 году на границе Виктории со штатом Южная Австралия была построена первая большая изгородь.

Изгородь эта не уберегла Австралию от кроличьего нашествия.

Угроза нападения кроликов заставляет каждого фермера или овцевода обносить свой участок земли проволочной изгородью.

Неужели так и нельзя придумать, как избавиться от кроликов? Конечно, можно. Много раз австралийскому правительству предлагались надежные способы уничтожения кроликов. Но каждый раз эти способы под разными предлогами отклонялись.

В чем же дело? Если кроликов в Австралии много, — значит, они стоят дешево. Вывоза мороженых кроликов в Европу, австралийские капиталисты зарабатывают уйму денег.

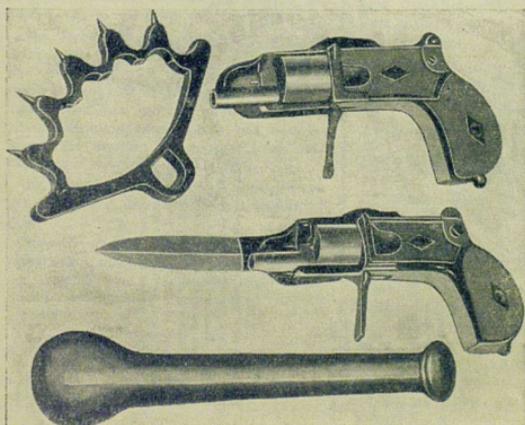
Уничтожение кроликов уменьшило бы их барыши. Вот они и не дают спасти страну от кроличьего нашествия.

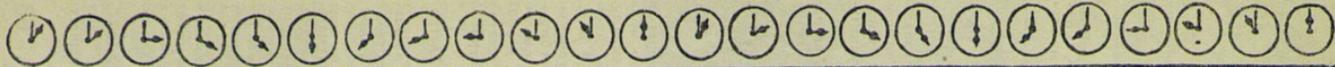
**Оружие
фашистских заговорщиков**

Очень много таких кастетов с шипами, чугунных пестиков, револьверов с приделанными к ним ножами было найдено у фашистских заговорщиков во Франции.

Фашисты знали, что если бы им и удалось поднять мятеж, народ встал бы против них, в стране разгорелась бы гражданская война. Вот они и снабжали заблаговременно свои банды этим варварским оружием, специально приспособленным для уличных боев.

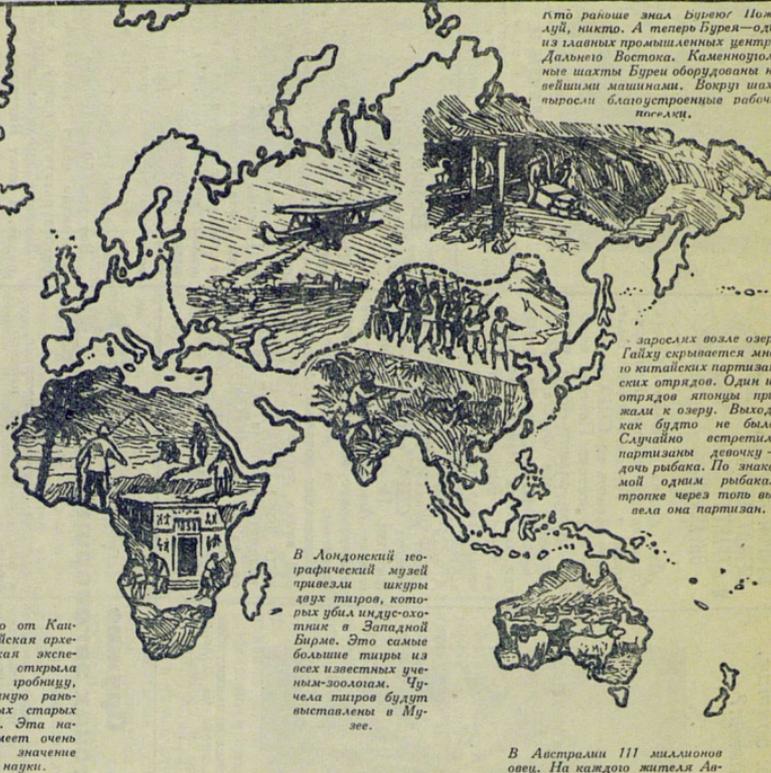
Большим паромом льды разрушились мост, переброшенный через Ниагарский водопад.

В США прошел испытание новый сферический (круглый) танк. По перевесной местности через рвы и сарайи мчался он, ни на минуту не замедляя хода, со скоростью 70 километров в час.

В одной из республик Южной Америки у плантатора ушла негра-работник. Хотя негры формально не являются рабами, плантатор вместе со своими соседями устроил настоящую охоту за беглецом. Они поймали негра, заковали в кандалы и привели обратно на плантацию.

Недалеко от Каира английская археологическая экспедиция открыла древнюю гробницу, построенную равные самых старых пирамид. Эта находка имеет очень большое значение для науки.

Кто раньше знал Бурей? Пожалуй, никто. А теперь Бурей — один из главных промышленных центров Дальнего Востока. Каменноугольные шахты Бурей оборудованы новейшими машинами. Вокруг шахт выросли благоустроенные рабочие посёлки.

В зарослях возле озера Гайху скрывается много китайских партизанских отрядов. Один из отрядов японцы приехали к озеру. Выхода как будто не было. Случайно встретили партизаны девочку — дочь рыбака. По знакомому одним рыбакам тропке через топь вывела она партизан.

В Лондонский географический музей привезли шкуры двух тигров, которых убил индус-охотник в Западной Бирме. Это самые большие тигры из всех известных ученым-зоологам. Чучела тигров будут выставлены в Музее.

В Австралии 111 миллионов овец. На каждого жителя Австралии приходится 15 овец. Овцеводство — главная отрасль народного хозяйства Австралии.

Рис сеют стоя по колено в воде. Это очень трудная работа. Советские агрономы и летчики придумали сеять рис с самолета. В этом году засеяно с самолета 48 тысяч гектаров риса.

Две шляпы

О том, что Ю Цзо-чен — шпион, что именно он передает японцам секретнейшие военные сведения, генерал Ли Чен-си, начальник кантонской контрразведки, подозревал давно.

Но прямых улик, достаточных для того, чтобы арестовать Ю Цзо-чена, у властей не было. Кроме того надо было выследить, как он передает шпионские донесения, чтобы раскрыть все шпионское гнездо.

Дом шпиона был окружен, большинство слуг подкупила полиция, за его телефоном следили, и, едва переступив порог дома; он попал под надзор лучших инспекторов тайной полиции. Результатов — никаких.

Ю Цзо-чен часто проводил время в модном ресторане на улице Торговцев жемчугом. Там встречался он с несколькими приятелями, почтенными гражданами, в чьей честности и патриотизме никто никогда не сомневался.

В это время в ресторане всегда находились агенты тайной полиции, внимательно следившие за каждым его словом, за каждым жестом.

Однажды инспектор полиции случайно сел за столик против вешалки, на которую Ю Цзо-чен только что повесил свою шляпу. Через несколько минут один из посетителей ресторана поднялся и, заплатив официанту, направился к выходу. Проходя мимо вешалки, он снял шляпу Ю Цзо-чена, надел ее и вышел на улицу.

Через час владелец шляпы тоже вышел из ресторана, сняв с вешалки другую шляпу, точь-вточь такую же, как и та, в которой он пришел.

На следующий день в ресторане повторилась та же сцена. На этот раз за «похитителем» шляпы пошел сыщик. В другом конце города «похититель» передал шляпу индусу, которого полиция арестовала в тот момент, когда он входил на территорию иностранной концессии Шампи.

Изд подкладкой шляпы нашли планы военного аэродрома и радиостанция.

Через сутки генерал Ли Чен-си арестовал пятьдесят человек. Это были иностранцы, которые образовали центр японского шпионажа на юге Китая.

В тени Гауризанкара

В сердце Азии лежала самая высокая в мире горная страна Тибет. На западе Тибет граничит с Кашмиром, за которым тянется Британская Индия, на востоке он соприкасается с Китаем, с юга его замыкают величественные Гималаи, а на севере — хребты Куэнлуня. В этих непроходимых горных дебрях редко удается точно определить границы.

Тибет принадлежит Китаю. Но китайское правительство до последнего времени немного о нем заботилось. Как и много веков тому назад по бескрайним степям, поросшим редкой травой, кочуют со своими стадами тибетцы. Дорог, как мы их понимаем, в Тибете нет: передвигаются там по караванным тропам, проходящим вдоль рек.

В этой стране нет никакой промышленности. Лишь при монастырях существуют большие кустарные мастерские.

Вообще монастыри играют в Тибете большую роль. Их там больше тысячи. В каждом живет до тысячи и больше монахов.

Буддийские монахи держат в своих руках весь тибетский народ.

Они распространяют легенду о том, что будто бы их бог, Будда, непрерывно нисходит с неба на землю, воплощаясь каждый раз в новорожденном ребенке, появившемся на свет в тот момент, когда умирает человек, носивший до сих пор душу Будды.

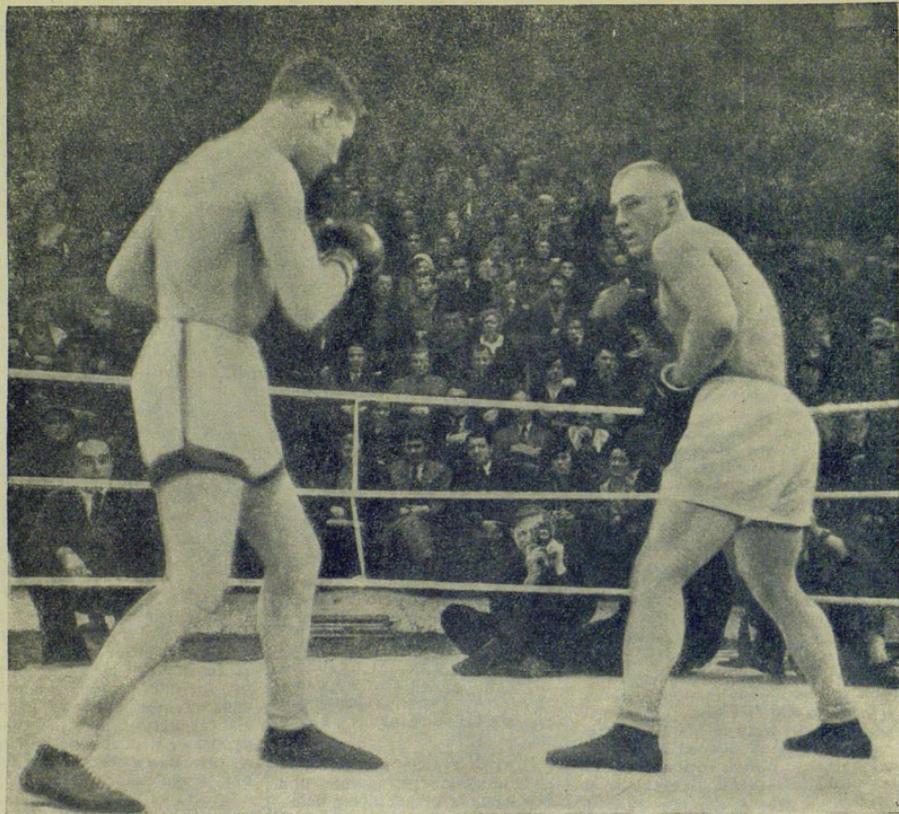
Этот «Будда на земле» называется Далай-лама, и живет он в городе Лхассе, в сказочном богатом дворце, порог которого до сих пор не переступала нога белого человека.

Нынешнему Далай-ламе пять лет. За него страной управляет совет священников. А делают эти священники то, что от них требуют английские агенты, пробравшиеся в Лхассу и сумевшие подкупом, угрозами и обещаниями переманить на свою сторону многих «священнослужителей».

Тибетский лама (монах). В руке у него молитвенная мельница. Оту мельницу наполняют бумажками, на которых написаны просьбы верующих. Лама вертит ручку мельницы, бумажки размаляются, и просьбы, написанные на них, возносятся будто бы к богу. За каждую просьбу лама взимает мзду с доверчивых тибетцев. Таким образом, молоть на этой мельнице — дело очень прибыльное.

Михайлов (слева) и Королев на ринге.

Боевые перчатки

И. Рахтанов

Тренер Фастов сидел в машине и волновался, может быть, даже больше чем перед своими собственными боями. Рядом, разминаясь перед боем, шагал Королев, и через окошко кузова Фастов увидел его лицо, чуть желтое сквозь целулоид, улыбающееся и молодое. Это успокоило Фастова. Значит, ему удалось внушить Королеву, что он не боится Михайлова.

Страх перед Михайловым свойственен не только нашим боксерам, но и боксерам Норвегии, Швеции, Финляндии, Дании, Чехословакии — повсюду, где выходил Михай-

лов на ринг и где ему неизменно сопутствовала нетрудная победа. Вскоре его просто начали бояться. В скольких встречах страх перед Михайловым помогал ему кончать своего противника раньше времени! И у Королева этот страх существовал. Три раза Михайлов бил Королева. В последний раз это случилось полтора года тому назад.

Машина дошла до Земляного. Фастов разрешил Королеву войти в нее, и они тихо поехали по шумным московским улицам. Теперь лицо Королева, порозовевшее от

ходьбы на морозе, показалось Фастову еще более спокойным. Чтобы сохранить в нем спокойствие, он заговорил о самом дорогом для них обоих — о боксе, о лете, проведенном в боксерском лагере Института физкультуры в Серпухове.

Это было несколько лет назад. В Институт физической культуры пришел семнадцатилетний Королев. Он заявил, что хочет стать боксером.

Широкий в плечах слесарь пришел в Инфизкульт, разделся, и тут стало ясно, что боксер никогда из него не выйдет.

— Ноги больно тяжелы, — сказал инструктор — и вообще футболист...

Мы мало знаем о боксерах классической древности. Но вот свидетельство греческого философа Платона, сохраненное в веках: *«Амикос, первый в Элладе кулачный боец, — это сын Посейдона и нимфы Меллии, владетель земли на берегу Понта Эвксинского. Он имеет руки длинные, прямые, плечи угловатые, шею длинную, ноги сухие. У него седалищная кость развита не в пример другим частям тела, и в этой кости сильная точка опоры, иначе бы при ударе вытянутой рукой архонт¹ Амикос летел бы на песок морской».*

Королев не был похож на Амикоса. Правда, он имел в седалищной кости сильную точку опоры и выдержал первый удар инструктора, но не было у него сухих ног Амикоса и его длинных и прямых рук.

Архонт Амикос вызывал на бой чужестранцев, проходивших через его владения, расположенные на Понте Эвксинском — гостеприимном Черном море древних греков. И бил всех. Это было в то мифологическое время, когда Язон на корабле Арго плыл за золотым руном к берегам Колхиды. Одному из его матросов, аргонавту Полукосу, пришлось сразиться с Амикосом. Бой продолжался три дня и три ночи. Время отмечали огромные песочные часы. Было темно кругом. Солнце вовсе не восходило, луна освещала только то место, где шел бой. И случилось неожиданное. Аргонавт победил архонта в честном бою. Амикос умер, и на его могиле выросла лавровишня, и каждый, кто пробовал ее плодов, становился болящим бокса.

— Конечно, футболист, — сказал инструктор про Королева, — но попробуем...

Вот так началось обучение Королева в

¹ Архонт — высшее должностное лицо в греческих колониях на берегу Черного моря.

Институте. Ежедневно приходил он на Горовашскую...

Машина с Фастовым и Королевым шла теперь в цирк.

Михайлов уже ходил по коридору готовый, одетый в халат. Королев подошел к Михайлову, поздоровался, тот в ответ улыбнулся.

Михайлов волновался, он стоял окруженный товарищами по клубу и молчал. Это был девяносто девятый его бой. Он подходил к тридцати годам — возрасту, критическому для боксера.

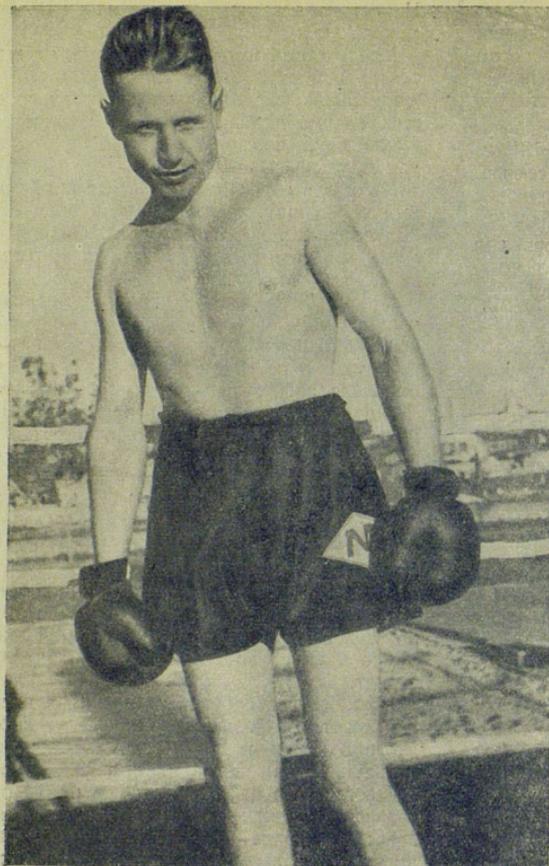
Однако Михайлов — один из сильнейших наших боксеров. Его тренер, человек, знающий Михайлова лучше других, говорит о нем вот что: «Боец английской школы. Основная работа на контрударах сериями. Легкое, но экономное передвижение по рингу. Быстрый выход из ближнего боя с нанесением ударов. Обман корпусом и левой рукой. Уклоны и нырки с уходами».

Чего же лучше, если так! Боец английской школы, — значит, человек, впитавший в себя вековую культуру и опыт английского бокса, пьющий кристально чистую воду первоисточника. Легкое, но экономное передвижение по рингу — это сказано точно. Действительно, Михайлов легко и экономно танцует во время боя, почти вальсирует.

Итак, сейчас произойдет первый в истории советского бокса бой на звание абсолютного чемпиона страны. Он будет не из 10 раундов, как ожидали все, а из 6. Королев согласился на 10. Михайлов от 10 отказался. И понятно почему: Королев — тяжеловес, Михайлов — полутяжелый. Он на 12 килограммов легче Королева. А вес в боксе имеет огромное значение, потому что, как говорят тренеры, «боксер посылает в кулак всю массу своего тела». Это нужно помножить еще и на точность и быстроту нанесения удара, чтобы представить себе всю сокрушительность боксерской арифметики.

Публика смотрит на освещенный четырьмя лампами, огороженный белыми канатами ринг. В двух противоположных углах его стоят плоские медные тазы с канифолью, чашки с водой, в которых плавают большие мягкие губки, две табуретки приготовились принять противников. Сейчас они здесь появятся. Сейчас произойдет то, чего ждали еще с лета, то, к чему так усиленно готовились и Михайлов и Королев.

А в самом деле, как готовился Королев? Как удалось его тренеру внушить ему отсутствие страха перед Михайловым?

Михайлов (полутяжелый вес).

Читайте подлинный рассказ тренера Фастова о том, как он готовил боксера Королева к матчу с Михайловым:

«Михайлову 29 лет, Королеву 19. Михайлов — взрослый мужчина, Королев — юноша. Михайлов — опытный смелый боец, Королев смелый и несмотря на молодость тоже достаточно опытный. Соотношение их сил было мне известно. Во все время тренировки я ориентировал Королева на серьезность предстоящего боя.

Тренировка происходила два раза в день: утром и вечером. Утром Королев делал прогулку, и о каждой прогулке он давал мне отчет. Он рассказывал о своем состоянии после прогулки. В зависимости от это-

го я делал ему указания, говорил, какую нагрузку взять на себя вечером. Важно было не переутомить его нервы, чтобы он не приходил на тренировку из-под палки.

Вечером происходила уже вторая тренировка. В зале. Она начиналась с легкой разминки, заключающейся в движениях, имитирующих бой, потом был спарринг. Это учебно-тренировочный бой с противником. Спарринг происходил с различными спарринг-партнерами. При подборе их я учитывал и темперамент, и физические, и технические силы. Заграницей эти люди называются «мальчиками для битья», их очень много при любом чемпионе, а у нас их нет. Мне было трудно найти подходящих. Ведь по своему типу они должны были соответствовать Михайлову, чтобы у Королева во все время тренировки создавалось впечатление, что он работает с Михайловым, причем Михайловым, более слабым чем он на самом деле есть. Королев должен был выйти на ринг с сознанием своего превосходства, уверенности в своей мощи, непобедимости.

После спаррингов Королев работал на снарядах: груше, мешке и институтском изобретении — резиновом мешке с водой, покрытом брезентом, работал он еще со скакалкой. Вся работа его была разбита на сроки по 3 минуты. Таким образом, общая нагрузка у Королева

получалась равной от 10 до 12 раундов.

Когда мы узнали, в котором часу начнется бой, мы в соответствии с этим перенесли время начала вечерних тренировок. Королев должен был привыкнуть к определенному часу. В этот час у него должны были начать гореть кулаки. И надо было, чтобы час этот точно совпадал со временем начала боя. Ни раньше, ни позже. Мне еще важно было воспитать в Королеве чувство уверенности на ринге и свободы. Этому помогала слабость спарринг-партнеров. Он попросту привык, что ему оказывается малое сопротивление: раз так, — значит, и Михайлов тоже будет очень мало сопротивляться. Мне нужно было добиться того,

чтобы бой у него все время был наступательный, с сильными ударами по корпусу. Я заставлял его думать, что он борется с Михайловым, и пошел еще на одну хитрость, которую ни за что не рассказал бы тогда Королеву, хотя его очень люблю. Я так подбирал спарринг-партнеров, чтобы в последних раундах тренировочного боя у него были не слабые, а сильные противники.

Зачем я это делал?

Михайлов — очень опытный боец, он мог в последних раундах собрать силы и оказать сопротивление, а нам надо было это сопротивление сломить. Но в последние дни тренировки я не давал Королеву драться с сильными противниками. Мне сейчас важно было поддержать уверенность у Королева в слабости Михайлова и в собственной силе. Я достиг этого. За два дня до боя Королев сказал мне:

— Петр Федорович, я его нокаутирую в третьем раунде, как вы говорите, но если попадетсЯ в первом раунде, что тогда, Петр Федорович?

— Тогда бей в первом или во втором, — ответил я, — но будь готов, Коля, к третьему и все время наступай, наступай. Ты должен с первого же раунда показать Михайлову свою силу и превосходство. Как тебе это сделать? Быстрой и легкой. Коля, ты этого сделать не можешь. Значит, благодаря своей силе, весу и технике, никак не уступающих Михайлову, ты в первом же раунде должен дать ему хороший удар, такой удар, который потряс бы его и заставил стать очень осторожным. Во втором раунде я советую тебе вести все время наступление с сильными ударами по корпусу, ударяя книзу, заставить его опустить правую руку. В третьем, воспользовавшись его открытой челюстью, выпрямляясь из кроуча, дай ему хук по челюсти и тем, Коленька, нокаутом кончай бой. Вот что я тогда сказал Королеву.

Михайлов — заслуженный мастер спорта, защищавший неоднократно на зарубежных рингах честь Советского Союза, боксер-смерч, как о нем писали в иностранных газетах, боец инстинкта и боец рассудка одновременно, но нынешний шофер, бывший беспризорник.

«Ура, Михайлов! Браво, Михайлов!»

Он проходит через весь ринг легкой, танцующей походкой. Девяносто восемь раз проходил он по этому пути. Он улыбается, но взволнован. Вот Михайлов уже стоит в тазу с канифолью и чуть двигает ногами,

набирая на тонкие подошвы своих боксеров липкий порошок, в который под его тяжестью превращаются золотистые кристаллы канифоли. На нем накинута халат, руки забинтованы мягкими бинтами длиной в 2 метра и шириной в 4 сантиметра, он в белых с синим динамовским лампасом трусиках, лицо его смазано вазелином.

— Да здравствует «Динамо»! — кричит кто-то, и под этот крик на ринг всходит чемпион в тяжелом весе Николай Королев, представитель общества «Спартак». Он молодой. Комсомолец. Еще учится, только неделю тому назад он сдавал зачеты по немецкому языку и по политической экономии, студент второго курса тренерского факультета ордена Ленина Института физической культуры имени Сталина.

Королев становится в таз с канифолью. Он в голубом мохнатом купальном халате.

А на середине ринга в это время идет приготовление перчаток, бросают жребий, кому какая пара достанется.

Наконец, речи сказаны, перчатки vybrаны, и уже секунданты надели их на руки бойцам.

Противники представлены зрителям, впрочем, знающим их отлично, и секундометрист, этот бог времени, повернувшись к судейской коллегии, говорит, наконец:

— Бойцы готовы!

Они готовы. Их трое на ринге — обнаженные бойцы и одетый в белое рефери — первый судья. Вот под направленными на них биноклями движутся бойцы друг к другу навстречу, чтобы на середине пожать руки в боевых перчатках. Королев не смотрит в глаза Михайлову. Слышен медный голос гонга, и бой начинается.

Противники изучают друг друга; первый раунд у умных бойцов почти всегда проходит так: изучение врага, прощупывание, разведка, а значит, танец, легкий, воздушный танец. Нужно найти слабые места, отыскать трещину в цельнометаллической тренировке противника, и потом уже весь бой, по точному слову слесаря Королева, эту трещину расклепывать, расширять.

Сейчас еще продолжается танец. Идет разведка. Михайлов легко перемещается по кругу, нащупывая, каков противник. Увертлив, очень изменился, ловок, увертлив, а было время... Кроме молодости на стороне Королева теперь и умение и техника. Как он уходит от ударов! Еще одно перемещение, еще танец. Умеет танцевать и Королев. Целый год посвятил он двигательной

культуре, изучению механизма движения ног на ринге. С этого начинается обучение боксера в Институте физической культуры. Это очень умный метод Харлампиева. Сначала отвлеченные от боя движения находят, потом собиране и комбинирование этих же движений в боевой обстановке спарринга.

Раздались первые удары.

Окончен танец, довольно игры, легкой и воздушной. В боксе надо боксировать. Разведка произведена. Все выяснено, выявлены слабые точки Михайлова: он будет работать джебам — короткие удары на длинной дистанции.

Королев наносит Михайлову первый настоящий удар, тот самый, о котором говорил ему два дня тому назад Фастов, — чистый и сильный хук слева в челюсть. Это делается, чтобы показать, что Корольев умеет теперь владеть обеими руками — и правой и левой.

Он идет вперед медленно, неуклонно, забирая инициативу в свои кулаки. Забрать инициативу — значит наполовину, если не на три четверти победить, сломать волю противника к победе, стать хозяином на ринге, делать с ним, что хочешь, овладеть его психологией. Это знают все, но немногим это дано.

И с этой секунды Михайлов почувствовал, что все его мышцы заперли на замок, ключ — инициатива — потерян, и потерян на весь этот бой. Не будет у него сегодня его постоянной свободы, не будет легкости, заперт, скован человек, скован молотом Королева, заперт ключом Королева. И, значит, остались ему только легкие, нечувствительные джебы, почти идущие от локтя, только ими сможет он набрать наибольшее количество очков.

Михайлов засыпал и засыпал джебам Королева, но легкими, еле заметными отклонениями корпуса Корольев уходил от большинства этих нестрашных ударов. Он вспомнил один из своих последних разговоров с инструктором.

— Удар, Коля, — сказал ему тогда инструктор, — удар зависит главным образом от того, откуда, с какого места его поведешь. Понял? Место, которое ты занимаешь по отношению к противнику, и время нанесения удара — вот основное.

Королеву захотелось проверить правильность слов инструктора. Он стал искать место, откуда удобнее всего было бить, чтобы удар пришелся поточнее.

И он нанес Михайлову удар такой, от

которого тот полетел к веревкам. Значит, инструктор оказался прав: не подвел. Правильно: место и время решают точность удара. Пошлем же Михайлову еще один с правильного места. Летит Михайлов. К веревкам летит. Очень хорошо!

Королев продвигался равнодушный, как танк, и только повелительный голос гонга остановил его.

Окончен первый раунд.

И вот противники снова сидят на своих табуретах. Теперь появилась возможность оценить положение. Во время боя этого сделать нельзя. Стремителен бой, каждая секунда приносит неожиданность: повернулся ли боксер, сделал ли выпад рукой, поднял ли голову, шагнул ли — рисунок боя меняется, и тот, кто за мгновение до этого побеждал, может оказаться побежденным.

Случилось то, чего не ждали вовсе или ждали немногие. Оказалось, что Михайлов нужно обороняться, что нападает Корольев и ведет бой он. Тяжелые удары в инфайтинг, в ближнем бою, когда лоб противника касается твоего плеча, когда слышишь тяжелое его дыхание и обрабатываешь ему живот и корпус. Заставить Михайлова войти в инфайтинг!

Секунданты убрали табуреты и встали на одно колено.

Начался второй раунд.

Королев, как и в первом, шел вперед и вперед, и это действовало на Михайлова угнетающе. Иногда это создавало встречные удары, не качественные, от которых бывает нокаут: противник теряет сознание, — а количественные, в тяжесть которых вводятся и корпус и ноги. Получать такие удары неопасно для положения на ринге, но очень неприятно. Такими ударами, ударами молота, захватывают инициативу у обесиленного противника. Это и есть расклевка.

Уже Корольев был хозяином на ринге. Михайлов мог теперь танцевать, мог нападать, но инициатива ведения боя была не у него. Ее держал Корольев, и он направлял теперь бой. Он диктовал своему противнику нападение — и тот нападал. Он открывал ему лицо для хука слева — и тот бросался слева. Корольев повторил несколько ударов, и после каждого такого удара Михайлов отскакивал к канатам. Но ни разу молодой боксер не воспользовался своим преимуществом, точно жалея Михайлова.

Осторожно, как шופер, лавирующий в большом уличном движении, бился Михайлов. А противник его держал удар равнодушно, как наковальня, и наносил его со

всей мощностью. С этим нельзя было бороться. Никогда ни в одной из трех встреч Михайлов не мог сделать нокаута Королеву, первооснова которого крепка, плотна, непобиваема.

И словно вспомнив наставления Фастова, Королев провел по корпусу противника несколько сильных ударов. Они опустились парализующие, тяжелые, не дающие шевельнуться. И снова наступило оцепенение. Михайлов стоял, не двигаясь. Куда, куда ушла обычная его легкость передвижения?

Усталость начинается с ног. Они устают первые, первыми отказываются они от непосильной нагрузки.

Как брошенные на воду спасательные крути, поплыли по цирку звуки гонга: оно пришло, пришло, наконец, спасение, и Михайлов ухватился за него.

Он тяжело дышал, но еще не наступило «второе дыхание». А он его ждал — прилива бодрости, внезапного и радостного облегчения. Оно всегда наступало после предельной усталости. Наступало обязательно. И тогда дышалось глубоко и свободно. Но пока дыхания не было. Значит, он еще не дошел до предела утомления, какие-то силы еще оставались в нем. Должно быть, этот предел придет в третьем раунде. Сейчас он даже хотел быть более утомленным, только бы можно было глубоко вдохнуть воздух и встряхнуться.

Ему медленно растирали губкой грудь, обмахивали мохнатым полотенцем и шептали в ухо подбадривающие слова. Он закрыл глаза и, может быть, представил себе свою первую победу над боксером Вороницыным 22 апреля 1927 года. Девять лет назад! Всегда приятно вспомнить молодость. Но сегодня она в противоположном по диагонали углу, и лучше поэтому не думать в короткую минуту перерыва о прошедших девяносто восьми боях. Он стал осторожен за это время. Из неистового файтера он постепенно превратился в рассудительного боксера. Сегодня он и сам себя не узнавал. Готовясь к этой встрече, он разучивал новые комбинации боя, проводил условные бои на скорость атаки. Бои эти обыкновенно состояли из двух — трех — четырех и шести раундов, и он никогда не уставал. Иногда он первый раунд работал с одним, второй — с другим спарринг-партнерами. Все они уставали, а он нет, хотя работал в четыре, в шесть раз больше их. Его хорошо приготовили к встрече. И вот он ждал прихода «второго дыхания», но оно появилось только в четвертом раунде. И тогда

он показал себя. Перед нами был прежний Михайлов, нападающий известной всем боксерам-большышкам правой рукой.

Он развил темп и с места, тотчас же после гонга, захватил инициативу. Казалось, он хочет показать, на что способен. Ни одно его движение не пропадало даром. Он шел на нокаут, шел коронным своим ударом — хук справа в челюсть противника. Вот как описывает Фастов свое впечатление от этого удара: «Не знаю, был ли он заметен публике, которая все время ждала его, заметили ли его судьи, но я увидел еще подготовку к нему, и в момент, когда Михайлов его нанес, мне показалось, что этот удар нанесен мне. Михайлов рассчитывал сейчас на исход боя. Но удар не подействовал: Королев продолжал идти все вперед. Удар был неточный: он попал не в нижнюю челюсть, а в щеку».

У Михайлова опять повисла рука после неудачного хука, и он снова почувствовал, что мышцы его закрыты замком и что ключ от этого замка не у него. Им владеет молодой Королев. Он держит его крепко, и сегодня вряд ли его можно будет выбить из рук.

Было условлено с тренером: Михайлов нападает в четвертом раунде и нокаутом кончает бой, но не вышло. Впрочем, не получился и план Королева с Фастовым — в третьем раунде нокаутировать Михайлова. Победу приходилось обоим завоевывать очками — количеством и качеством ударов, преимуществом в каждом раунде.

В следующем перерыве Фастов сказал Королеву:

— Эти два раунда решающие. Выиграй, Коля, их по очкам.

И Королев опять пошел вперед, когда раздался гонг. Он мобилизовал оставшиеся у него силы и продолжал работать. Михайлов от работы отказался. Он перешел в захват. Никогда судьи не видали Михайлова таким. Он висел на Королеве, время от времени получая тяжелые, не имеющие парализующего действия удары. Он и не думал бить теперь. Куда! Только бы кончить. Бестолково и обалдело шагал он за Королевым, боясь потерять в нем последнюю точку опоры. Пол ринга качался под ним, как палуба при шторме в 12 баллов. Михайлов искал спасения в своем противнике. Один удар, принесенный из первых раундов, мог бы кончить игру, но где взять силы для такого удара, резкого и точного, удара неутомленного человека? А устал и

Королев (тяжелый вес).

Королев. Устал настолько, что никаких тактических указаний ему Фастов перед последним раундом не давал. Он только по-

стараясь морально его поддержать.

— Уми, но выиграй, Коленька, дорогой, — сказал он.

Последний раунд! Кто победит?

Сейчас это решится. Станет ясно, кто лучший боксер одной шестой части мира. Пройдет еще три минуты, и мы узнаем его. Имя победителя вылетит из цирка и быстрее птицы облетит народы, республики, города страны.

Бойцы сходятся. Королев, как и во все время боя, наносит тяжелые удары по корпусу. Михайлов, как и во все время боя, непохож на себя. Михайлов висит на противнике.

На этот случай в запасе у Королева есть прием, показанный ему инструктором: он должен сделать движение на противника влево и вправо, а сам уйти назад, то есть проделать рывок. И обессиленный Михайлов неминуемо полетел бы по рингу. Но Королев в эту последнюю минуту был так измотан, что забыл харлампиевскую выучку. Он все ходил, волоча свою ногу, и только гонг прекратил этот шаг.

После короткого совещания несколько растерянные судьи произнесли свое решение:

— Победил Королев!

Повторилась мифологическая история боя архонта Амикоса с аргонавтом Полукосом: снова победил тот, кто природой, может быть, и не был предназначен для бокса.

Объяснение терминов бокса, встречающихся в очерке

ДЖЕБ — удар, наносимый по прямой линии справа или слева с полным выпрямлением руки.

ИНФАЙТИНГ — бой на коротком расстоянии друг от друга.

ИНФАЙТЕР — боксер короткого боя. У него особенно должно быть развито «чувство противника», потому что во время быстрого обмена ударами трудно сообразать и планировать бой.

КРОУЧ — защитная позиция. Боксер сжимается, чтобы предоставить меньшую площадь тела под удары противника.

НОКАУТ — потеря сознания у боксера от сильного удара в определенные места головы и туловища.

НБРОК — защита от ударов в голову. Боксер

слегка приседает и наклоняет тело и голову вниз и вперед.

РАУНД — схватка, продолжающаяся от 2 минут (для новичков) до 3 (для боксеров 1-го разряда). На всеоюзных соревнованиях бой устанавливается в 6 раундов по 3 минуты.

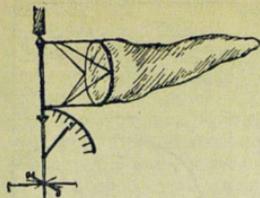
РИНГ — квадратная площадка, огороженная веревками, на которой происходит бой. Каждая сторона ринга имеет от 5 до 7 метров.

СПАРРИНГ — тренировочный бой.

ХУК — от английского слова «крюк». Так называется удар, при котором бьющая рука имеет форму крюка, она согнута под прямым углом, и кулак описывает полукруг.

ФАЙТЕР — боец инстинкта.

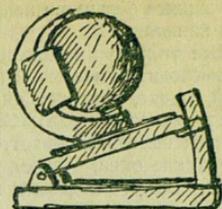
БОКСЕР — боец рассудка.

Флюгер.

Погода

Проф. П. А. Молчанов

Гелиограф — прибор, записывающий, сколько времени светит солнце.

Когда советские самолеты собирались вылететь на Северный полюс, чтобы посадить там отважную четверку папанинцев, к начальнику экспедиции каждый день приходили сводки с предсказаниями погоды. И целый месяц летчики читали в этих сводках: «Плохая погода удержится. Лететь нельзя!»

Эти сводки составлял известный метеоролог, советский ученый Дзержевский. Наконец, 20 мая он сообщил, что завтра погода улучшится.

И 21 мая эскадрилья поднялась с аэродрома острова Рудольфа. Когда самолеты полетали к полюсу, была действительно хорошая погода, и героические летчики сделали блестящую посадку на лед.

Но откуда Дзержевский знал, будет или не будет завтра ненастье?

Он знал это из многолетних наблюдений многих тысяч ученых. Погода ведь не делается так вдруг: то ведро, то дождик; было тихо — и нагрянул ураган. Нет, и у погоды есть свои законы; изучив эти законы, можно предсказывать погоду довольно точно.

Но как же вообще «делается» погода?

Комнатный ветер

Зимой, хорошенько протопив печку, можете летать по комнате легкую пушинку или воздушный резиновый шарик, привязав к нему для тяжести маленькую бумажку. Вы скоро заметите, что наши «воздухоплаватели» избирают каждый раз один и тот же маршрут. Вот у печки шар быстро взмыл вверх и под самым потолком пошел к окну. У окна он опустился до пола и направился обратно к печке. Там снова вверх — и «кругосветное» путешествие по комнате начинается сначала.

Ясно, почему это происходит. У окна холоднее чем у печки. Холодный воздух опускается, а теплый поднимается вверх. Между

нагретым и холодным местами всегда возникает движение воздуха.

У нас между печкой и окном образовался комнатный ветер.

Это просто. Но вот вопрос посложней. Где в комнате воздух более сырой: у печки или у окна? Одинаковый, скажете вы: воздух все время движется, перемешивается, он везде будет одинаково сырой.

Вот вы и ошиблись.

Видали ли вы когда-нибудь, чтоб печка запотела?

Не приходилось!

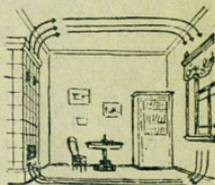
А окно?

Окно часто покрывается мельчайшими капельками росы. В сильные холода стекла разукрашиваются мохнатыми узорами, а порой на них намерзает порядочная корочка льда.

Получилось противоречие: к окну приток от печки теплый воздух — окна запотели. К печке подходит влажный воздух — и вдруг он делается сухим.

В чем же дело?

Чем холоднее воздух, тем меньше водяных паров он несет. Один кубический метр воздуха при комнатной температуре может содержать, впитать в себя в виде газа 17 граммов воды, а при 0° — всего лишь 5 граммов. Когда воздух остывает, излишняя влага выделяется — воздух становится влажным. Вот почему на холодном стекле оседает роса из сухого до этого воздуха. В очень парных и жарких помещениях может образоваться не только роса, но даже дождь. В бане, например, пар, осевший на холодном потолке, падает на

Круговой ветер гуляет в комнате между печкой и окном.

моющихся большими неприятными дождевыми каплями.

Все то, что мы видели у себя в комнате, происходит и в земной атмосфере. И каждый из вас, конечно, видел, как «запотевают» вечером трава. Земля после захода солнца быстро остывает, и на траве, как и на стекле окна, оседает роса из более теплого, богатого водяными парами воздуха.

Бризы

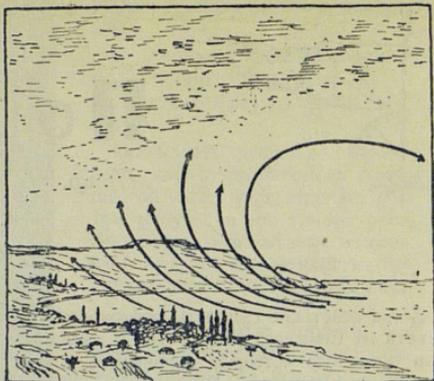
Очень интересные и простые наблюдения можно сделать на берегу моря или большого озера. Я помню такой случай. Мы выпустили шар-пилот (небольшой резиновый воздушный шар) с особым парашютом, благодаря которому шар не может самостоятельно подниматься или опускаться, а как бы плавает в воздухе. Дело было около 4 часов дня. Шар медленно потянулся от холодного озера в глубь берега, нагретого солнцем. Но, пройдя около километра, шар начал медленно подниматься вверх. Поднявшись примерно на 100 метров, шар пошел обратно к озеру: он пролетел почти над нашими головами. Я велел выпустить второй шар, и тот проделал такой же путь. Конечно, в таком простом виде удается наблюдать это явление не всегда, так как оно сильно искажается ветром. Но в тихую погоду на берегу южных морей оно наблюдается довольно часто. Если вам случится побывать у Черного моря, обратите внимание, что днем в хорошую, ясную погоду ветер всегда дует с моря на сушу и умеряет жару, ночью, наоборот, ветер дует уже от берега к морю.

Такой ветер, меняющий свое направление дважды в сутки, называется бризом. Бриз с моря несет на сушу очень много водяных паров, поэтому-то он кажется таким приятным и прохладным в жаркий день.

Но вот там, где берега покрыты лесами или болотами, которые не может прогреть даже южное солнце, бриза почти не бывает. На кавказском курорте Гагры за городом поднимается лесистая гора И в летние месяцы в Гаграх всегда стоит нестерпимая жара. Если бы лес убрать или хотя бы прорезать его вертикальными аллеями, наверняка появился бы бриз и ослабил бы дневную жару у подножия горы.

„Кухня погоды“

Бриз между морем и берегом — это, конечно, не чета слабенькому «комнатному ветру» между окном и печкой. И все же это одинаковые явления. Но то же явление про-

Так в жаркий день на берегу моря рождается бриз.

исходит на земном шаре и в огромном раз-
мере между полярными и экваториальными
странами.

Правда, земля — не комната с ровным полом: на земле есть и горы, и леса, и океаны. Они мешают передвижениям воздушных масс, а кроме того и «печка» не стоит в одном углу, а тоже движется: солнце греет сильнее то северное полушарие (лето), то южное (зима). День сменяется ночью. В одном месте земля закрыта облаками, в другом их нет.

Поэтому-то и ветер дует с разных сторон, и «кухня» нашей погоды чрезвычайно сложна. Но все же в основном воздух из нагретых южных районов стремится к северу, а холодный воздух из холодных районов стекает к югу.

И во время своего непрерывного путешествия по земному шару воздух переносит с собой водяные пары.

Океаны, моря, листва, почва испаряют огромное количество влаги, ее впитывает нагретый у земли воздух, а восходящие токи поднимают эти испарения вверх.

В жаркий летний день в поле посмотрите на какой-нибудь отдаленный предмет, и вы увидите: он колеблется. Его очертания дрожат и расплываются. Ночью звезды мерцают. Это происходит от непрерывного перемешивания воздуха. Воздух струйками подымается с нагретой земли.

Именно эти воздушные струи поддерживают авиомодели. Восходящими токами пользуются птицы. Распластав крылья, они подолгу парят в поднебесье. Планеристы,

используя восходящие течения, пролетают огромные расстояния.

Весь нижний слой атмосферы постоянно и энергично перемешивается. Так он и называется—тропосферой—слоем перемешивания. Его толщина примерно — 10—12 километров. Перемешивание на этой высоте кончается, и выше начинается спокойная зона — второй этаж нашей атмосферы — стратосфера.

В стратосфере очень мало водяных паров. Они все находятся в зоне перемешивания, вместе с пылью, дымом, бактериями, частичками морской соли, насекомыми, растительной трухой и прочей «мелочью», которую увлекают восходящие струи. Иногда перемешивание воздуха служит причиной курьезных происшествий. Однажды наблюдался дождь из живых лягушек. Очевидно, в каком-то болоте мощный восходящий поток, смерч, захватил лягушек и далеко перенес их — там они и появились из облаков на перепуганных зрителей.

Но лягушки — редкостный груз для ветра. Основной — водяные пары. Насыщенный водяными парами, теплый воздух поднимается вверх и направляется к северу. По пути он постепенно остывает. И так же как в комнате на стекле оседает роса, водяной пар начинает выделяться из остывающего воздуха, и мы видим облака.

На холодном севере густая пелена облаков толщиной иной раз в несколько километров растягивается на тысячи километров. В этой пелене обледеневают самолеты. И сутками идут моросящие дожди.

В зависимости от того, как располагаются теплые и холодные воздушные потоки, образуются иногда несколько слоев облаков. Герой Советского Союза Водопьянов на пути с острова Рудольфа на Северный полюс долгое время летел между двумя слоями облаков, как между полом и потолком.

А общая высота облачной массы в Арктике доходит и до 5—6 тысяч метров. Вот почему полярным летчикам, чтобы ориентироваться по солнцу, приходится летать несколько возможно выше 4—5 тысяч метров.

Воздух в Арктике летом постоянно забит облаками. Их приносит теплый воздух, попавший на холодный север с теплого юга.

Прорыв „фронта“

Но по-иному обстоит дело, когда холодный полярный воздух прорывается на юг. Этот воздух холоден и сух. Все водяные

пары выделились и осели на льды в виде снега. Нет в этом воздухе и пыли. Она тоже осела вниз вместе с водяными парами. Арктика служит как бы гигантским отстойником, где очищается воздух земной атмосферы. Это полезная роль Арктики.

Но вот холодный арктический воздух, как бы прорвав «фронт» теплого воздуха, огромными массами вторгся в южные районы. Он течет не у самой земли, а довольно высоко над ней: внизу ему мешают горы, леса, — словом, трение о землю. Образуется два слоя: холодный сухой воздух — сверху, теплый влажный — внизу. Теплый воздух рвется вверх, холодный придавливает его. Так как сухой и чистый арктический воздух прозрачен, то солнечные лучи еще сильнее нагревают землю. Получается своеобразная оранжерея или парник, где роль стеклянной крыши играет арктический воздух.

— Уф, как сегодня парит, — говорим мы и ждем грозы.

И действительно, в конце концов теплый, парной воздух вырвется наверх, смешается с холодным, охладится — и тут-то разражается гроза с проливным дождем, громом и молнией. Дождь немного охладит землю, и после грозы устанавливается прохладная ясная погода.

Но не всегда вторжение арктического воздуха оканчивается так благополучно. Резкое охлаждение, быстрый подъем температуры вызывают сильные грозы, шквалы, иногда возникают даже смерчи и ураганы, сметающие все на своем пути.

Горе земледельцу, если арктический воздух прорвется осенью. Он сух и несет с собой мороз без снега. Озимые посевы, не прикрытые снегом, погибают от холода. Горе садоводу, если северный «фронт» будет прорван весной. От холодного дыхания Арктики мерзнут цветы на фруктовых деревьях. А свирепые норды поднимают на море жестокие штормы.

Северные ветры причиняют народному хозяйству неисчислимые бедствия. Предотвратить прорывы арктического воздуха мы пока не можем, но предупреждать о надвигающейся опасности возможно вполне. Нужно лишь внимательно и непрерывно следить за всеми передвижениями воздуха на Крайнем севере.

Сейчас в Советской Арктике, на побережье и островах Ледовитого океана работают десятки метеорологических и аэрологических пунктов. Метеорологи все время следят за подозрительными перемещениями

в лагере холодных ветров. Радисты четыре раза в сутки передают всему миру сводки о погоде и тем самым предупреждают о надвигающейся опасности.

Однако сети метеорологических полярных станций оказалось недостаточно. Они ведь расположены только у границ стана враждебных ветров. Они могут сообщить о надвигающемся арктическом воздухе, когда он уже перешел границу и стремительно наступает на поля, сады и огороды. У нас остается слишком мало времени, чтобы подготовиться к встрече и принять меры предосторожности.

Нужно было иметь разведчиков в самом сердце Арктики, там, где рождаются северные ветры. И вот девять месяцев проработала на дрейфующей льдине, в самой «кухне погоды», станция «Северный полюс».

Каждая радиограмма папанинцев была неопределима для метеорологов, каждую радиограмму советских героев-полярников жадно ловили станции всего мира, сведения, передаваемые из сердца Арктики, наносили на синоптические карты.

Синоптическая карта вроде географической, но на нее нанесены не только моря, реки, горы, но еще условные значки—сведения о погоде. Эти значки ставятся во всех точках карты, где есть метеорологические станции. Значки указывают, была ли здесь пасмурная или ясная погода, откуда дул ветер, был ли дождь или сухо и пр. И вот, посмотрев на такую карту, мы видим, что дождливая погода, например, бывает не в разбросанных точках, а на целом «пятне». При ясной погоде в Московской области, около Ленинграда может оказаться большое «пятно» плохой погоды с низкими об-

лаками, осадками и пр. Куда будет двигаться эта плохая погода? Если она до последнего времени двигалась с запада, то можно ожидать, что на следующий день плохая погода придет в Москву.

Конечно, для точного предсказания погоды надо учесть очень много различных обстоятельств. Этим занимаются специалисты — метеорологи-синоптики. Правильное предсказание можно сделать только оценив всю обстановку погоды. Тут надо учитывать и влияние Арктики, и то, что делается в верхних слоях атмосферы, и т. д. Особенно важно знать погоду в Арктике, которая может перепутать все расчеты синоптика.

Вот почему так важны девятимесячные наблюдения славной четверки: Папанина, Кренкеля, Ширшова и Федорова.

Сейчас, после возвращения героической четверки, нам стали гораздо яснее чем раньше многие законы, управляющие погодой. И «служба погоды» может работать гораздо увереннее.

Советский Союз создал десятки полярных станций — метеорологи «обжили» Советскую Арктику. Но совсем иначе обстоит дело в капиталистических странах. Например в американской Арктике почти не существует станций. И насколько труднее приходилось нашим героям-летчикам, когда они, перелетев через полюс, оказывались в американских пределах!

Сейчас, когда вы читаете эту статью, «служба погоды» продолжает свою работу. На метеорологических станциях никогда не спят. Их круглосуточная, непрерывная работа обеспечивает спокойный полет воздушных кораблей, рейсы морских судов, помогает колхозам оберегать урожай.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО „КОМПАС“

Известия Географического общества читателей журнала «Пионер». № 18

Как узнать историю озера

М. Дурденевская

Я знакомлюсь с теорией В. М. Дэвиса

Это было в годы гражданской войны. Я лежала, еще слабая после возвратного тифа, на диване в столовой, когда в комнату ворвался, буквально ворвался профессор Д. Я даже испугалась.

— А, выздоравливаете! — закричал он с порога. — Да лежите, лежите! Я вам развлечение принес. Новомодная география.. Вот! — с этими словами Иван Павлович положил на стол увесистый томик в зеленом матерчатом переплете и подал мне. На переплете стояло: «W. M. Davis. Erklärende Beschreibung der Landformen».

— Это предмет жаркого спора среди современных геологов и географов, — продолжал Иван Павлович, — я не со всем тут согласен, но книга, безусловно, интересна.

«Я все три дня не ел, не спал,
Я все читал, читал, читал!!!» —

пропел он.

Я принялась читать эту книгу и с первой страницы увлеклась так, как не увлекалась ни одним романом. Это было действительно «erklärende Beschreibung» — «объясняющее» описание земной поверхности. Под мастерским пером В. М. Дэвиса, казалось, ясный луч осветил ее; она ожила: заколеба-

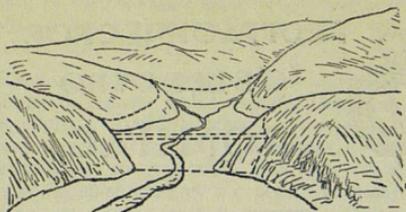
лись морские берега, море местами стало наступать на сушу, местами отступать от нее, рождались реки, жили и старели, воевали друг с другом, крали воду, обрезали притоки... образовывались и умирали озера. Дэвис писал историю местности и тут же, рядом, рисовал ее. Получалась географическая карта местности. В ней было все: и моря, и реки, и горы, — и было совершенно точно объяснено, почему они выглядят так, а не иначе.

„Пока не проверю — не поверю“

Но все же, как правдоподобно ни описывал Дэвис местности, какие ни приводил доказательства, привычная недоверчивость исследователя заставляла меня настораживаться. Уж очень все непривычно. Нужно проверить. А проверка была недалеко — не дальше 200 шагов. Около нашего дома находился заводской пруд свердловской гранитной фабрики, основанной 200 лет тому назад. По геологическим масштабам, этот пруд, несомненно, молодой; по своему характеру это — озеро, которое образовалось, когда реку перегородили плотинами.

«Посмотрим, — думала я, — каковы должны быть, по теории Дэвиса, берега молодого плотинного озера...»

Дэвис исследовал, как действуют на

441
 Схема пруда в долине Исети. Пунктиром показаны плотина и уровень пруда.

земную поверхность различные силы: ветер, волны, проточная вода, ледники на горах и т. д. Затем путем простых и бесспорных рассуждений вывел, какой вид будет иметь земная поверхность, если данная сила (например ветер) будет действовать на нее в течение различных промежутков времени. Таким образом, у него собралась большая коллекция теоретически выведенных форм земной поверхности. Дэвис предлагает исследователю, встретившему какую-либо форму земной поверхности (например холм, обрыв, ущелье, скалу и т. д.), поискать в этой коллекции форму с такими же свойствами. Когда такая форма найдется, то можно с уверенностью утверждать, что обе они, и теоретическая и действительная, имеют одинаковое происхождение. Можно узнать происхождение любой формы земной поверхности, а разбирая происхождение отдельных форм земной поверхности, встреченных в каком-либо районе, можно узнать историю этого района.

В моих руках был обратный случай: я знала историю моего района (заводского пруда), нужно было узнать, будет ли «теоретически выведенный» пруд иметь ту же форму, что и настоящая. Ничего лучшего для проверки теории нельзя было найти, и я с большим удовольствием взялась за эту проверку.

Берега прудов, по Дэвису

В книге Дэвиса большой отдел был посвящен описанию берегов озер и морей.

Интересовавший меня пруд был устроен в долине реки Исети. Чтобы легче было сообразать, я нарисовала

долину реки, довольно широкую, с пологими, заросшими лесом берегами (точно такую, какую имеет Исеть ниже пруда). В нарисованную мною реку впадало несколько притоков. Затем я нарисовала плотину и отметила уровень воды пруда. Получился пруд с извилистой береговой линией, с многочисленными мысами и заливами. Пока что все шло хорошо: береговая линия у свердловского пруда достаточно извилиста.

Вода в пруду не всегда спокойна: во время ветра по пруду ходят волны и бьются о берег. Рыхлую почву, покрывающую берега, они должны быстро смыть, в то время как выше, над водой, и ниже, под водой, эта рыхлая почва должна была уцелеть. Под водой она должна даже стать толще, потому что там отложилось все, что волны смыли с берега.

Итак, совсем молодые берега должны были иметь следующий вид: наверху, над уровнем воды, лежат неизменные склоны берега прежней речной долины, покрытые почвой и растительностью; ниже, у самого уреза воды, — карниз — выемка, где обнажена составляющая основу берега скала; еще ниже, под

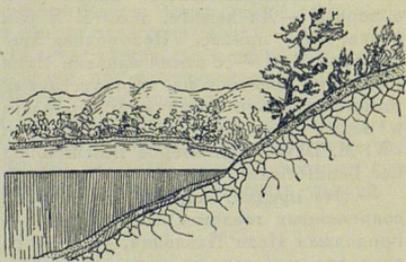

Рисунок 1.

Берега очень молодого пруда покрыты почвой и растениями. Почва смыта только у самого уреза воды. На дне накапливаются осадки.

водой, — мягкий ил, состоящий частью из не смытой еще почвы, частью из отложенных озером осадков (рисунок 1). Но эта первая стадия не должна быть продолжительна — лет 5—10, не больше. Много ли времени нужно, чтобы смыть рыхлую почву?

Но вот почва смыта, обнажилась скала, трещиноватая с поверхностью, сплош-

ная в глубине. Волны бьют ее, вымывают почву из трещин, расшатывают отдельные камни. Скала поддается. Камень за камнем выпадает из своих гнезд. Волны подхватывают мелкие камни, бьют ими берег, трут их друг о друга, сбивают острые углы, шлифуют, обращая в круглую гальку. А скала все отступает: летом ее бьют волны, осенью и весной в трещины, даже самые маленькие, забирается вода и замерзает там. А когда замерзает, она расширяется и давит на окружающий камень, мешающий ей занять больший объем, с силой 800 килограммов на квадратный сантиметр. Никакой камень такого давления не выдерживает: трещины расширяются, скала дробится. А летом ее снова моет вода. И так год за годом. Постепенно в скале на уровне воды выбивается пещерка. Берег

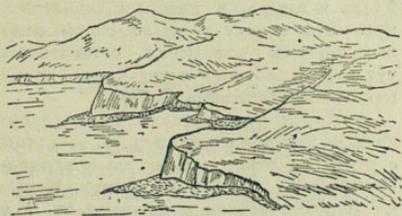

Рисунок 2.

Берега более старого пруда. Выдающиеся мысы сильно размыты. Реки, впадающие в закрытые бухты, успели образовать дельты.

начинает нависать и время от времени обрушивается. На местах обвалов образуется свежий обрыв. Это вторая стадия молодости: свежий береговой обрыв, и у его подножия — площадка (бичевник), покрытая галькой (рисунок 2). Такая стадия может продолжаться десятки и сотни лет, в зависимости от прочности берега.

Но это еще не все: волны бьют берег с неодинаковой силой: сильнее всего на выдающихся мысах, слабее — в закрытых бухтах. Значит, на мысах берега будут сильнее смыты, бичевник будет шире, а обрыв выше чем в закрытых бухтах. Кроме того все смытое с берегов откладывается на дне пруда, там, где волнение уже не чувствуется. Накопляются осадки, пруд мелеет.

Время идет. Молодость проходит.

Бичевник на мысах расширяется, многие маленькие мысы смываются совсем, бухты заполняются осадками, прибрежная полоса озера становится мелкой, берег спрямляется. Наступает то время

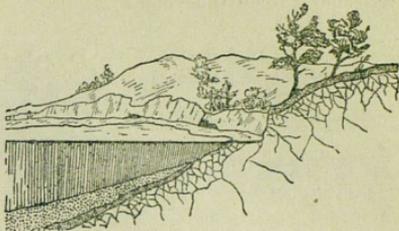

Рисунок 3.

«Зрелые» озерные берега почти прямые с высоким и свежим береговым уступом. На дне озера накопились много осадков.

жизни озера, которое Дэвис назвал зрелостью (рисунок 3).

Но волны не перестают работать — бичевник все расширяется, обрыв отступает. Волны только при самых сильных бурях долетают до берегового обрыва, все реже и реже бьются об него, все слабее убирают осыпавшиеся с него камни. У подножия обрыва начинает накапливаться щебень, сам обрыв осыпается и теряет свою крутизну и, наконец, делается таким пологим, что на нем может держаться почва и расти ра-

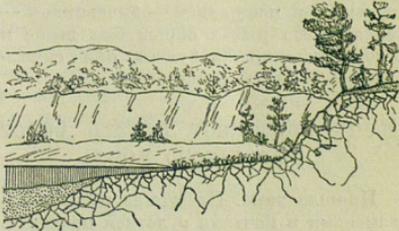

Рисунок 4.

Старый береговой обрыв, до которого волны долетают только в очень сильные бури. У его подножия скопились груды щебня, на которых появилась растительность.

стительность. Это время можно назвать старостью берегового обрыва (рисунок 4).

Наконец, озерные волны совсем уже не достигают до берегового обрыва и

не влияют больше на его форму. Только дождевые воды из года в год размывают его, снося с вершины к подножию песок и пыль. Обрыв все понижается, уплощается, и наступит время, когда он исчезнет совсем (рисунок 5).

Рисунок 5.

Береговой обрыв, до которого волны никогда не доходят. Он стал пологим, покрылся почвой и растительностью.

Вот как рассказывал Дэвис историю озерных берегов. Пруд гранитной фабрики был молод, значит, должен был иметь форму, описанную в § 2. Оставалось только проверить это. В прозрачное августовское утро, захватив с собой хлеб, бумагу и карандаш с резинкой, я отправилась в путь. Домой я пришла только к закату солнца. Зато пруд я обошла как следует.

Теория Дэвиса блестяще подтвердилась: пруд имел точно такой вид, какой должно было иметь молодое озеро, с извилистым берегом, со свежим обрывом и площадкой — бичевником — у воды. На мысах обрыв был выше и площадка шире, в бухтах они снижались, а то и вовсе исчезали.

Меня посылают искать берег высохшего моря

Прошла зима. Наступила весна с экзменами и мечтами о летней практике. Однажды я в самом благодушном настроении шла домой и совсем не торопилась, как вдруг меня окликнула сестра:

— Беги скорее домой, Маргарита! У папы сидит инженер Т. и хочет видеть тебя по делу.

— Я здесь, Владимир Эдуардович, — сказала я входя, — что надо?

— Что, Маргарита, ты попрежнему веришь в Дэвиса? — ответил вопросом на вопрос мой отец.

— Да, и даже больше прежнего...

— А возьмешься ли ты найти берега высохшего моря, но только найти совершенно точно, чтобы встать на место и сказать: «Вот здесь было море, а вот там его не было».

— Если местность больше не покрывалась морем, то возьмусь.

— А если покрывалась?

— Попытаться, конечно, можно, но ручаться не могу...

Мы с Владимиром Эдуардовичем уехали в уголок, и он рассказал мне следующее: около города Челябинска давно уже был найден бурый уголь. Находки были случайны — при рытье колодцев среди серой, сланцеватой юрской глины. Запасы угля очень велики, и их стали разрабатывать. Разведка обнаружила, что уголь лежит большой полосой, вытянутой с севера на юг. Уголь и глины, в которых он лежал, прикрыты сверху толстым слоем рыхлых морских отложений, оставленных тут морем, которое в третичное время покрывало Западную Сибирь.

— И вот что я никак не могу понять, — закончил инженер Т., — глины с углем то лежат чуть не на поверхности земли, то глубже 20 метров. Местами морские осадки покрывают их, а в других местах сверху никаких осадков нет. Почему это? Там, где морские осадки есть, море, очевидно, было, там, где их нет, его, вероятно, не было. Так нельзя ли найти его берег, чтобы искать уголь там, где его морские осадки не покрывают; там, где он лежит близко от земной поверхности? А то уж очень скучно и дорого пробивать многометровую толщу третичных пород, чтобы добраться до глины с углем.

— Что ж, морской берег я вам покажу, — сказала я.

Сговорились. По совести говоря, я поступила довольно дерзко. Район был прекрасно исследован крупными геологами: Карпинским, Краснопольским, Пригоровским. Кроме того на копиях работал свой геолог. Все эти люди опытные — не чета мне, второкурснице. И никто из них точного берега моря не нашел. Правда, на картах нанесена граница отложений третичного моря, но совпадает ли она с берегом, неизвестно.

Ведь рыхлые морские осадки могли быть потом частично смыты реками. Братся при таких условиях найти берег моря, который никто не находил, дерзко. Ну что же? Тем больше почта найти этот берег.

Сначала нужно было разыскать литературу (статьи и книги) и географические карты. Первое было нетрудно: я обошла библиотеки (их в городе было всего три).

Затем принялась за карты: сняла копию с наиболее интересных карт, приложенных к прочитанным статьям, обошла все учреждения, где, по моим сообщениям, имелись рукописные карты: завод, лесничество, геологический комитет, музей, отделение Высшего геодезического управления, не забыла также старых лесничих и инженеров, зная по опыту, что у них часто имеется свой собственный, очень ценный картографический материал.

Берег моря найден!

Мне повезло: в Геодезическом управлении закончили съемку района Челябинска, отдельные листы карты были уже напечатаны и продавались. Я немедленно купила все, что там имелось, пришла домой, сложила карту и очень оторчилась: берег моря точнейшим образом был нанесен на этой карте. Пропала моя летняя практика! Незачем ехать. В самом деле, от меридиана Челябинска местность достигает 250 метров над уровнем моря, на ней много широких речных долин, водоразделы стоят высоко над ними, склоны долин плоски и пологі. Местность эта резким уступом переходит в восточную часть, совершенно другого характера. Эта восточная часть плоска как стол. Рек на ней, кроме приходшего с запада Миаса, нет совсем, зато много круглых, очень мелких озер и котловин. Ее высота над уровнем моря — всего 110 метров. Несомненно, западная часть с ее развитой речной системой является сушей, восточная — дном моря, на котором еще не успели развиться реки и дождевая вода поэтому не может стечь, а остается в виде огромных луж, озер и болот. Уступ — это берег.

Геологическая карта подтверждает это предположение: вся местность к востоку от уступа окрашена на ней в желтый цвет, которым на карте обозначены третичные отложения.

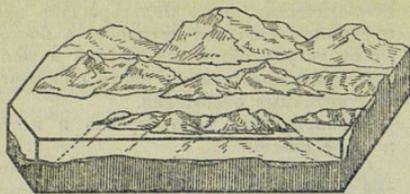
Казалось бы, дело просто и ясно, но... не совсем.

Среди осадков третичного моря на той же карте отмечены выходы пород более древних: юрских глин с углем и твердых, переплавленных в глубине земли известняков, диабазов и других пород. Все эти породы, словно ножом, срезаны на том же уровне, что и третичные морские отложения, и ничем на земной поверхности не выделяются. Эти-то выходы и интересовали рудоправление Челябинских копей. Каким образом оказались они среди третичных морских осадков? И почему покрыты ими так неравномерно?

Для решения этих вопросов я опять прибегла к рассуждению. История земли разделяется на 10 периодов: архейский, кембрийский, силурийский, каменноугольный, пермский, триасовый, юрский, меловой, третичный и четвертичный — тот, в котором мы сейчас живем. Уральский горный хребет образовался в конце каменноугольного — в начале пермского периода, в это время он стал сушей. В юрский период отложились глина с углем. Среди углей найдены пни деревьев, стоящие вертикально, с корнями, погруженными в подстилающую уголь глину. Пни эти, — очевидно, остатки деревьев, которые здесь росли. Деревья растут на суше, значит, тут и в юрский период была суша.

Затем в третичный период отложились морские осадки, значит, появилось море. Море это покрыло сушу. Поверхность суши, в то время как море ее покрывало, должна была быть или ровная или неровная. Если она была бы ровная, морские осадки покрыли бы ее сплошным и равномерным слоем. В нашем случае слой осадков имеет неравномерную толщину, значит, поверхность земли была неровная.

Урал — это ряд горных цепей, направленных с юга на север. С востока наступило море и частью затопило их. Получилось море разной глубины с цепями островов, идущих параллельно

Восточный склон Урала в начале третичного периода, когда море только что затопило его. Цепи островов параллельны главному хребту. Потом острова эти были смыты, а глубины между ними засыпаны осадками. Местность получила вид, сходный с рисунком 5. Чертеж этот очень схематичен.

берегу. По морю ходили волны. Они били берега островов и разрушали их совсем так, как волны на пруду разрушают берега пруда. Берега островов отступали, сами острова уменьшались и, наконец, вовсе смылись, оставив вместо себя покрытую водой площадку, срезанную точно на уровне моря. Все смытые с берега и островов камни, песок и ил отлагались на дне морском. Здесь же отлагались осадки, принесенные реками, да раковины живших и умиравших в море животных, заполняя впадины морского дна. Время шло, острова смылись, мысы также, берег стал прямой, а береговой утес, далеко отступивший от моря, стал полог.

Задание членам общества „Компас“

С тех пор прошло много времени. Труды Дависа получили всеобщее признание и на их основе выросла целая наука о земной поверхности — геоморфология. С ее помощью сделано немало исследований и геологических разведок, но даже самые исследованные районы СССР еще не описаны с достаточной подробностью и работы сколько угодно.

Не хотите ли вы, читатели и члены «Компаса», включиться в нее? Попробуйте для начала описать и определить возраст берегов ближайшего озера или пруда. Обойдите библиотеки, прочитайте литературу о геологическом строении вашего района (ее укажет вам библиотечарь по систематическому каталогу), найдите карту (план) озера, заручитесь, если можно, помощью геолога и приступайте к полевой работе.

Работу эту следует вести не торопясь и очень последовательно: обходите берега, отмечайте высоту и крутизну берегового обрыва, ширину площадки бичевника и ширину его подводного продолжения (расстояние измеряется рулеткой, крутизну можно отмечать наглаз: обрывистый берег стоит верти-

В середине третичного периода та часть земной поверхности, на которой сейчас лежит Западная Сибирь, начала подниматься, море ушло, оставив на своем месте идеальную равнину — западносибирскую степь. Вот и решение загадки Челябинских копей: они лежат на дне третичного моря. Дно это было неровное, поэтому и юрские глины с углем оказались покрытыми слоем морских осадков неравномерной толщины. Как найти места, где юрские глины не покрыты осадками? Только обыкновенной горной разведкой: бурением и рытьем шурфов. Море так хорошо выровняло земную поверхность, что никаких следов прежних островов на ней не осталось.

Придя к такому грустному для меня заключению — грустному потому, что мне очень хотелось ехать в Челябинск, — я чистенько написала все, что мне удалось прочесть по картам, собрала эти карты и отправилась к Владимиру Эдуардовичу сказать, что я нашла берег моря, не побывав в Челябинске.

Владимир Эдуардович меня выслушал и, к моему удивлению, подписал командировку: «Раз вы так читаете карту, то на месте можете увидеть еще более интересные вещи». О них я как-нибудь расскажу читателям «Компаса».

кально, влезть на него или нельзя совсем или с трудом только в некоторых местах; на крутой — влезть можно везде; на пологий — можно легко взойти, не помогая себе руками). Не забудьте описать растительность в озере и на берегу: есть ли она или нет, сплошь ли покрывает землю.

Обратите также внимание на то, из каких пород сложены дно и берега озера. Опишите впадающие в озеро и вытекающие из озера реки (ширина, глубина, быстрота течения, имеют ли они дельты и глубоко ли продавили эти дельты в озеро).

Окончив это подробное полевое описание, постарайтесь дать себе отчет, стары или молоды берега вашего озера и отчего они со старились, от того ли, что озеро очень древнее, или от того, что составляющие их породы очень мягки и легко разрушаются.

Результаты ваших исследований опишите и пришлите нам, наиболее интересные описания будут напечатаны и премированы.

Последний срок присылки описаний озер — 1 сентября.

Ключевская сопка — самый большой вулкан мира.

Величайший вулкан мира

Древние греки, шныряя на своих маленьких суденышках по Средиземному морю, наткнулись к северу от Сицилии на небольшой островок. Они доплыли до него и замерли от ужаса и удивления: из вершины горы, находящейся на острове, непрерывно взлетали клубы дыма, а порой и раскаленные камни. Суеверные греки, которые каждое явление природы пытались объяснить действием какого-нибудь божества, решили, что внутри этой горы находится кузница бога огня—хромомонного Гефеста, или, по-римски, Вулкана. В древней географии за этим островом и горой так и утвердилось название Вулкана. Впоследствии слово «вулкан» стало нарицательным и им стали называть все огнедышащие горы.

Обыкновенно вулкан представляет собой конус с довольно крутыми склонами. На верху горы находится овальное углубление, называемое кратером, от греческого слова «кратер» — чаша. В кратере находится длинный канал, уходящий далеко в глубь земли. Через этот канал изливается наружу огненно-жидкая лава,

выбрасываются пепел, раскаленные камни. Канал этот называется жерлом.

Действующих вулканов насчитали на земле больше 300.

Извержение вулкана — одно из самых страшных и грозных явлений в природе. Разбушевавшись, вулканы сметают все живое, под пеплом и лавой погребают целые города.

Вспомните извержение Везувия в 79 году нашей эры, когда были засыпаны пеплом и залиты грязью три города: Геркуланум, Помпеи и Стабия; вспомните, как Этна уничтожила часть города Катани и еще 14 селений, как вулкан Мон-Пеле на Мартинике выброшенным вихрем пламени в несколько мгновений спалил город Сан-Пьер с 30-тысячным населением... Извержение вулкана — вещь страшная!

У нас в СССР вулканы имеются только на Камчатке. Зовут их там сопками.

На Камчатке есть около 130 вулканов-сопок, но действуют из них только 19. Хотя надо сказать, что вулканы очень коварны: знаменитый Везувий, на-

пример, после 1139 года погрузился в долгий сон. Около 500 лет он не подавал признака жизни. Люди позабыли даже, что это вулкан, но он жестоко напомнил им о себе в 1631 году, уничтожив давай несколько городов и селений и погубив около 3 тысяч человек. Говорить, что какой-нибудь из вулканов затух окончательно, надо с большой осторожностью.

Камчатские вулканы принадлежат к «огненному кольцу», опоясывающему Тихий океан. По берегам этого океана, по его островам расположилась громадным огненным ожерельем целая цепь вулканов.

На Камчатке находится величайший вулкан мира. Нет ни одного вулкана на земном шаре, который почти от самого уровня моря поднимал бы свою вершину на 5 тысяч метров, как Ключевская сопка. Причем путешественники считают, что Ключевская сопка — не только величайший, но и красивейший вулкан света.

Несмотря на трудности все вулканы мира исследованы и изучены. На многих из них работают вулканические станции. Дольше всех не поддавалась изучению Ключевская сопка. Пеплом, тучами песка, камней, потоками грязи, снежными буранами встречала она дерзких людей, вытравивших подняться к кратеру и разгадать ее тайны.

В 1878 году на вершину Ключевской сопки взобрался горный кондуктор Гаус, но двое его спутников погибли, то ли задохнувшись от газов, то ли были раздавлены огромными глыбами, летящими по склону. В течение следующего столетия люди неоднократно штурмовали вершину Ключевской, но неудачно.

В 1935 году приехала на Камчатку для ее всестороннего обследования комплексная экспедиция Академии наук. С приездом экспедиции началась атака Ключевской сопки и она, наконец, сдалась под дружным напором советских ученых и героев-пограничников.

В июне 1935 года два комсомольца-пограничника, Бирюков и Водопьянов, совершили подъем на вершину.

20 июня 1935 года на вулкан поднялся во главе семи пограничников начальник геологического отряда Академии наук В. С. Кулаков. За успешное проведение массового восхождения на вершину со спуском в кратер действующего вулкана

на — впервые в истории исследования Камчатки — он награжден орденом «Знак почета».

13 августа с другой стороны взобрались на вулкан и спустились в кратер работники Академии наук А. Н. Троицкий, И. И. Микулин и альпинист С. Д. Коптелов.

Обе эти экспедиции принесли драгоценный материал: редкие снимки, образчики пепла, возгонов, т. е. веществ, поднимающихся по жерлу вулкана в газообразном состоянии и при охлаждении оседающих на стенках кратера.

Вулкан упорно отбивался от всех попыток завязать с ним знакомство. Особенно не везло второй экспедиции. Дождь со снегом, пурга, летящие сверху камни обрушились на путников. Пришлось первый раз возвратиться обратно, но советские ученые не сдаются. Пошли второй раз. Вулкан встретил их газовой атакой из сероводорода, хлороводорода и сернистого газа. Пришлось опять уйти пониже и отсиживаться в палатке, пока вулкан занимался своими «шутками». Наконец, обрываясь, ползя иногда на четвереньках, задыхаясь от громадной высоты, добрался до вершины; «Здравствуй, Ключевская!» Спустились в кратер. Взрывы следовали один за другим. Клубы дыма стремительно взвивались вверх, закрывали солнце и уносились ветром на юг. Тучи пепла и раскаленных камней веером вздымались на 200 — 300 метров вверх и с грохотом возвращались обратно. От взрывов, казалось, дрожало все тело вулкана. Спешно занялись фотосъемкой, сбором образцов и возгонов. В это время раздался страшный грохот. Гигантское облако взвилось вверх и стало поливать всю чашу кратера градом раскаленных камней. Пришлось от такого обстрела бежать. Еле дыша, по веревке выбрались наверх. Кратер не успокаивался. Спускаться в него второй раз было безумием. Решили идти вниз. Оставив записку у флага, поставленного экспедицией Кулакова, прогнанные вулканом, но довольные победой над ним, путники начали спускаться старой дорогой к подножию горы.

Так была побеждена Ключевская сопка — величайший вулкан мира.

В. Самойлов

Фонд
Географического
Общества.

Володя Балашов (Невьянск) описывает поездку на рыбную ловлю на озеро Светлое, в 3 километрах от Невьянска.

Когда-то золотоискатели нарыли там много ям и шахт. Они заполнились водой, и на их месте образовались озера. Посхали на лодке втроем: Володя, Слава Беляев и Ваня Мухоруков. До Карасьего озера доехали хорошо. Но к озеру вел небольшой проток. Три или четыре больших камня преграждали лодке путь. Долго возились ребята, пока вытащили эти камни на берег. Проток из Карасьего озера в Светлое тоже был закрыт камнями, но ребята и его расчистили.

Боря Кузнецов (Кизыр-Кия, Киргизия) рассказывает, как группа ребят взобралась на вершину горы Кадыр-Так, покрытую вечным снегом.

Вышли ребята в 6 часов утра, захватив теплую одежду. К 3 часам дня добрались до подножия горы. После отдыха начали подниматься на уступы вершины. В опасных местах связывались веревками. К 7 часам вечера добрались только до середины горы. Здесь раскинули две палатки на 8 ребят. Скоро на костре кипел чайник. Закусили консервами и «хатыком» (кислое молоко). Ночью Толля Мектеев как закричит не своим голосом. Все очень испугались, даже побоялись к нему подойти. Оказывается, к Толе за пазуху залезла лягушка. Ребята так смеялись, что еле уснули. Утром около палаток оставили Переплеткина и Душонбекова и наказали им вечером зажечь сильный костер, если ребята застанут в горах темнота. С вершины Кадыр-Така увидели замечательную панораму. В это время на вершине разразилась такая метель, что не было

видно друг друга. Снег залеплял глаза. Связавшись веревкой, пошли вниз. Начался туман, но все же кое-как из него выбрались и добрались до лагеря.

Абрам Ата (Бахчисарай, Крым) развлек историю бахчисарайской крепости, развалины которой сохранились. Крепость очень старая: ей около двух

тысяч лет. При раскопках найдено две плиты, на которых древним арабским языком написано, что крепость Чуфуткале построена караимами. После того, как татары завоевали Крым, крепость была взята татарами. Татары построили город Бахчисарай. Он стал столицей Крымского ханства. В крепости есть пещерное судилище, где крымские ханы держали пленных, чтобы получить за них выкуп. Во время осады города жители бежали в крепость и запирали ворота. Если враг входил в ворота и двигался по улице, то со стен в него бросали бревна, камни, лили горячую смолу и кипяток. В крепости дома построены так, что на улицу не выходит ни одно окно. В крепости устроен караимский домик.

Игорь Березин (деревня Поляны, Калининской области) описал большое, почти непроходимое болото около деревни. Длина его 20 километров, а ширина 7—10 километров. Летом болото пересыхает. В нем много торфа. Толщина торфяного слоя несколько метров. В болоте водятся лоси. Собирая грибы, ребята видели кости большого лоса, которого загрызли волки. Ребята заметили деревья, обглоданные лосями на высоте 1—2 метров. Очевидно, лоси глодали кору зимой, во время гололеда.

Ганс Христиан Андерсен

Вера Смирнова

«...Хорошо было за городом! Стояло лето, рожь уже пожелтела, овсы зеленели, сено было сметано в стога; по зеленому лугу шагал на длинных красных ногах аист и болтал по-египетски: он выучился этому языку от матери. За полями и лугами шли большие леса, с глубокими озерами в чаще. Да, хорошо было за городом! Прямо на солнце лежало старинное поместье, окруженное глубокими канавами с водой; от самой каменной ограды вплоть до воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятки могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост. В самой чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка...»

Так начинается одна из лучших сказок замечательного датского сказочника Ганса Христиана Андерсена.

Совсем настоящая, несказочная природа, простые приметы времени и места, точно выраженное чувство—и читатель, невольно подчиняясь писателю, внезапно видит мир глазами ребенка. Ведь именно для ребят «большие»

леса и «глубокие» озера полны значения, выразительности и очарования, и лопух ростом с маленького ребенка—это детская мерка, и непосредственное восклицание «Хорошо!»—детское выражение восхищения, и аист, болтающий по-египетски, смешон и понятен именно детям. И вот в этом, совсем настоящем, действительном, но по-детски увиденном мире происходит вполне правдоподобная птичья история.

Утка высидела лебединое яйцо—в обыкновенном утином семействе родился лебеденок. Он был непохож на других утят: слишком большой, серый, нескладный, неловкий,—хотя и имел перепонки на ногах, как все его братья, и плавал не хуже других. На птичьем дворе его прозвали «гадким утенком», издевались над ним, клевали его, ципали, хотя он никому не делал зла: просто он раздражал всех своим необыкновенным видом. Сбитый с толку, перепуганный и обиженный, он убежал от хлопотливых уток и надутых индюков, пристал к диким перелетным птицам и хотел улететь с ними в далекие страны. Но тут на-

чалась охота, он увидел смерть рядом с собой, и снова пришлось ему спасаться бегством. Потом он попал в тихую избушку старушки, в ученье к коту и курице. Они считали себя половиной мира (притом лучшей половиной) и тщетно пытались научить лебеденка мурлыкать и нести яйца. «Гадкий утенок» не вынес их ядовитых «дружеских» поучений и ушел бродить по белу свету. Скитался, терпел страшную нужду, голодал, чуть не замерз в суровую долгую зиму. «Утенку» приходилось плавать по воде без отдыха, чтобы не дать ей замерзнуть совсем... Он без устали работал лапками. Но он все перенес, вырос, окреп, стал большим и прекрасным лебедем, и весною прилетевшие с юга старые лебеди признали его своим и даже «преклонились перед ним».

Эта трогательная история наполнена замечательными подробностями из птичьей жизни и, кажется, ни в чем не погрешает против той правды, которую видит натуралист — наблюдатель природы.

Есть одна только особенность у действующих лиц этой птичьей новеллы: они чувствуют и думают, как люди, и говорят человеческим языком.

Но читатели (вернее, слушатели) Андерсена, которым идет только первый десяток лет, считают это вполне естественным.

Люди постарше чувствуют в этой сказке загадку и догадываются, что дело идет о человеческой жизни. Судьба одаренного человека, тяжелый жизненный путь человеческого гения, борьба за существование, за свободное выявление человеческой личности — вот о чем рассказывает андерсеновская сказка. Не даром художники всех родов искусства видят в «Гадком утенке» горестное описание жизни любого большого человека — ученого, писателя, художника — в любой европейской стране, в условиях капиталистического общества, когда они обречены на ожесточенную борьбу за существование, на зависть, насмешки, непонимание и полное одиночество.

А сто лет назад в Дании, когда впервые напечатана была эта сказка, люди узнавали в ней биографию самого Андерсена. Дикий и глухой угол с лопухами — это был Одензе, маленький провинциальный город, где Андерсен родился и провел детство; птичий двор — Копенгаген, где Андерсен делал первые попытки работать в искусстве; жизнь на болоте — голландные годы студенчества. Могли указать даже точный адрес избушки, где жила старушка, приютившая «гадкого утенка», и прямо называли фамилию курицы. А сам лебеденок, родившийся в утином гнезде, — это был, конечно, сын одензейского бедного сапожника Ганс Христиан Андерсен.

Часто он, как ребенок, плакал от незаслуженной обиды. Еще бы! Он переполнен был образами, мыслями, чувствами, из него бился ключом поэзия, а благовоспитанные и деловые люди слышали только смешное произношение, простонародную речь, видели только плохое воспитание и орфографические ошибки. Никто не признавал в нем великого поэта, которого он сам в себе чувствовал. Ведь он учился в школе для бедных и почти не умел правильно писать.

— Вы не понимаете меня, — говорил «утенок» Андерсен.

— Мы не понимаем тебя?! Скажите, пожалуйста! Уж не считаете ли ты себя умнее kota и нашей хозяйки? Пожалуйста, не воображайте все всяких пустяков, а будь благодарен за все благодеяния, которые тебе оказывают, — говорила курица в сказке.

А вот что писала Андерсену одна из его «покровительниц»:

«Вы забрали себе в голову, милейший, что вы призваны к великой деятельности... Вы воображаете, что из вас выйдет великий поэт. Нет, таким вам не быть, нечего вам и думать об этом. Все смеются над вами, а вы не замечаете. Ради бога, проснитесь, любезный Андерсен, и не мечтайте о бессмертии, это возбуждает лишь смех».

Совершенно тот же тон, та же мелодия, говоря словами другой андерсеновской сказки.

Понятно, что Андерсен тяжело переживал такое отношение к себе.

«Бывают минуты, — писал он, — когда я нахожу, что лучше бы мне никогда не писать ни одной строчки, а жить, как все добрые, честные люди, довольные своей будничной жизнью, зарабатывать хлеб насущный и мирно дожидаться до могилы, не ломая себе головы ни над чем, маленькая наша Дания — плохая страна для писателей...»

Итак, под фантастической оболочкой сказки оказывается настоящая «добрая старая» Дания, страна, в которой плохо пришлось датскому писателю Андерсену. «Гадкий утенок» — Андерсен — вынужден был покинуть птичий двор своей родины и получить первое признание за границей, а глубокомысленные его критики и «воспитатели» только «мурлыкали и пускали искры». Впрочем, «скоро сказка сказывается», а в жизни еще долго пришлось Андерсену, уже будучи признанным «лебедем», бороться с другим чудовищем, которое одолевало его с детства, — с бедностью.

«Поэтическое положение, нечего сказать, — быть переведенным на немецкий и французский языки, читать свою биографию в одном из лучших французских журналов, видеть свои портреты на гравюрах и в то же время быть одиноким бедняком, без видов на будущее», — писал он одной приятельнице в самый разгар своей славы.

В сказке, как и полагается, счастливый конец. В жизни же Андерсен всегда был одинок, хотя и приобрел друзей в разных странах и был близок с лучшими европейскими писателями того времени. Но никогда и нигде у него не было своего надежного гнезда, не было семьи, не было дома, не было того семейного тепла и уюта, которые он так любил у других людей, и около него не было детей, которым он так чудесно умел рассказывать сказки. В его копенгагенской квартире было ему особенно одиноко и пусто доживать свою старость, и вот каждый год он покидал ее и скитался по разным странам то в поезде, то на пароходе, то в коляске какого-нибудь вельможи, который приглашал его в гости. Популярность его была огромна. Говорят, что однажды, путешествуя по Шотландии, он оставил свою трость в одном отеле на берегу озера. Каково же было его удивление, когда через несколько дней кондуктор поезда нашел

его в толпе пассажиров, отправлявшихся на пароходе в Лондон, и с улыбкой вручил ему трость. Кто-то заботливо прикрепил к ней дощечку с надписью «Датскому писателю Хансу Христиану Андерсену», и она отлично доехала к нему одна: ее передавали из рук в руки, пока она не вернулась к своему хозяину.

«Прогуливаясь по улицам Копенгагена, — писал Андерсен в своей автобиографии, — я часто вижу в окнах приветливо кивающие мне детские головки. А раз я увидел на противоположной стороне улицы богато одетую даму с тремя мальчиками. Самый маленький вырвался от матери, перебежал через улицу ко мне и подал мне руку. Мать позвала его назад и сказала ему: «Как ты смеешь заговаривать с чужим господином?» А мальчик ответил: «Да это вовсе не чужой! Это Андерсен! Его все мальчики знают...»

А однажды один маленький мальчик из семьи, где Андерсен часто гостил, узнав, что он одинок, пожалел его и подарил ему в товарищи своего оловянного солдатика, и Андерсен сделал из этого случая трогательную сказку про «Старый дом», про одинокого старика, у которого жизнь так печальна, что от него убегает даже оловянный солдатик. Дети понимали Андерсена, он был для них не чужой, они правильно чувствовали его равным себе, товарищем. На всю жизнь, до старости, до самой смерти, Андерсен сохранил свой детский облик: непосредственность, живое воображение, детскую страсть к путешествиям, к смене впечатлений, тягу к большим людям и забавное детское тщеславие: чисто детскую радость от похвалы и внимания.

Искусство было для него как самая увлекательная игра для ребенка, и в литературу он вошел как большое дитя.

Как ребенок хватается за различные игрушки, пока не найдет как раз ту, которая ему всего нужнее, которая оживает в его руках и помогает ему превратить игру в жизнь, так и Андерсен брался за многое, прежде чем нашел себя. Он пробовал быть актером, танцевал в балете, учился петь, писал стихи, пьесы, романы. Наконец, уже будучи 30-летним человеком, натолкнулся он на сказку, и это было то, чего он искал, для того чтобы выразить присущие ему мысли и чувства, свою художественную сущность.

Как ребенок может сделать из всего, что его окружает, игру, так и Андерсен мог делать сказку из всего, что он видел, «до чего дотрагивался». Воротивоч и штопальная игла, сундук и старый прабабушкин шкаф, молодая ель в лесу, аист на крыше дома, оловянный солдатик и даже старые грязные калоши — все попало в андерсеновскую сказку.

«Иногда мне чудится, что каждый цветочек, каждый забор говорят мне: «Посмотри на нас, и у тебя будет наша история. И стоит мне поглядеть — вот у меня и новая история».

Чаще же всего Андерсен делал сказки из своей собственной жизни. Почти в каждой сказке есть часть его биографии. Личные, относящиеся только к его жизни чувства, образы есть и в «Русалочке», и в «Соловье», и в «Стойком оловянном солдатике», и в

«Дюймовочке», и в «Новом платье короля», и в «Снежной королеве».

Но именно это лично вносит живые краски в сказку и делает особенно убедительными для читателя поиски ключа к спрятанным среди сказочных его образов и событий мыслям. А чем внимательнее поиски, тем больше находок

Коротенькая сказка про «Новое платье короля» была написана по поводу дурной репутации одного датского писателя, не по заслугам возвеличенного критиками. Но с такой остротой и силой высмеяны в ней человеческая глупость, лицемерие и ложный стыд, что эта сказка и в наше время звучит сатирой, памфлетом, написанным к сегодняшнему дню.

«А ведь король-то гол!» — часто говорим мы, и все понимают, что это значит, потому что редко можно встретить человека, который, хотя бы понаслышке, не знал этой замечательной сказки.

Вероятно, сам Андерсен не подозревал, какое богатство заключено в его сказках. Или, быть может, начальный смысл его сказок стал глубже за те сто лет, что эти сказки живут на свете, и мы теперь видим в них больше, чем вкладывал в них Андерсен. Но именно тем-то и велики лучшие произведения искусства, что они растут вместе с людьми, и каждый берет от них, что может.

В сказках Андерсена редко участвуют дети, во всяком случае, почти нигде они не являются главными героями. Вероятно, дети были для Андерсена сами по себе хороши, и он не хотел им навязывать никаких ролей.

Но они попадали к нему в самой боковой и серьезной его сказке — в «Снежной королеве». В этой сказке ожили самые нежные и яркие воспоминания его собственного детства: крошечный садик в деревянном ящике на крыше между двумя домами, ледяная царница, понудившаяся когда-то маленькому Хансу Христиану на замерзшем стекле окна и, по словам матери, навсегда унесшая с собой отца...

В этой сказке Андерсен рассказал самое главное о себе самом: о том, что он пронес через все жизненные невзгоды, что сделало его поэтом, что он считал самым ценным в человеческом существе, — это сказка о торжестве детской веры в жизнь и в людей над холодным рассудком. Тот, кто видит в жизни одно дурное, в людях — главным образом недостатки, обречен на одиночество, холодно и пусто вокруг него, беспечно его существование, бесплодны его усилия что-то сделать, и забвение ожидает его. И только горячая любовь может спасти его.

И Андерсен доказывает нам это своими сказками.

«Снежная королева» — это, в сущности, семь сказок, каждая со своей самостоятельной темой, с особым звучанием, с особой красотой, как семь цветов радуги. Но каждая из этих сказок не кончается, и все они сплетены в основную тему Кая и Герды. А путь Герды — это дорога, которой идет человеческая любовь, — через разлуку, забвение, ревность и гордость и самопожертвование.

Снежная королева

Сказка в семи историях

Ганс Христиан Андерсен

Рис. Ф. Полищук

История первая, в которой говорится о зеркале и его осколках

Ну, начнем! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше чем теперь. Так вот, жил-был тролль, злющий-презлющий; то был сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, все же негодное и безобразное, напротив, так и бросалось в глаза и казалось еще хуже. Прелестнейшие ландшафты выглядели в нем вареным шпинатом, а лучшие из людей — уродами или казались стоящими кверху ногами и без животов! Лица искажались до того, что нельзя было и узнать их; случись же у кого на лице веснушка, она расплывалась во вес нос или рот. Дьявола все это ужасно потешало. Если у человека появлялась добрая, благочестивая мысль, зеркало тотчас строило гримасу,

так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля — у него была своя школа — рассказывали о зеркале как о каком-то чуде.

— Теперь только, — говорили они, — можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!

И вот, они бегали с зеркалом повсюду; скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нем в искаженном виде. Напоследок захотелось им добраться и до неба. Чем выше поднимались они, тем сильнее кривлялось и корчилося зеркало от гримас; они еле-еле удерживали его в руках. Все выше и выше летели они, и вдруг зеркало так перекосило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Миллионы, биллионы и еще гораздо больше

осколков наделали, однако, несравненно больше вреда чем само зеркало. Некоторые из них, величиной с песчинку, разлетаясь по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть все навыворот или замечать в каждой вещи одни лишь дурные ее стороны, так как каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось прежде целое зеркало. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце пре-

вращалось в кусок льда. Были между этими осколками и большие и такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были и такие осколки, которые пошли на очки, только беда была, если люди надевали их с целью смотреть на вещи и судить о них вернее. А злой троль хохотал до рези в животе и наслаждался, словно его щекотали. Но по свету летало еще много осколков зеркала. Послушаем же!

История вторая. Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем удастся отгородить себе хоть маленькое местечко для сада, и где поэтому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка. Они не были братом и сестрой, но любили друг друга, как если б это было так. Родители их жили под самой крышей, в двух смежных домах. Там, где кровли домов почти сходились, а под выстулами кровель шел водосточный жолоб, туда как раз были обращены чердачные окошки обеих семей. Таким образом, стоило только перешагнуть с одного жолоба на другой, и вы попадали к соседям.

У родителей было по большому деревянному ящику; в них росли коренья и небольшие кусты роз — в каждом по одному, — кусты эти чудесно разрастались. Родителям пришлось в голову поставить эти ящики поперек жолобов; таким образом от одного окна к другому тянулись словно две цветочные грядки. Горох спускался из ящиков зелеными гирильдами, розовые кусты обрамляли окна и сплетались ветвями; получалось нечто вроде триумфальных арок из зелени и цветов. Так как ящики были очень высоки и дети твердо знали, что им нельзя карабкаться на них, то родители часто позволяли мальчику с девочкой ходить друг к другу по крыше в гости и сидеть на скамеечке под розами. Тут они так чудесно играли.

Зимой это удовольствие прекращалось. Окна зачастую замерзали, но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замерзшим стеклам — сейчас же оттаивало чудесное отверстие, такое круглое, круглое, а в него выглядывал веселый, ласковый глазок: это смотрели, каждый из

своего окна, мальчик и девочка: Кай и Герда. Летом они в один прыжок могли очутиться друг у друга, а зимою надо было сначала спуститься на много, много ступеней вниз, а затем подняться на столько же вверх. На дворе же ветер крутил снег.

— Это роятся белые пчелки! — говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик: он знал, что у настоящих пчел есть такая.

— Есть, — отвечала бабушка. — Она там, где рой всего гуще, она больше всех и никогда подолгу не остается на земле — всегда взлетает на черное облако. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки; и они покрываются тогда ледяными узорами, словно цветами.

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что все это сущая правда.

— А Снежная королева не может войти сюда? — спросила раз девочка.

— Пусть-ка попробует! — сказал мальчик. — Я посажу ее на теплую печку — вот она и растает.

Но бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в маленький оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока, наконец, не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль, сотканый, казалось, из миллионов снежных звездочек. Она была так прелестна и нежна, но изо льда, из ослепительного, сверкающего льда и все же живая! Глаза ее сияли как звезды, но в них не было ни

Она кивнула мальчику и поманила его рукой.

теплоты, ни покоя. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный мороз, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна. Солнце светило, зелень опять показалась из земли, ласточки вили под крышей гнезда, окна растворили, и дети снова сидели в своем маленьком садике, высоко над всеми этажами.

В то лето розы цвели особенно пышно.

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на солнечное сияние и разговаривали с ним. Как чудесны были эти летние дни, как хорошо было под кустами благоухающих роз, которые, казалось, никогда не перестанут цвести!

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг мальчик. — Меня кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею, он мигал глазами, но ни в одном ничего не было видно.

— Должно быть, выскочило, — сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. Это был как раз крошечный осколок дьявольского зеркала, в котором, как мы, конечно, помним, все великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное выступало еще резче и дурные стороны каждой вещи тотчас бросались в глаза. Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль прошла, но самый осколок остался.

— О чем же ты плачешь? — спросил он Герду. — У! Какая ты делаешься некрасивая! Мне совсем не больно. Фу! — закричал он затем. — Эту розу точит червь. А та совсем кривая. Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он толкнул ящик ногою и обломал две розы.

— Кай, что ты делаешь?! — закричала девочка, а он, увидя ее испуг, вырвал еще одну и убежал от маленькой Герды в свое окно.

Принесла ли после того ему девочка книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; рассказывала ли что-нибудь бабушка, он придирался к словам. А потом... дошел и до того, что крадся за ней, передразнивая ее походку, стал надевать очки, подражать ее голосу. Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик выучился передразнивать и всех соседей: он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки — и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему был осколок зеркала, что попал ему в глаз, а затем и в сердце. Потому-то он передразнивал даже маленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудреными. Раз зимою, когда шел снег, он явился с большим зажигательным стеклом и подставил под снег полу своего синего пальто.

— Погляди в стекло, Герда,— сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Это было очень красиво.

— Видишь, как искусно сделано! — сказал Кай.— Это гораздо интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы они только не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиною, крикнул Герде в самое ухо: «Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками!» — и убежал.

На площади каталось множество детей. Те, что были посмелее, привязывали свои санки к крестьянским саням и прокатывались таким образом довольно далеко. Весеелье так и кипело. В самый разгар его на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел человек, весь ушедший в белую меховую шубу и такую же шапку. Сани обехали кругом площади два раза; Кай живо привязал к ним свои санки и покатился. Большие сани поехали быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он продолжал ехать. Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, да так густо, что Кай не мог видеть своей протянутой руки. Маль-

чик поспешил отпустить веревку, которую зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к ним и продолжали нести вихрем. Кай громко закричал — никто не услышал его. Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал, хотел прочесть «Отче наш», но в уме у него вертелась одна таблица умножения.

Снежные хлопья все росли и обратились под конец в больших белых куриц. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина — Снежная королева; и шуба и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались! — сказала она.— Но ты совсем замерз? Полезей ко мне в медвежью шубу!

И, посадив мальчика в сани, она завернула его в свою шубу—Кай словно опустился в снежный сугроб.

— Все еще мерзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй её был холоднее льда: он пронизал насквозь и дошел до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Каю показалось, что он сейчас умрет, но только на одну минуту, а потом, напротив, ему стало хорошо, он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь моих санок! — спохватился он прежде всего о санках.

И санки были привязаны на спину одной из белых куриц, которая и полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Каю еще раз, и он позыбал и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше я не буду целовать тебя,— сказала она.— А нето зацелую до смерти.

Кай взглянул на нее: она была так хороша! Боже умного, прелестного лица он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему головой: теперь она казалась ему совершенством. Он совсем не боялся ее и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да еще с дробями; знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что он и в самом деле знает мало, и он устремил взор в бесконечное воздушное пространство. В тот же миг Снежная королева подхватила его, и они взвились на черное облако. Буря выла и стонала, словно распевала старинные песни;

Посадив мальчика в сани, она завернула его в свою шубу—Кай словно опустился в снежный сугроб.

Воробьи летели за ней и щебетали, словно желая ее утешить: «Мы здесь! Мы здесь!»

они летели над лесами и озерами, над полями и твердой землей; под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, летали с криком черные вороны, а над

ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь; днем он спал у ног Снежной королевы.

История третья. Цветник женщины, умевшей колдовать

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? И куда он девался? Никто этого не знал, никто ничего не мог сообщить о нем. Мальчики рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большим, великолепным саням, которые потом свернули в переулок и выехали за городские ворота. Никто не знал, куда он девался. Много было пролито слез; горько и долго плакала Герда. Наконец, порешили, что он умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнце.

— Кай умер и больше не вернется! — сказала Герда.

— Не верю! — отвечал солнечный свет.

— Он умер и больше не вернется! — повторила она ласточкам.

— Не верим! — ответили они.

Подконец и сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои новые красные башмачки (Кай ни разу еще не видал их), — сказала она однажды утром, — да пойду к реке спросить про него.

Было еще очень рано; она поцеловала

спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинешенька за город, прямо к реке.

— Правда, что ты взяла моего названного брата? Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей; тогда она сняла свои красные башмачки—самое драгоценное, что у нее было, — и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же вынесли их на сушу: река как будто не хотела брать у девочки ее драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки недостаточно далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмаки в воду. Лодка не была привязана, и от ее движения стала медленно отплывать от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на сушу, но пока пробиралась с кормы на нос, лодка уже отошла от берега на большой кусок и быстро понеслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьев, не слышал ее криков; воробьи же не

могли перенести ее на сушу и только ледтели за ней вдоль берега и щebetали, словно желая ее утешить:

«Мы здесь! Мы здесь!»

Лодку уносило все дальше; Герда сидела смирно, в одних чулках; красные башмачки ее плыли за лодкой, но не могли догнать ее.

Берега реки были очень красивы; повсюду виднелись чудеснейшие цветы, прекрасные старые деревья, на склонах паслись овцы и коровы, но нигде не было видно людей.

«Может быть, река несет меня к Каю!» — подумала Герда, повеселела, встала на ноги и долго-долго любовалась красивыми зелеными берегами. Но вот она приплыла к большому вишневному саду, в котором приютился домик с красными и синими стеклами в окошках и с соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали ружьями честь всем, кто проплывал мимо.

Герда закричала им — она приняла их за живых, — но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним еще ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала еще громче. Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка, в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты, бедная крошка! — сказала старушка. — Как это ты попала на такую большую, быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своей клюкой, притянула ее к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радешенька, что очутилась, наконец, на суше, хоть и побаивалась чужой старухи.

— Ну, пойдём; Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всем, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Но вот девочка кончила и спросила старуху, не видела ли она Кая. Та ответила, что он еще не проходил тут, но, верно, пройдет, так что девочке пока не о чем горевать, — пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее нарисованных в любой книжке с картинками и все умеют рассказывать сказки. Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от полу и все из разноцветных, красных, голубых и желтых стеклышек; от этого и сама комната была

освещена каким-то удивительным, радужным светом. На столе стояла корзинка с чудесными вишнями, и Герда могла есть их сколько душе угодно; пока же она ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились кудрями и золотым сиянием окружали милое, приветливое личико девочки, своей круглотой напоминавшее розу.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как ладно мы заживем с тобой!

И она продолжала расчесывать кудри девочки, и чем дольше чесала, тем больше Герда забывала своего названного брата Кая: старушка умела колдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те, как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда при виде этих роз вспомнит о своих розах, а там и о Кая да и убежит от нее.

Сделав свое дело, старушка повела Герду в цветник. Что за красота, что за благоухание! Тут были цветы всех родов и всех времен года! Во всем свете не нашлось бы книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишневыми деревьями. Тогда ее уложили в чудесную постельку с красными шолковыми перинками, набитыми голубыми фиалками; девочка заснула, и ей снились такие сны, какие видит разве королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть в чудесном цветнике, на солнце. Так прошло много дней. Герда знала теперь каждый цветочек, но как ни много их было, ей все-таки казалось, что какого-то недостает, только какого же? Раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами; самым красивым из них была как раз роза: старушка забыла ее стереть, когда загнала другие розы в землю. Вот что значит рассеянность!

— Как! Тут нет роз? — сказала Герда и сейчас же побежала искать их на грядках, искала, искала, да так и не нашла.

Тогда девочка опустила на землю и заплакала. Теплые слезы упали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и как только они смочили землю, —

Чем дольше чесала старушка кудри девочки, тем больше Герда забывала своего названного брата Кая.

куст мгновенно вырос из нее, такой же цветущий как прежде. Герда обвила его ручонками, принялась целовать цветы и вспомнила о тех чудных розах, что цвели у нее дома, а вместе с тем и о Кае.

— Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Мне ведь надо искать Кая!.. Не знаете ли вы, где он? — спросила она у роз. — Верите ли вы тому, что он умер и не вернется больше?

— Он не умер! — сказали розы. — Мы ведь были под землей, где все умершие, но Кая меж ними не было.

— Спасибо вам! — сказала Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: «Не знаете ли вы, где Кай?»

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о собственной своей сказке или истории; много их выслушала Герда, но ни один из цветов не сказал ни слова о Кае. Тогда она побежала в конец сада.

История четвертая. Принц и принцесса

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу, прямо перед ней, прыгал большой ворон; он долго смотрел на девочку, кивая ей головою, и, наконец, заговорил:

— Кар-кар! Здррравствуй!

Чище этого он выговаривать по-человечески не мог, но, видимо, желал девочке добра и спросил ее, куда это она бредет по белу свету совсем одна. Слово «одна» Герда поняла отлично и сразу почувствовала все его значение. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видал ли он Кая. Ворон задумчиво покачал головою и сказал:

— Очень вероятно, очень вероятно!

— Как? Правда?! — воскликнула девочка и чуть не задушила ворона поцелуями.

— Потихи, потихи! — сказал ворон. — Я думаю, что это был твой Кай. Но теперь он, верно, забыл тебя со своей принцессой!

— Разве он живет у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай, — сказал ворон. — Только мне ужасно трудно говорить по-вашему. Вот если бы ты понимало по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всем куда лучше.

— Нет, этому меня не учили, — сказала Герда. — Бабушка, та понимает. Хорошо бы и мне уметь!

— Ну ничего, — сказал ворон. — Расскажу, как сумею, хоть и плохо.

И он рассказал обо всем, что сам знал:

Дверь была заперта, но Герда так долго шатала ржавый засов, что он поддался, дверь отворилась, и девочка так босоножкой и пустилась бежать по дороге. Раз три оглядывалась она назад, но никто не гнался за нею. Наконец, она устала, присела на камень и огляделась кругом: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень, а в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времен года, этого не было заметно.

— Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! — сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как ныли ее бедные, усталые ножки! Как холодно, сыро было вокруг! Длинные листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю, листья так и сыпались. Один терновник стоял, весь покрытый вяжущими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым казался весь мир!

— В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты на свете и позабыла все, что в них прочла, — вот какая умница! Раз как-то сидела она на троне — а веселья-то в этом ведь немного, как говорят люди, — и напевала песенку: «Отчего же бы мне не выйти замуж?» «А ведь и в самом деле!» — подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья она хотела выбрать себе такого человека, который бы сумел отвечать, когда с ним заговорят, а не такого, что умел бы только важничать, — это ведь так скучно! И вот барабанным боем созвали всех придворных дам и объявили им волю принцессы. Все они были очень довольны и сказали: «Вот это нам нравится! Мы и сами недавно об этом думали!» Все это истинная правда! — прибавил ворон. — У меня при дворе есть невеста — она ручная, — от нее-то я и знаю все это.

Невестою его была ворона. Ведь каждый ищет себе жену под стать, и ворон выбрал поэтому ворону.

— На другой день все газеты вышли с каймой из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя вполне свободно, принцесса изберет себе в мужья! Да, да! — повторил ворон. — Все

это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобою! Народ повалил во дворец валом, пошла давка и толкотня, но толку не вышло никакого ни в первый, ни во второй день. На улице все женихи говорили отлично, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию всю в серебре, а лакеев в золоте и вступить в огромные, залитые светом залы, как их брала оторопь. Подступят к трону, где сидит принцесса, да и повторяют только ее же последние слова, а ей вовсе не этого было нужно! Право, их всех точно опаивали дурманом! А вот, выйдя за ворота, она опять обретала дар слова. От самых ворот до дверей дворца тянулся длинный-длинный хвост женихов. Я сам был там и видел! Женихам хотелось есть и пить, но из дворца им не давали даже стакан воды. Правда, кто был поумнее, запасся бутербродами, но запасливее уж не делились с соседями, думая про себя: «Пусть себе выглядят голодными — принцесса и не возьмет их!»

— Ну, а Кай-то, Кай? — спросила Герда, — Когда же он явился? И он пришел свататься?

— Постой! Постой! Теперь мы как раз дошли и до него! На третий день явился небольшой человечек, ни в карете, ни верхом, а просто пешком, и прямо вошел во дворец. Глаза его блестели как твои; волосы у него были длинные, но одет он был бедно.

— Это Кай! — обрадовалась Герда. — Я нашла его! — и она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка! — продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его саночки! сказала Герда. — Он ушел из дому с санками.

— Очень возможно, — сказал ворон. — Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста рассказывала мне, что, войдя в дворцовые ворота и увидав гвардию в серебре, а на лестницах лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, кивнул головою и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут на лестнице, я лучше войду в комнаты!» Залы все были залиты светом; тайные советники и превосходительства расхаживали без сапог, разнося золотые блюда, — торжественнее уж нельзя было! А его сапоги громко скрипели, но он этим не смущался.

— Это, наверно, Кай! — воскликнула Герда. — Я знаю, что на нем были новые сапоги! Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке!

— Да, они-таки скрипели порядком, —

продолжал ворон. — Но он смело подошел к принцессе; она сидела на жемчужине, величинею с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы со своими служанками и служанками служанок и кавалеры с камердинерами, слугами камердинеров и прислужниками камердинерских слуг. Чем ближе кто-нибудь стоял к дверям, тем важнее, надменнее держался. На прислужника камердинерских слуг, стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без страха, такой он был важный!

— Вот страх-то! — сказала Герда. — А Кай все-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и помолвлен. Он вступил с принцессой в беседу и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи, — так, по крайней мере, сказала мне моя ручная невеста. Держался он вообще очень свободно и мило и заявил, что пришел не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну вот, она ему понравилась, он ей тоже.

— Да, да, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да еще с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать, — отвечал ворон, — да как это сделать? Постой, я поговорю с моею ручной невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то пускают таких девочек!

— Меня впустят! — сказала Герда. — Когда Кай услышит, что я тут, он сейчас же прибежит за мною.

— Подожди меня тут, у решетки, — сказал ворон, повертел головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и заркаркал:

— Кар, кар! Моя невеста шлет тебе тысячу поклонов и вот этот маленький хлебец. Она стащила его в кухне — там их много, а ты, верно, голодна!.. Ну, во дворец тебе не попасть; ты ведь босая — гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты все-таки попадешь туда. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с черного хода, и знает, где достать ключ.

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, где один за другим падали осенние листья, и когда все огоньки в дворцовых окнах погасли, ворон провел девочку в маленькую полуотворенную дверцу.

О, как билось сердечко Герды от страха и нетерпения! Она точно собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли ее Кай! Да, да, он, верно, здесь! Она так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы; она ясно видела, как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз. Он, вероятно, обрадуется, когда увидит ее, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, и узнает, как горевали о нем все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости!

Но вот они и на площадке лестницы; на шкафу горела лампочка, а на полу сидела ручная ворона и осматривалась по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила ее бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, барышня! — сказала ручная ворона. — И ваша «vita»¹, как это принято называть, также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперед. Мы пойдем прямою дорогой, тут мы никого не встретим.

— А мне кажется, кто-то идет за нами, — сказала Герда, и в ту же минуту мимо нее с легким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы кавалеры верхами.

— Это сны! — сказала ручная ворона. — Они являются унести мысли высоких особ на охоту. Тем лучше для нас: удобнее будет рассмотреть спящих. Надеюсь, однако, что, войдя в честь, вы покажете, что у вас благородное сердце!

— Есть о чем говорить! Само собою разумеется! — сказал лесной ворон.

Тут они вошли в первую залу, где стены были обиты розовым атласом, затканном цветами. Мимо девочки опять пронесли сны, но так быстро, что она не успела и рассмотреть всадников. Одна зала была величественнее другой. Герда была совсем ослеплена этой роскошью. Наконец, они дошли до спальни: потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стебель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая — красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела темнорусый затылок. Это Кай! Она громко назва-

ла его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!

Принц походил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для нее вороны.

— Ах ты, бедняжка! — сказали принц и принцесса, похвалили ворон, объявили, что ничуть не сердятся на них — только пусть они не делают этого впредь, — и захотели даже наградить их.

— Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность придворных ворон, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороною поклонились и попросили должности при дворе — они подумали о старости и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде; больше он пока ничего не мог для нее сделать. А она сложила ручки и подумала: «Как добры все люди и животные!» — закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, они везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головою. Увы, все это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

На другой день ее одели с ног до головы в шолк и бархат и позволили ей оставаться во дворце, сколько она пожелает. Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но она прогостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошастью и пару башмаков: она опять хотела пуститься разскивать по белу свету своего названного братца.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подехала карета из чистого золота с сияющими как звезды гербами принца и принцессы; у кучера, лакеев и форейторов — ей дали и форейторов — красовались на головах маленькие золотые короны. Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути. Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею: он не мог ехать, сидя спиной к лошадам. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не ехала провожать Герду потому, что страдала головными болями, с тех пор как

¹ Жизнь (по-латински).

получила должность при дворе и слишком много ела. Карета битком была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай, прощай! — закричали принц и принцесса.

История пятая. Маленькая разбойница

Вот Герда в'ехала в темный лес, но карета горела как жар, она резала разбойниками глаза, и они этого не потерпели.

«Золото! Золото!» — закричали они, схватили лошадей под уздцы, убили маленьких жокеев, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь, какая славенькая, жирненькая! Орешками откормлена! — сказала старуха-разбойница с длинной жесткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями. — Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый сверкающий нож. Вот ужас!

— Ай! — закричала она вдруг: ее укусила за ухо ее собственная дочка, которая сидела у нее за спиной и была такая необузданная и своевольная, что люблю!

— Ах, ты, дрянная девчонка! — закричала мать, но убить Герду не успела.

— Она будет играть со мной, — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, свое хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте. Разбойники захохотали.

— Ишь, как пляшет со своей девчонкой!

— Я хочу сесть в карету! — закричала маленькая разбойница и настояла на своем: она была ужасно избалована и упряма.

Они уеслись с Гердой в карету и помчались по пням и по кочкам в чащу леса. Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у нее были совсем черные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя. Ты, верно, принцесса?

— Нет, — отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьезно поглядела на нее, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я и

Герда заплакала, ворона тоже. Так проехали они первые три мили. Тут простился с девочкой и ворон. Тяжелое было расставанье! Ворон взлетел на дерево и махал черными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая как солнце, не скрылась из виду.

рассержусь на тебя: я лучше сама убью тебя!

И она отерла слезы Герде, а потом спрятала обе руки в ее хорошенькую мягкую и теплую муфточку.

Вот карета остановилась; они в'ехали во двор разбойничьего замка. Он весь был в огромных трещинах; из них вылетали вороны и воронки; откуда-то выскочили огромные бульдоги; казалось, каждый из них легко проглотит человека, но они только высоко подпрыгивали в воздух и даже не лаяли: это было запрещено.

Посреди огромной залы с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом пылал огонь; дым подымался к потолку и сам должен был искать себе выхода; над огнем кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца, — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Пovyше сидело на жердочках больше сотни голубей; все они, казалось, спали, но когда девочки подошли, слегка зашевелились.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так тряхнула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя Герде прямо в лицо. — А вот тут сидят лесные плутишки, — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянную решотку. — Эти двое — лесные плутишки. Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина-башка! — И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем, медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерет! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом — он смерть этого боится.

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное жи-

вотное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Разве ты спишь с ножом? — спросила ее Герда, покосившись на острый нож.

— Всегда! — отвечала маленькая разбойница. — Как знать, что может случиться! Но Расскажи мне еще раз о Кае и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету.

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали; маленькая разбойница обвила одной рукой шею Герды — в другой у нее был нож — и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьет ее или оставит в живых. Разбойники сидели вокруг огня, пели песни и пили, а старуха-разбойница кувыр-калась. Страшно было глядеть на это бедной девочке.

Вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, еще лежали в гнезде; онадохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих. Курр! Курр!

— Что вы говорите? — воскликнула Герда. — Куда же полетела Снежная королева? Знаете?

— Она полетела, наверно, в Лапландию: там ведь вечный снег и лед. Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи.

— Да, там вечный снег и лед — чудо как хорошо! — сказал северный олень. — Там прыгаешь себе на воле по огромным блестящим, ледяным равнинам! Там раскинут легкий шатер Снежной королевы, а постоянные ее чертоги у Северного полюса, на острове Шпицбергене.

— О Кай, мой милый Кай! — вздохнула Герда.

— Лежи же смирно, — сказала маленькая разбойница. — Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьезно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она затем у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне! — отвечал олень, и глаза его заблестели. — Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам.

— Так слушай, — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, все наши уши; дома одна мать; немного погодя она хлеб-

нет из большой бутылки и вздремнет — тогда я кое-что сделаю для тебя.

Тут девочка вскочила с постели, обняла мать, дернула ее за бороду и сказала:

— Здравствуй, мой маленький козлик!

А мать надавала ей по носу щелчков, так что нос у девочки покраснел и посинел, но все это делалось любви.

Потом, когда старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Еще долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочат острым ножом. Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выгушу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отнести ко дворцу Снежной королевы вот эту девочку: там ее названный брат. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала ее ради осторожности и даже подсунила под нее мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть, — сказала она затем, — возьми назад свои меховые сапожки: будет тебе холодно! А муфту уж я оставлю себе: больно она хороша. Но мерзнуть я тебе не дам; вот огромные рукавицы моей матери, они дойдут тебе до самых локтей. Сунь в них руки! Ну вот, теперь руками ты похожа на мою безобразную мать.

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут! — сказала маленькая разбойница. — Теперь ты должна радоваться. Вот тебе еще два хлеба и окорок.

И то и другое было привязано к оленю. Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом веревку, которою был привязан олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да береги девочку.

Герда протянула маленького разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки, по лесу, по болотам и степям. Волки выли, вороны каркали. «Уф! Уф!» послышалось вдруг с неба, оно словно захихало огнем.

— Вот мое родное северное сияние! — сказал олень. — Гляди, как горит!

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот они очутились в Лапландии.

Олень остановился у жалкой избушки; крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в нее на четвереньках. Дома была одна старуха-лапландка, жарившая при свете жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную: она казалась ему гораздо важнее. Герда же так околела от холода, что и говорить не могла.

— Ах вы, бедняги! — сказала лапландка. — Долгий же вам еще предстоит путь! Придется сделать сто миль с лишним, пока доберетесь до Финляндии, где Снежная королева живет на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу два слова на сушеной треске — бумаги у меня нет, — а вы несете ее финке, которая живет в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала два слова на сушеной треске, велела Герде хорошо беречь ее, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался. «Уф! Уф!» слышалось опять с неба, и оно стало выбрасывать столбы чудесного голубого пламени. Так добежал олень с Гердой и до Финляндии и постучался в дымовую трубу финки: у нее и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в ее жилье! Сама финка, низенькая, грязная женщина, ходила полуголая. Живо стащила она с Герды все: платье, рукавицы и сапоги — иначе девочке было бы чересчур жарко, — положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написано на сушеной треске. Она прочла все от слова до слова три раза, пока не заучила наизусть, и потом сунула треску в котел с супом: рыба ведь еще годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка мигала своими умными глазами, но не говорила ни слова.

— Ты такая мудрая женщина, — сказал олень. — Я знаю, что ты можешь связать одной ниткой все четыре ветра; когда шкипер развяжет один, — подует попутный ветер, развяжет другой, — погода разыграется, а развяжет третий и четвертый, — подымется такая буря, что деревья затрещат. Не изготовишь ли ты для девочки такого питья, которое бы дало ей силу двенадцати

богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву.

— Силу двенадцати богатырей! — сказала финка. — Да много ли в этом толку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: на нем стояли какие-то удивительные письмена; финка принялась читать их и читала до того, что пот градом покатился с ее лба.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими, полными слез глазами, что та опять заморгала, отвела оленя в сторону и, переменяя ему на голове лед, шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше ему нигде и быть не может. Причиной же всему осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их надо удалить, иначе он никогда не будет человеком и Снежная королева сохранит над ним свою власть.

— А не можешь ли ты дать Герде что-нибудь такое, что сделает ее сильнее всех?

— Сильнее, чем она есть, я не могу ее сделать. Не видишь разве, как велика ее сила? Не видишь, что ей служат и люди и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Но она не должна от нас узнать о своей силе, что живет в ее сердце, ее сила в том, что она невинный, милый ребенок. Если она сама не сможет проникнуть в чертоги Снежной королевы и извлечь из сердца Кая осколки, то мы и подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, спусти у большого куста, покрытого красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно!

С этими словами финка посадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ай, я без теплых сапог! Ай, я без рукавиц! — закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами; тут он спустил девочку, поцеловал ее в самые губы, и по щекам его покатались крупные блестящие слезы. Затем он стрелой пустился назад. Бедная девочка осталась одна на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперед, что было мочи; на встречу ей несся целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба — небо

Олень бросился бежать со всех ног.

было совсем ясное, и на нем пылало северное сияние, — нет, они бежали по земле прямо на Герду и по мере приближения становились все крупнее и крупнее. Герда вспомнила большие, красивые хлопья под зажигательным стеклом, но эти были больше, страшнее, самых удивительных видов и форм и все живые. Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Одни напоминали стоголовых змей, другие — толстых медвежат с взъерошенною шерстью. Но все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Герда принялась читать «Отче наш»; было так холодно, что дыхание девочки сейчас же превращалось в густой туман. Туман

этот все сгущался и сгушался, и вот из него начали выделяться маленькие светлые духи, которые, ступив на землю, вырастали в больших грозных духов со шлемами на головах и копытами и щитами в руках. Число их все прибывало, и когда Герда окончила молитву, вокруг нее образовался уже целый легион. Духи приняли снежных страшилищ на копыта, и те рассыпались на тысячу кусков. Герда могла теперь смело идти вперед; ей не было уже так холодно. Наконец, девочка добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что было в это время с Каем. Он и не думал о Герде, а уж меньше всего — о том, что она готова войти к нему.

История седьмая. Что случилось в чертогах Снежной королевы, и что случилось потом

Стенами чертогов были снежные метели, окнами и дверьми были буйные ветры. Сотни огромных зал, смотря по тому, как наметала их вьюга, тянулись одна за другой, все они были освещены северным сиянием, и самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах! Ве-

селье никогда и не заглядывало сюда! Никогда не устраивались здесь медвежьи балы с танцами под музыку бури, в которых могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи; никогда не составлялись партии в карты с ссорами и дракою, и не сходились на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки-лиси-

ки — нет, никогда никого! Холодно, пустынно, мертво и грандиозно! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую минуту свет усилится и в какую ослабеет. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замерзшее озеро. Лед треснул на нем на тысячи кусков, таких одинаковых и правильных, что это казалось каким-то фокусом. Посреди озера восседала Снежная королева, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по ее мнению, это было единственное и лучшее зеркало на свете.

Кай совсем поспинел, почти почернел от холода, но не замечал этого: поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и самое сердце его было куском льда. Кай возился с плоскими острокопечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть ведь такая игра — складывание фигур из деревянных дощечек, которая называется «китайской головоломкой». Кай тоже складывал разные затейливые фигуры, но из льдин, и это называлось «ледяной игрой разума». В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первостепенной важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала! Он складывал из льдин и целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, слова «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков». Но он никак не мог его сложить.

— Теперь я полечу в теплые края, — сказала Снежная королева. — Загляну в черные котлы.

Котлами она называла кратеры огнедышащих гор — Везувию и Этны.

— Я побелю их немножко. Это хорошо после лимонов и винограда.

И она улетела, а Кай остался один в необозримой, пустынной зале, смотрел на льдины и все думал, думал так, что в голове у него трещало. Он сидел на одном месте, такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он замерз.

В это-то время в огромные ворота, в которые вечно дули буйные ветры, входила Герда. Она вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидела Кая. Она тотчас узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

— Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел все такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слезы ее упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколок.

Кай вдруг залился слезами и плакал так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и обрадовался:

— Герда! Милая моя Герда! Где же это ты была так долго? Где был я сам? — и он оглянулся вокруг. — Как здесь холодно, пустынно!

И он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость была такая, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева; сложив его, он мог сделаться сам себе господином да еще получить от нее в дар весь свет и пару новых коньков.

Герда поцеловала Кая в обе щеки — и они опять защекали розами, поцеловала его в глаза — и они заблистали, как ее; поцеловала его руки и ноги — и он опять стал бодрым и здоровым. Кай ничуть не страшился прибытия Снежной королевы: его отпуская лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из ледяных чертогов; они шли и говорили о бабушке, о розах, что цвели дома, на чердаке, и на пути их стихали буйные ветры, проглядывало солнце. Когда же они дошли до куста с красными ягодами, там уже ждал их северный олень. Он привел с собой молодую оленью матку; вымя ее было полно молока; она напоила им Кая и Герду и поцеловала их в губы. Затем Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у нее и узнали дорогу домой, а потом — к лапландке; та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Оленья парочка тоже провожала молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с оленями и с лапландкой.

Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья покрылись зелеными почками. Из лесу навстречу путникам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в яркочерной шапочке и с пистолетами за поясом. Герда сразу узнала и лошадь — она была когда-то впряжена в золотую карету — и девушку. Это была маленькая разбойница; ей наскучило жить до-

ма, и она захотела побывать на севере, а если там не понравится, то и в других частях света. Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

— Ишь ты, бродяга! — сказала она Каю. — Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света?!

Но Герда потрепала ее по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края, — отвечала молодая разбойница.

— А ворон? — спросила Герда.

— Лесной ворон умер; ручная ворона осталась вдовой, ходит с черной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но все это пустяки, а ты вот Расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла его.

Герда и Кай рассказали ей обо всем.

— Ну вот и сказке конец! — сказала молодая разбойница, пожала им руки и обещала навестить их, если когда-нибудь за-

едет в их город. Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда — своей. Они шли, и по дороге расцветали весенние цветы, зеленела травка. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольни своего родного города. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где все было по-старому: маятник все так же стучал «тик-так», и стрелка двигалась по циферблату. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что стали взрослыми людьми. Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы было забыто ими, как тяжелый сон.

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душой, а на дворе стояло теплое, благодатное лето!

ПОСЛЕДНИЕ ВЕСТИ ИЗ НАУК
БИОЛОГИЧЕСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ТЕХНИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ

З О О Л О Г И Я

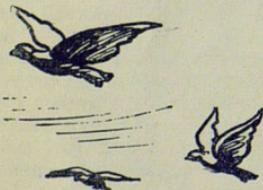
Живые радиоприемники

В комнату, наполненную табачным дымом, посадили в коробке самку ночной бабочки — бражника. И через несколько минут в комнату через растворенную форточку стали слетаться бражники-самцы. Они учуяли ее сквозь клубы табачного дыма, через узенькую форточку, на расстоянии сотен метров! Каким нюхом должны для этого обладать бражники, нам и вообразить трудно.

Кошки и собаки слышат звуки и шорохи, беззвучные для человеческого уха. Глаза соколов и орлов скорее можно сравнить с нашими биноклями.

Некоторые животные ощущают и такие явления в окружающем нас мире, которые для нас остаются совсем неощутимыми.

Только радиоприемник сообщает нам, что мимо нас проносятся радиоволны. Никак решительно: ни слухом, ни зрением, ни осязанием, ни обонянием — мы не могли бы обнаружить их сами.

Но вот в Америке сделали такой опыт. Выпустили почтовых голубей во время работы коротковолнового передатчика. И голуби беспомощно закружились. Они не могли найти знакомую дорогу домой. В конце концов они разыскали ее, но им потребовался почти час, чтобы пролететь 15 километров до своего «дома» вместо обычных 20 минут.

Американскими опытами заинтересовались военные. Выходит, на старых, испытанных «почталюнов»-голубей на войне больше уже не придется полагаться: ведь весь эфир над фронтами теперь пронизан радиоволнами!

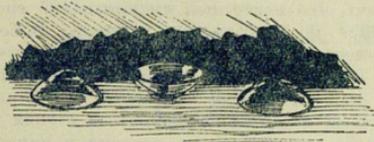
Но и биологам крайне интересны эти опыты. Как, какими органами воспринимают голуби радиоволны? И почему они мешают им узнать знакомую дорогу? Влияют ли они на зрение голубей? Или на их нервную систему? И как вообще радиоволны могут влиять на живые существа?

Дальнейшие исследования должны дать ответ на все эти важные и интересные вопросы.

«Невидимые» очки

Как трудно приходится близоруким или дальнозорким людям в дождливую погоду! Очки запотевают. Сквозь мокрые стекла окружающие предметы кажутся расплывчатыми или искаженными. В такую погоду хоть снимай очки!

Сейчас в США изобретены «невидимые» очки. Они совсем не похожи на обычные очки — огромные, круглые или восьмигранные стекла в роговой оправе, придающие торжественно важный вид всякому, кто их наденет. Невидимые очки состоят из микроскопической линзы такой же величины, как глазной зрачок. Эта линза вделана в чашечку из особого стекла, которая очень точно пригоняется к поверхности глаза. Приподымают веко, вводят под него чашечку, и... очки надеты. Человек, надевший «невидимые» очки, их совсем не чувствует, а для

посторонних они вовсе не заметны. Но особенное их преимущество в том, что они никогда не запотевают — в них можно без всяких неудобств плавать, играть в хоккей, ходить на лыжах. Известно, как трудно заниматься этими видами спорта тем, кто носит обычные очки.

«Невидимые» очки оказалось возможным изготовить только потому, что теперь построены станки, шлифующие линзы и чашечки с точностью до пяти сотых миллиметра.

Французский журнал «Природа» сообщает, что в невидимых очках в США ходят 3 тысячи человек.

«Солнечный» паровоз и «солнечный» самолет

Среди раскаленных песков Средней Азии мчится поезд. Но удивительная вещь! Вот уже вторую тысячу километров он не набирает топлива, а за паровозом нет даже тендера. Да и дыма совсем не видно над этим странным поездом. Впрочем, и взялся дыму неоткуда: у паровоза нет трубы, а под kloкочущим котлом ничего не горит: нет у нашего необычайного паровоза и топки. Но что же кипятит воду в котле? Что превращает ее в пар?

— Солнечные лучи!

Крыша паровоза и вагонов покрыта вогнутыми зеркалами. Они собирают лучи на трубках с особой жидкостью и нагревают ее до нескольких сот градусов.

Трубки идут в котел, и протекающая по ним раскаленная жидкость, вскипятив воду, возвращается обратно под жгучие лучи солнца.

Одним словом, на нашем поезде поставлена солнечная машина.

Отработанный пар также не выходит в воздух, а идет в тендер-конденсатор. Там он остывает, снова превращается в воду и опять поступает в котел.

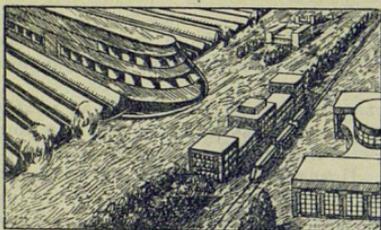
Выходит, что наш поезд не тратит ни нефти, ни угля, ни дров, ни воды. Ему не нужно терять времени на пополнение запасов, и он может пройти без остановки не 50 — 60 километров, как обычный товарный паровоз, а во много раз больше.

А чтобы наш поезд не останавливался ночью или когда солнце закрывает облака, на нем установлены тепловые аккумуляторы в виде термосов:

в них накапливается раскаленная жидкость, чтобы, когда нужно, поступить в обогревательные трубки котла.

Но где же ходят такие необычайные поезда? Нельзя ли достать на них билет.

Нет, пока еще нельзя. «Солнечный» паровоз не существует еще на железных дорогах. Но вот «Нью-Йорк таймс» сообщает, что известный американский специалист по солнечным машинам Эббот уже построил модель паровоза с солнечной машиной. Эббот утверждает, что по

его чертежам можно строить такие машины любой мощности и в странах, где много солнца и мало облачных дней, в необозримых степях и безводных пустынях юга, «солнечный» паровоз скоро вступит в конкуренцию с обычными паровозами, требующими много топлива и воды.

Но не только на паровозе солнечному двигателю предстоит, по мнению многих крупнейших техников, большая будущность. Инженеры всего мира сейчас работают над аппаратом, которому наверняка придется работать там, где облака никогда не закрывают солнца. Этот аппарат — стратоплан.

Пройдет, быть может, еще немного лет, и мы с вами сможем приобрести билеты на один из рейсов «солнечного» стратоплана. Вместо моторов, плохо работающих в разреженном воздухе высот, на нем будет установлена паровая турбина. На старте раскаленная заранее «солнечная жидкость» будет наливаться в термосы как и в «солнечном» паровозе, она пойдет по трубкам в паровые котлы.

Стратоплан еще не успеет истратить запасов жидкости в термосах, как последние слои облаков останутся уже внизу. Солнечные лучи упадут на крылья, полированная поверхность образует десятки вогнутых зеркала, и солнечная машина начнет работать.

Техники уже работают над первыми, примерными проектами «солнечного» стратоплана. Недалекое будущее покажет, в какой мере их удастся осуществить.

А С Т Р О Н О М И Я

Новые химические элементы на солнце

Земля некогда отделилась от солнца. Все те вещества, какие есть на земле, должны, несомненно, находиться и на солнце: ведь мы живем на остывшем и отвердевшем куске солнца! Между тем астрономы до последнего времени так и не могли найти на солнце множества элементов, хорошо известных на земле. Понятно, с какой настойчивостью они продолжали поиски: если бы на солнце этих элементов не было вовсе, то это было бы фактом необъяснимым.

И вот сейчас получено сообщение, что американские астрономы открыли на солнце еще 3 химических элемента, о которых раньше думали, что их там нет: осмий, иридий и туллий.

Теперь из 92 химических элементов 61 уже найден на солнце.

Но как вообще можно открыть какие бы то ни было элементы на солнце? Ведь химик не может забраться туда со своими ретортами.

Роль химиков исполняют астрономы, а пробирки заменяет солнечный спектр — тот самый, который образует всем известную радугу. Этот спектр исследуется с помощью специальных приборов. Каждый химический элемент имеет в спектре одному ему свойственные линии и полосы.

Радуга оказалась настолько сложна, что до сих пор ученые не изучили ее до конца. Открытие американских ученых показывает, что исследователей солнечного спектра все еще ждут необычайные находки.

ПАЛЕОНТОЛОГИЯ

Самые древние рыбы на земле

На реке Сясь, в Ленинградской области, экспедиция Палеонтологического института Академии наук СССР обнаружила кладбище древних рыб. В плотной породе, словно в отличной упаковке, пролежали сотни миллионов лет скелеты древнейших и удивительнейших рыб на земле — панцирных. Их голову и туловище покрывал панцирь. Но никогда ученые не находили «хвостового» пинцера. Их хвост, очевидно, был голым.

И это позволило разгадать их образ жизни. Это были ленивые и малоподвижные жители прибрежной полосы, часами лежавшие на месте, зарывшись хвостом в ил, которым они, должно быть, и питались. Окаменевший ил и сохранил нам их остатки.

Недалеко от кладбища панцирных рыб палеонтологи нашли в том же окаменевшем иле кости и других, не менее удивительных рыб, процветавших тогда, когда панцирные уже вымирали. Это кистеперые рыбы.

Остатки их и сейчас доживают на земле. В те времена их было гораздо больше. Они были такими же плохими пловцами, как и панцирные рыбы. Открытое море, захваченное акулами и гигантскими спрутами, было не для них. Они также жались к берегу, ползая в прибрежном иле.

У некоторых из древних кистеперых плавники уже почти не были похожи на плавники. Они, скорее, напоминали что-то среднее между плавником и неуклюжей лапой или ластом, где, подобно пальцам, торчали костяные лучи.

И вот эти рыбы, удивительные и жалкие, особенно интересны ученым. Со своими плавниками-ластами они могли выбираться на сушу и неуклюже тащиться от лужи к луже, когда высыхали прибрежные мелководья во время великой суши, надвинувшейся на землю в девонскую эпоху.

Предполагают, что эти кистеперые и были предками всех наземных позвоночных четвероногих животных, следовательно, пра-пра-пра-предками и нас с вами.

Куски окаменевшего ила с заключенными в них рыбьими костями перевезены сейчас в Палеонтологический институт. Там ученые примутся за кропотливую, долгую и сложную работу отделения от породы этих костей, ставших такими хрупкими за сотни миллионов лет, что они рассыпаются от малейшего неосторожного прикосновения.

Бой с огнем

Н. Розенкоп

Пожар пожару рознь

Старые пожарные говорят, что двух одинаковых пожаров не бывает. Даже один и тот же дом может гореть по-разному. На чердаке, где много воздуха и большая тяга, искра сразу разгорается в огромное пламя. Огонь поползет по крышам, по карнизам, перекинется на соседний дом.

А в подвале огонь разгорается медленно, долго тлеет. Помещение заполняется густым едким дымом. Стекла становятся черными, словно их нарочно закоптили. Из-за дыма не видно даже, где горит. Если дым не выпустить, то тушить пожар нельзя.

Ночью страшны даже небольшие пожары. Кругом темно, тишина, все спят, при первом крике «Горим!» люди начинают метаться по комнатам, выхода найти не могут, готовы кидаться через окно хоть с восьмого этажа. Другие спрячутся куда-нибудь и молчат. Пожарные это хорошо знают. Они смотрят под кровати, раскрывают шкафы, заглядывают за портьеры, ищут, не спрятался ли кто-нибудь. Мало ли куда со страху может залезть человек.

В мороз тушить пожар трудно: вода замерзает, одежда покрывается ледяной коркой. На скользких, обмерзших лестницах не устоишь. Того и гляди сорвешься.

В ветреную погоду длинные огненные языки дотягиваются до соседних домов.

В больших, просторных помещениях, в театрах, в кино, пожар свирепствует как ураган. Поднимается страшный ветер, он срывает двери с петель, выбивает стекла из окон, он бушует так, что самая сильная струя воды, направленная в огонь, встретив стремительный поток раскаленного воздуха, рассыпается мелкими брызгами.

Оттого что один пожар непохож на другой, и тушить их надо по-разному. Это целая наука.

У пожарных много разных приспособлений: лестниц, стволов, топоров, багров. Для каждого дела свой инструмент.

Механическая лестница — это для высоких домов. Она прикреплена к автомобилю, и управляет ею шофер. В сложенном виде она занимает немного места; если ее выпрямить, она достает до крыши самого высокого дома. Но случается, что автомобиль

не может под'ехать к горящему дому, а на крышу все-таки влезть нужно. Тогда берут небольшую, четырехметровую штурмовку с металлическим зубом на конце.

Этим зубом штурмовка цепляется за подоконник, пожарный лезет по ней, потом закидывает ее на другой этаж и так с этажа на этаж добирается до самого верха.

Иногда лестница может понадобиться внутри горящего здания. Для этого есть лестница-палка, она легкая и в сложенном виде действительно похожа на палку. Взял ее подмышку и побежал. А раздвинуть ее можно в секунду.

Ствол — это наконечник, который навинчивается на рукав. Они бывают металлические и резиновые. Почти на всех пожарах нужны металлические стволы; только когда горит под полом, берут резиновый ствол; он легко сгибается, и его можно просунуть куда угодно.

Для того чтобы решить, как и чем тушить пожар, надо узнать, какой это пожар. А узнать это не так-то просто.

Разведчики

Обычно, когда человек звонит в пожарную охрану, он бывает так взволнован, что даже забывает свой адрес. Кричит: «Приезжайте скорее, горим!»,— а куда надо приехать, не говорит. Конечно, от него не узнаешь, что там горит. Да и некогда долго разговаривать: огонь не ждет.

Снаружи тоже не определишь, что и где горит. Бывает, что дым валит из окна на фасаде дома, а горит где-нибудь в подвале. Надо узнать, откуда пошел огонь, что горит, не остались ли в огне люди. В разведку идет начальник смены.

Разведчиком может быть только очень опытный пожарный. Разведчики хорошо знают хитрости огня и быстро определяют, каков пожар. Разведка — самое опасное дело. Когда разведчик идет в дом, ему совершенно неизвестно, что там происходит. У него под ногами может неожиданно провалиться пол, могут обрушиться стены или произойти взрыв.

Самое опасное для разведчика — потерять дорогу и задохнуться в дыму. Однажды был такой случай. Загорелась обойная мастерская. Она находилась в конце длинного коридора. Дым в коридоре стоял такой, что на расстоянии шага нельзя было ничего разглядеть. Горела вага, дым был темный, едкий, он душил и валил человека с ног, не

Пожарный наматал карабин на веревку и спускается вниз.

возможно было ему противостоять, но в разведку пошел Гурьев. Это такой человек, что он может ползть в самое пекло, если нужно. Он уже двадцать лет работает пожарным и столько пожаров потушил, что и не сосчитаешь. А на вид это самый обыкновенный человек: невысокого роста, коренастый, лысый. Он постучал топором по полу, слышит гулкий звук, — значит, под полом не горит, смело можно идти вперед; ощупал стены — холодные, тоже неопасно. От дыма у него закружилась голова, он стал задыхаться. Прошел он уже много, а дым был все еще холодный. Гурьев знает: чем ближе к очагу пожара, тем дым теплее; а теплый дым никогда не бывает таким удушливым, как холодный. Он понял, что до мастерской еще далеко, коридор длинный, выбежал на улицу, надел «КИП» и побежал обратно. «КИП» — это кислородный прибор. Гурьев добежал до мастерской, она пылала. Там стояли тюки с ватой. Гурьев стал искать, не остались ли кто-нибудь в комнате, осмотрел все тюки и заблудился среди них, потерял дорогу обратно. Никак

Ствольщики наступают со всех сторон.

не может вспомнить, где выход. В дыму дверь не разглядишь, окна еле-еле заметны. Он хотел пробраться по стене. Но стены тоже горели. Тогда он решил выпрыгнуть в окно, хотя пожар был на третьем этаже. Он подбежал к окну и вдруг вспомнил, что дверь была напротив окна. Но против какого окна, он не помнил. Когда он нашел выход, у него уже горела одежда. Вот какие случаи бывают на разведке.

Бывает и так, что дым валит клубами, а огня нет. Пока огонь не найден, пожар тушить нельзя. Заливать водой надо ведь огонь, а не дым.

Такой случай был в одном доме на Ленинградском шоссе, в Москве. Туда приехала 11-я команда. Начальник смены Герасимов — худой, высокий, длинноногий человек — побежал в разведку. Вбежал в парадное, видит: дым идет откуда-то сверху и стелется по лестнице. Герасимов это удивило: значит уж очень много дыма скопилось в одном месте, если он спустился вниз.

Он взбежал на чердак, перескакивая чуть ли не через десять ступенек. Чердак был тоже полон дыма, но огня и там не видно. Герасимов обшарил все углы, решил ломать стену. Вытащил свой топорик, взломал стену — нет, не видно огня. Он полез на крышу. Но и на крыше огня не было. Герасимов осмотрелся вокруг и увидел, что из слухового окна соседнего дома валит дым. Герасимов в один миг перебрался на соседнюю крышу, залез на чердак. Но и тут ничего не нашел, только дым здесь был еще гуще.

«Пожар в этом доме», — решил Герасимов и побежал в квартиру под чердаком.

Там, на потолке, он увидел желтые пятна.

Неопытный человек, конечно, не заметил бы этих пятен, а Герасимов понятно: огонь между потолком и полом. Взломали потолок, и оттуда сразу посыпались искры, вырвался огонь. Оказалось, что там тлели опилки. Когда потолок взломали, туда ворвался воздух, и они сразу вспыхнули.

Всю разведку Герасимов провел в несколько минут. За эти минуты он успел сделать столько, что другой не успеет за целый час: обшарил все углы в доме, раз пять взбирался по лестнице и спускался вниз, перелез с крыши на крышу, взломал стену и потолок. И ведь не просто лазил и ломал, а разведывал, искал, где спрятался огонь.

Ноги у Герасимова длинные, он бегаёт хорошо, ловкий человек. Но ведь дело-то не в одной ловкости. Можно сто раз пробежать по одной лестнице и ничего не увидеть. У Герасимова зоркие глаза. Он с удивительной точностью может рассказать про комнату, в которой пробыв несколько секунд: с правой стороны дверь, напротив — окно, около окна — стол. Можно не поверять: Герасимов не ошибётся. Это вошло уже в привычку — все наблюдать. Он настоящий разведчик.

В атаку

Что страшнее: дым или огонь? Неопытные люди скажут: «Конечно, огонь». Но пожарный так не ответит. Он сначала спросит, что горело. Бывает так, что и дым страшнее огня: он душит людей. Чтобы выпустить дым, надо сломать крышу. Но тогда в комнату проникнет воздух и даже маленький огонь может разгореться в огромный пожар. Это знают все пожарные и всегда к этому готовы.

Огонь ищет лазейку, он проползает среди щелей, прячется под полом и вдруг вырывается в самом неожиданном месте. Если на войне решено окружить врага и одна из частей вовремя не подойдет, то весь план окружения может сорваться. Так и здесь. Если бойцы идут в наступление на пожар со всех сторон и один из них замедлит, то

огонь сам перейдет в наступление и отрезает выход другим.

Расставить бойцов—дело начальника. Это нелегко. Боец должен всегда идти навстречу ветру и огню. Но за спиной ветра могут лежать легко воспламеняющиеся материалы: стружки, сухие доски, нефть, бензин. Стоит ветру переменить свое направление, и они вспыхнут. Начальник должен это предвидеть.

В атаке пожара есть правило — идти всегда навстречу огню и бить его сверху вниз. Если идти за огнем, то он уйдет дальше и разрастется.

Туда, где главная опасность, начальник посылает бойцов с самыми мощными стволами. Если в доме остались люди, то прежде всего надо оберегать лестницу, свободный путь на улицу. Во время пожара обстановка может измениться каждую минуту. Начальник должен за всем уследить, вовремя изменить свой план. Бывает и так, что горит сразу в двух местах. Например один очаг огня около окна, а другой—около вентиляции, ведущей в соседнее помещение. Конечно, сначала надо тушить огонь около вентиляции. Но ведь за это время пламя и у окна разрастется. Как же быть? Начальник должен все это решить на месте, смотря по обстоятельствам.

Поединок

Ствольщик идет прямо на огонь, он должен быть смелым человеком. Хороший ствольщик не боится подойти близко к огню и прямо в него бьет струей воды. А плохой ствольщик норовит тушить издалека. На одной фабрике загорелся третий этаж, а местные пожарные тушили его с улицы: боялись подойти близко к огню. Огонь пошел дальше, и из маленького превратился в огромный пожар, пришлось вызывать подмогу.

Но, чтобы быть ствольщиком, мало одной храбрости: нужно уменье. Можно хоть целый день заливать огонь и все-таки не погасить его. Сорок лет назад в Москве два дня тушили пожар в Бабьем городке, сгорело двести домов. Тогда пожарные не смотрели, откуда огонь идет и куда перекинется. Они вылили на Бабий городок целый океан воды. Они думали: чем больше воды, тем лучше. А это вовсе не так: надо умело направить воду. Ствольщик должен сообразить, где самое опасное место.

У него очень трудная работа. Он все время среди огня. Каждую минуту ему угро-

жает опасность. Вся одежда на нем мокрая, нет нитки сухой. Зимой одежда сразу обмерзает. Ему приходится лазить со стволем по высоким крутым крышам. В рукаве сильный напор воды, и ствольщика качает из стороны в сторону. Хотя быть ствольщиком опасно, но все пожарные мечтают стать ствольщиками. Ведь это же—самое главное, самое интересное в работе на пожаре: победить живой огонь, отрезать ему путь, а потом убить.

О ствольщиках можно рассказать очень много. Это храбрые и самоотверженные люди.

В одной школе в пионерской комнате начался пожар. Пионерская комната находилась около лестницы, и пожар отрезал выход из школы. Учителя стали выводить ребят из школы, а директор сдерживал дверь пионерской комнаты. Огонь там бушевал с такой силой, что дверь все время выталаккивало. Напор горящего воздуха уже давил стекла в верхней части двери, и у директора стали тлеть волосы на голове. Когда приехали пожарные, они стали прежде всего выносить ребят. Вдруг дверь с шумом распахнулась, директора отбросило в сторону, пламя вырвалось в коридор. Пожарные быстро подставили лестницу к окну одного класса и стали спускать ребят по пожарным лестницам. Эти лестницы очень крутые, и спускаться по ним с ребятами на руках было трудно и опасно. Огонь в это время захватил коридор, и дым стал такой, что невозможно было разобрать, день сейчас или ночь.

Ствольщик Шамин на животе подполз к пионерской комнате. Он спрятался за выступом стены и начал наступление. Огонь не сдавался. Огненные языки жгли лицо Шамина, пламя перебрасывалось с одной стены на другую. Рухнул потолок. Рядом с Шаминым упала балка. Но Шамин подвинулся еще больше вперед, еще ближе к огню. Он даже не позволил своему помощнику—подствольщику—сменить себя. Пламя падало и отступало под сильной водяной струей. Только когда пожар затих и опасность миновала, Шамин отдал рукав своему помощнику. Так он победил огонь и сберег всю школу.

На крыше

Почти всегда рядом со ствольщиком идет топорник. Его дело—взламывать крыши, стены и полы. Он всегда работает на высоте. Ему хорошо знакомы крутые обледенелые крыши. Никакому альпинисту не при-

Топорники взобрались на крышу и сейчас будут ее ломать.

ходится лазить по такой обледелой крутизне, когда под ногами бушует огонь. Топорнику на коленях приходится ползать по самому краю крыши. От быстроты топорника зависит очень многое. Казалось бы, какая, например, разница, откуда начать ломать дом: с правой или с левой стороны? А, оказывается, разница большая. Начин неправильно ломать дом, и один за другим начнутся обвалы, можно убить людей.

Топорники вооружены небольшими топорами. Но не всякую крышу можно сломать топором. Бывают крыши железные, их приходится распиливать электрической пилой. А деревянные и соломенные крыши надо растаскивать баграми. Черепичные крыши легко просто разбить. Но всегда крышу надо ломать с подветренной стороны. Иначе ветер загонит дым обратно в дом.

Топорники не хуже архитекторов знают, как устроены дома.

Топорники спасли завод имени Кагановича, когда там пожар сразу охватил главный корпус. Он был соединен галлереей с другим цехом. Галлерей была деревянная, и огонь мог охватить ее в одну минуту. Когда приехали пожарные, она уже занялась. Надо было быстро сломать ее. Они сломали крышу и стали баграми разбивать стены. Ствольщики все время обливали топорников водой, потому что в галлерее было очень жарко и одежда на бойцах начала гореть. Когда рухнула стена корпуса, галлерей зашаталась. Но топорники не испугались и продолжали быстро работать. В несколько минут они разобрали галлерей и спасли другие цехи от пожара.

Днем и ночью мы видим, как стремительно мчатся по улицам красные пожарные машины. Пожарным предстоит бой. Надо быть быстрее огня, чтобы победить его. У пожарных есть золотое правило: работать быстро, но неспеша. Вспешке человек теряется. Он забывает то одно, то другое. А пожарный ничего не должен забывать. На каждом шагу его поджидает опасность. Он не должен зря рисковать жизнью. Карабин — металлическая застежка у пояса — должен быть на своем месте.

Пояс должен быть хорошо застегнут, чтобы карабин не соскочил с него. Когда пожарный работает на высоком доме, он привязывает веревку к надежному месту, в опасную минуту наматывается карабин на веревку и спускается вниз. Его жизнь зависит от того, правильно ли надет карабин, крепка ли веревка. Не даром пожарные веревки делаются из самого лучшего материала. Каждые две недели пожарные проверяют прочность веревок. Пожарные лестницы никогда не окрашиваются: краска закроет трещину, — а самая маленькая трещина может стать роковой для жизни бойца.

Пожарные очень смелые, но смелее всех должен быть начальник. Он отвечает за жизнь бойцов. С Гурьевым, о котором мы рассказывали, однажды был такой случай. Он увидел, что крыша, на которой работали пожарные, очень ветхая и может провалиться в любую минуту. Он предупредил товарищей, чтоб они не подходили к середине крыши, а держались у края.

Но двое ствольщиков так увлеклись своим делом, что не заметили, как подползли к самой середине. Крыша провалилась, и они упали прямо в огонь.

Бойцы бросились на помощь, но дым скрыл упавших. Вниз было страшно смотреть. Наружу вырывались густые клубы дыма, мелькали красные языки, слышались глухие, придушенные крики. Люди на крыше не растерялись. В одну секунду направили они свои стволы в яму на бойцов. Вода разорвала дым, и все увидели товарищей. Им опустили багор. Они sudорожно схвати-

лись за багор, но вдруг руки разжались, и они упали обратно.

Гурьев был в это время снаружи, у дома. Мигот очутился он на крыше. Под руками у него не было ни одной лестницы. Он слез на край огненной ямы и спустил туда ноги. Крыша была страшно накалена, вся одежда на Гурьеве сразу обгорела. Упавшие в огонь ствольщики ухватились за его ноги, но взобраться не смогли. В это время принесли штурмовку. Гурьев опустил штурмовку вниз, но бойцы не нашли ее. Тогда Гурьев, ни секунды не раздумывая, прыгнул в огонь. Он нашел обоих бойцов, подвел их к штурмовке и все время поддерживал, пока они поднимались. После этого случая он два месяца пролежал в больнице.

О своих героических поступках пожарные рассказывают очень просто: «Горел дом, мы приехали и потушили, вот, собственно говоря, и все».

Но это — далеко не все. Пожарные — это настоящие отважные бойцы, в любую минуту готовые рисковать своей жизнью, чтобы победить врага.

Не каждый человек может быть пожарным.

Надо быть сильным, смелым, ловким, находчивым и любить опасность.

Пусть не идет в пожарные человек, который любит тишину и спокойствие. Здесь он этого не найдет. У пожарных бурная, смелая жизнь.

Опасная профессия, скажут некоторые. Да, опасная, замечательная и благородная. Сколько любви к людям у пожарных, которые, не щадя себя, спасают людей от страшной смерти в огне. Может быть, пожарный никогда в жизни не встретит спасенного им человека. Да и неважно, кто именно спасен. Человек спасен! А в нашей стране самое дорогое — это человеческая жизнь.

Урок радиогимнастики

Рис. С. Расторгуева

— Фу, проспал!

— Странные сегодня упражнения: передаются по радио!

— Первый раз приходится делать такое!

— Неужели и это мне придется сделать?

— Боюсь, что после зарядки не смогу распутаться...

Голос из репродуктора: — Лекция о том «Как плести корзины», окончена. До свидания, товарищи!

П О Ч Т А

ИСПЫТАНИЯ

Письмо Юры Карасева, Москва. Рисунки Глеба Баскакова

Наступили весенние испытания. А когда дело подходит к испытаниям, то какой бы равнодушный характер ни был у ученика, он все равно начнет волноваться. Правда, некоторые ребята делают вид, что испытания их совершенно не беспокоят, но на самом деле они тоже волнуются. Ведь тут надо вспомнить все, что учили целый год, и не по одному предмету, а по нескольким. А ведь каждый что-нибудь позабыл. Тут-то и появляются на свет все старые тетради и учебники, ребята занимаются целыми днями, а когда встречаются друг с другом, речь сразу заходит об испытаниях.

Испытания — это ворота в следующий класс. И у этих ворот стоит стража — математика, русский язык, география, ботаника. Обмануть этих стражей нельзя, и пропуск тут только один — знания. Поэтому-то все ребята последние дни и даже часы перед испытаниями занимаются, и никто не жалуется, что болит голова или что-нибудь мешает заниматься.

Первые испытания — письменная по русскому языку.

К девяти часам утра все ребята собрались в кабинете, где должны быть испытания. Многие ребята волнуются, некоторые даже тросят и просят других подсказывать им, а кое-кто выглядит спокойным. Но все шумят и разговаривают. Все уже расселись по местам и ждут прихода учительницы.

Учительница пришла. Начали писать диктант. Голос у учительницы спокойный, совсем такой же, как и на уроках, и мы тоже успокоились.

Да и все было так же просто и обычно, как на уроках.

Нам дали время на проверку диктанта, а потом мы сдали листки с написанным учительнице и отправились домой. Всем нам казалось, что самое страшное впереди.

Через день мы сдали испытания по русскому языку. Класс разделили на две половины: одна половина класса сдавала утром, а вторая половина — вечером. Я сдавал утром. В коридоре ребята собирались кучками и первым делом начинался разговор:

— А ты помнишь, когда родился Лермонтов?..

— А в каком рассказе есть такое место...

Многие ребята стояли у окна и зубрили даты. Но «перед смертью не надыхаешься», — говорит пословица. Всем хотелось, чтобы испытания начались поскорее.

Но опять все было обычно, как на уроке, только за столом сидели заведующий учебной частью и директор. Ольга Николаевна, наша учительница, вызвала сразу нескольких учеников. Ребята подошли к столу и нерешительно стали выбирать билеты из груды, лежащей на столе.

Когда выбираешь билет, появляется какое-то странное чувство: трудно решить, какой же билетик взять. Самое страшное: вытащишь билет с тем вопросом, который не знаешь. Но долго выбирать неудобно — берешь первый попавшийся. Те ребята, которые все-таки выбрали «неприятные» билеты, потом говорят: «Ведь хотел же я взять другой билетик...»

Все ребята выбрали билеты, уселись на передние парты и стали готовиться к ответу.

1=0?
О

Ольга Николаевна вызвала подготовившихся ребят и стала их спокойно спрашивать, даже помогала тем ребятам, которые очень волновались. Ребята, ответив на вопросы, садились на место и удивленно осматривались: неужели уже всё?

Испытания мы сдавали уж много раз, но каждый раз мы ждем чего-то необычайно страшного. А происходят испытания просто.

Ребята, получив хорошие и отличные отметки, весело улыбаются.

Испытания по арифметике и по ботанике были тоже нетрудные. Особенно хорошо было отвечать по ботанике. На столах лежали живые цветы, а на стенах висели разные плакаты и диаграммы. Посмотришь на них — и сразу все вспомнишь.

Испытания окончились.

На улице тепло, солнце сияет с самого утра. Ребята гуляют по улицам и играют. Но хотя испытания окончились и ходить в школу совсем незачем, все ребята собираются в школе. Невозможно пройти мимо школы, так и тянет зайти туда. Впереди — целое лето отдыха. А за три месяца очень соскучишься и по ребятам и по школе.

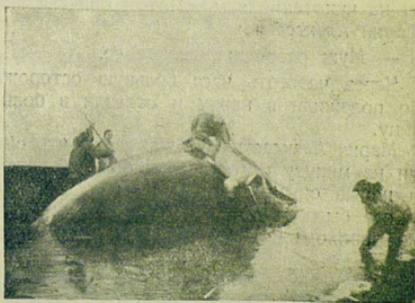
НА СЕВЕРЕ

Письмо Гали Шерговой, Москва

На берегу Берингова пролива, среди дымящихся вулканов, стоит маленький поселок Уэлен. В этом поселке всего несколько домов. Зимой их совсем не видно из-под снега.

В поселке есть больница, и в ней четыре года работала моя знакомая — врач Мария Алексеевна. Она рассказывала очень много про свою работу и про жизнь на севере. После ее рассказов я ходила сама не своя. Мне очень хотелось туда поехать. Мне казалось, что дома, в школе все очень скучно, все буднично. Сейчас я поехать туда не могу. Мария Алексеевна говорит, что там нужны грамотные, сильные люди. Но когда я окончу школу, я обязательно поеду на север.

Местные жители сначала не ходили в больницу. Их лечил шаман, который убеждал всех, что в больницу ходить нельзя: там губят людей. Многие его слушались. Но однажды произошло событие, после которого жители стали ходить в больницу. Мария Алексеевна вернулась к себе домой из больницы и села пить чай. Вдруг в дверь кто-то постучал. Мария Алексеевна открыла дверь, в комнату вошел человек, он был весь в снегу. Мария Алексе-

Разделка китовой туши.

евна узнала в нем каюра. Каюр сказал, что в соседнем селении сильно больна женщина и если сейчас не поехать, то она может умереть.

Мария Алексеевна быстро оделась. Каюр тронул собачью упряжку, и нарты понеслись. Кругом было очень тихо, было слышно, как скрипели полозья. Вдруг на горизонте показалась темная туча.

— Пурга! — крикнул каюр.

Вскоре налетел ураган. Каюр был около

собак. Пурга продолжалась два часа. И вдруг сразу стихла. Каюр и Мария Алексеевна стали откапывать упряжку, занесенную снегом. Дороги не было видно. Они ехали несколько часов, но нигде не было никаких признаков жилья. Вдруг один пс весело залаял.

— Тут, тут! — крикнул каюр.

Вскоре показалось небольшое чукотское селение. Это было как раз то самое селение, куда они ехали.

Скоро они подлезли под оленью шкуру, заменяющую дверь. В комнате горел сальник. На полу на шкурах лежала женщина, а около нее стоял шаман и что-то бормотал. Иногда он начинал подпрыгивать. Мария Алексеевна подошла к больной и осмотрела ее. У больной был большой жар.

— Надо везти в больницу, — сказала Мария Алексеевна.

Шаман сердито заворчал. Муж больной стоял и слушал шамана. Мария Алексеевна стала его убеждать, чтобы он отпустил жену в больницу. Переводчица все перевела на чукотский язык. Потом она сказала Марии Алексеевне:

— Муж разрешил, везите ее.

Через четверть часа больную осторожно положили в нарту и отвезли в больницу.

Мария Алексеевна рассказывала, что они ни на минуту не оставляли больной. Днем и ночью они ухаживали за ней. Болезнь у нее была очень тяжелая. Со всех селений приходили люди, чтобы узнать про

После пурги.

Переводчица поселка Уэлен. Она хорошо знает русский, английский, чукотский и эскимосский языки.

больную. Они знали, что шаман запретил везти ее в больницу.

Был конец зимы. В Уэлен пришел первый пароход. Из Анадыря привезли почту. В Анадырь ее на самолете довез Водопьянов. В этот день решили выписать больную и отправить домой. Она уже была совсем здорова. Пионеры украсили нарты, на которых она должна была ехать. Она сидела, обложенная подушками, а рядом с нартой шел ее муж.

С тех пор в больницу стали ходить все жители, и никто уже не слушал шамана.

Однажды в больницу привезли закутанного в шкуры человека. Это был сам шаман. Он на охоте распорол себе как-то спину, и рана загноилась. Началось нагноение. Он ни за что не хотел ехать в больницу, но когда ему стало совсем плохо, его все-таки отвезли в больницу. Сначала он был без сознания, а когда пришел в себя, не давал врачам близко подходить к себе и лечить рану. Но его все-таки вылечили. Скоро рана затянулась, и шаман ушел из больницы.

Что вы готовите к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке?

Осенью в Москве откроется Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Это будет очень интересная выставка. В ней будут участвовать не только взрослые, но и ребята.

На опытном участке колхоза «Победа труда», Рязанской области, звено Нюры Давыдовой собрало большой урожай картофеля — 238 центнеров с гектара, а в колхозе средний урожай был 123 центнера.

Ребята 5-го класса школы имени Шацкого (Угодско-Заводской район) Митя Зимин, Колябин, Крюкова, Хрычева, Доброславская вырастили дыни и арбузы. А раньше в Московской области арбузы и дыни не росли.

Юная опытница Галя Коник (Харьковская область) выращивает новый сорт помидоров. Она скрещивает мексиканский томат с картофелем.

Ира Александрова, письмо которой мы помещаем в «Почте», провела интересные наблюдения над коровками.

Юные животноводы, геологи и техники сельского хозяйства тоже будут участвовать в выставке.

Мы просим ребят написать нам, как они готовятся к выставке, какие экспонаты думают туда послать.

КОРОВКИ

Письмо Ирины Александровой, г. Рыбинск

Маленький жучок, коровка, — хищное насекомое. Коровка питается глями и приносит этим большую пользу сельскому хозяйству.

Я решила приспособить коровок для борьбы с вредителями сельского хозяйства. Работу я начала зимой. Мы раскапывали снег, обследовали кору деревьев, искали коровок. Перед заморозками их было много, но под снегом мы их почти не встречали. Пришлось отложить свои опыты до весны.

В нашем районе чаще встречается семиточечная коровка, я решила использовать для опытов ее. Семиточечной коровка называется потому, что на ее покровах — 7 точек. Это очень маленький жучок. Самые большие экземпляры достигают 10 миллиметров в длину. Проснувшись от зимней спячки, жучки перебираются на деревья и поселяют глей. Весной они живут на листьях черемухи, летом в траве среди крестоцветных, сложноцвет-

ных и бобовых растений. В конце лета их много на злаках: овсе, ржи, ячмене. Зимуют семиточечные коровки не кучами, а в одиночку, под корой старых сосен, под дерном травы и во мху.

Коровки откладывают от 40 до 130 яиц. К зиме от одного жучка будет 7300 жучков.

Я хотела узнать, будут ли размножаться жучки в неволе. Весной я наловила жучков и поместила в небольшие вивариумы. Я заметила, что в солнечный день жучки подвижнее чем в пасмурный день.

Жучки в неволе размножались очень быстро. Я сделала несколько опытов и заметила, что при высокой температуре и повышенной влажности личинки выходят из яиц на 4 дня раньше.

Личинки очень прожорливы, и мне интересно было узнать, сколько глей съедает личинка за один час.

В 6 часов вечера я посадила личинку в банку, где было 100 глей. Она сразу же

принялась поедать тлю. Она ела их 2 часа, а потом перестала. В течение часа личинка съела 10 тлей.

Жучки, вылупившиеся в неволе, почти не отличаются от жучков, вылупившихся на воле. У них легкие надкрылья, которые сравнительно быстро покрываются гочечками, и темнеют вместе с затвердением надкрыльев. Но окраска этих жучков отличается от окраски тех жучков, которые уже прожили одну зиму: у них окраска не такая темная. Эта разница в окраске не исчезла до поздней осени.

Жучки у нас жили прекрасно. Трудно, конечно, было доставать для них тлей. Летом, в горячее время сельскохозяйственных работ, этим заниматься некогда, я решила заставить жучков заснуть. Я положила их в коробочку, держала сначала во льду, меняя его ежедневно, а потом вынесла их в ледник. Этот опыт я проделала с 100 жучками, температура в среднем была минус 6°; через 2 недели я перенесла жучков в помещение. 10 жучков погибли. Остальные вели себя нормально. В сентябре жучки стали более вялыми, стали собираться в кучи, зарывались в мох, положенный на дно вивариума, и постепенно перестали есть. Мы вынесли их в холодную кладовую.

Кроме опытов с искусственной спячкой я поставила опыт с голоданием жучков. 9 июня я отсадила 10 жучков и не давала им корма. На четвертый день один жучок

сдох, 15 июня сдохло 2 жучка, 19-го — 6, 20-го — 1 жучок.

Значит, без пищи и питья жучки могут свободно обходиться 3 дня. Больше всего они гибнут после 8—9 дней голодовки.

За сутки поездом можно покрыть расстояние 600—700 километров. Следовательно, жучков можно спокойно отправлять за 1800—2000 километров, перевозить их с места на место.

Затем я решила вынести жучков на растение, уже зараженное тлей, и посмотреть, как они будут вести себя. Я посадила жучков на ветку черемухи. На ветке было 900 тлей. В час один жучок съел 30 тлей. Второй опыт дал почти такие же результаты — жучок съел 28 тлей. Коровка не уходит с растения, пока не съест всех тлей.

Мы еще не научились получать потомство в любое время года. Но я уверена, что коровки могут быть использованы в сельском хозяйстве, особенно в парниках, и опыты стоит продолжать. Весной жучков сколько угодно, найти их легко. Прокормить жучков нетрудно. Надо организовать питомник коровок. Ведь они съедают столько тли, что очень полезны в сельском хозяйстве. Так как их можно перевозить на большие расстояния, то питомник может обслужить район радиусом до 1500 километров.

В Америке есть специальная компания, которая собирает коровок, рассылает их по фермам.

Рисунки Вити Сидорчука, которые он послал на выставку (УССР, село Локнистое)

Козы.

Щеглы.

МЫ ЖИВЕМ НА НОВОМ МЕСТЕ

Письмо Алика Розенштейна и Вовы Чебанюка, Москва

По нашей улице ходит много автомобилей, автобусов и троллейбусов. Но улица такая узкая, что все машины выстраиваются длинной вереницей и идут очень медленно. Чтобы сделать улицу широкой, решили снести все дома с правой стороны улицы Горького. Должны были сломать и наш дом. Но он такой большой и красивый, что ломать его было жалко, решили его просто отодвинуть назад. За нашим домом стояли маленькие дряхлые домишки, они еле-еле держались. Эти дома снесли, и наш дом переехал на новое место.

Когда жильцы узнали, что дом будут передвигать, все заволновались. Шутка ли — передвинуть такой большущий дом! В нем ведь четыре этажа и живет столько народа, что не пересчитаешь.

Стали говорить, что провалится крыша, треснет потолок или еще что-нибудь произойдет.

— Обязательно что-нибудь случится, — говорили они.

Некоторые жильцы решили на это время уехать куда-нибудь к родным или знакомым, а когда дом передвинут, вернуться обратно.

Одна старушка даже все вещи уже уложила. Но к ней пришел инженер и сказал, чтобы она не волновалась и никуда не уезжала. Он сказал, что все будет в порядке.

А на нашем этаже одна женщина положила все шкафы на пол и сняла со стен картины. Она боялась, что они упадут ей на голову. В общем волнения было много.

Во двор привезли много рельсов и бревен. Подготовка к передвижке шла целую неделю. Дом поставили на металлическую раму, отрезали от фундамента, подложили под дом стальные катки и поставили на рельсы. Дом должен был ехать по этим каткам. А тянули дом тросами две лебедки.

Нам сказали, что передвижка будет происходить ночью. Мы решили в эту ночь не спать. Ведь не так часто случается увидеть дом, переезжающий с места на место, как автомобиль.

Погода в эту ночь была довольно холодная и шел снег, но все ребята были во дворе. Проектора во дворе светили так ярко, что все было видно.

— Ну, ребята, все увидим, — сказал кто-то из ребят, — только смотрите в оба.

Мы смотрели, смотрели, но ничего не увидели и не заметили, когда дом поехал. Мы даже думали, что еще ничего не началось, но один рабочий сказал нам, что дом уже поехал. Мы думали, что дом будет шататься, будет слышен стук, но ничего этого не было.

Мы пошли спать. В комнатах было тихо. Эта ночь была совсем такая же, как и те ночи, когда дом стоял на одном месте и никуда не переезжал.

Под утро один из нас не выдержал. В квартире все спали, он тихонько оделся и выскочил на улицу. Передвижка продолжалась. Около забора, которым загородили наш дом, стояло много народа.

Наутро, когда мы пошли в школу, дом отъехал далеко. Мы заметили это потому, что он раньше стоял около забора, а теперь расстояние между домом и забором стало больше четырех метров.

Дома было все в порядке, горело электричество, работали водопровод и паровое отопление. Вода шла из соседнего дома по резиновым рукавам. Никаких задержек с водой не было. Все было довольно. Даже та старушка, которая собиралась уезжать, совсем успокоилась и распаковала свои вещи.

Дом двигался со скоростью восемь метров в час, поэтому никто не замечал, что он движется.

Наш дом переезжал три с половиной дня. За это время, наверно, все москвичи побывали около нашего дома. У забора стояла всегда такая большая толпа, что во двор было трудно пройти. Не только мальчишки, но и многие взрослые лезли на забор.

Сейчас наш дом переехал на пятьдесят с половиной метров, и мы живем на новом месте.

Разные дергунчики.

Наши конкурсы

Миша Кельсиев из Москвы и Коля Понченко из Киева хотя и живут в разных городах, но прислали редакции одно и то же предложение — устроить конкурсы на самоделки.

Редакция принимает предложение Коли и Миши и объявляет два конкурса на самоделки.

Первый — на лучший электромотор меньше мухи. О нем было рассказано в № 6 журнала за 1937 год. Теперь мы попросили конструктора мотора тов. Сараджева подробно рассказать, как устроить такой электромотор. По этому описанию легко его построить.

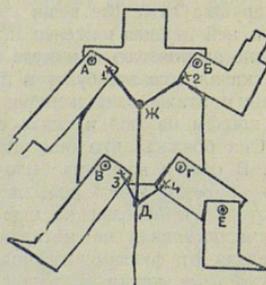
Другой конкурс — на лучших дергунчиков. Как их сделать, видно из чертежа. Их можно делать из картона, фанеры, бумаги и т. п. Можно сделать, чтобы у них двигались глаза, уши и т. п. Каждый из вас может придумать дергунчиков самых всевозможных видов и фасонов. Для вашей фантазии и изобретательности — полный простор.

Условия конкурса

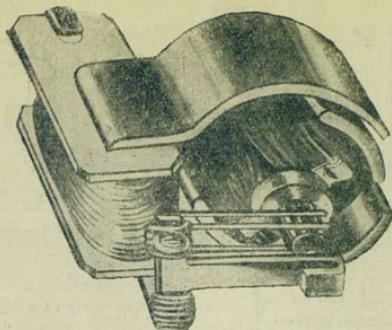
- 1) Каждый из читателей «Пионера» может участвовать в одном, а если захочет, то и в двух конкурсах.
- 2) Присылать моторчики и дергунчиков в редакцию можно до 1 августа.
- 3) На все вопросы, запросы, недоумения и письма о конкурсах редакция будет отвечать немедленно.
- 4) Устанавливаются три премии за лучшие моторчики:
  - 1 и 2-я — наборы инструментов,
  - 3-я — библиотека технической литературы.
- И три премии за лучших дергунчиков:
  - 1-я — вечная ручка,
  - 2 и 3-я — библиотечки.

Кроме того редакция выделяет еще по 5 премий сверх объявленных. Это будут утешительные премии для тех, кто займет следующие 5 мест за премированными.

Итак, конкурсы начаты — спешите принять в них участие.

Так делается дергунчик из фанеры или картона.

Общий вид мотора (сильно увеличено).

Мотор меньше мухи

Сразу построить такой крошечный моторчик трудновато, поэтому для приобретения навыков советуем сперва сделать моторчик, который по размерам будет в 2 раза больше моего. Для этого нужно увеличить показанные на чертежах размеры в 2 раза. Такой моторчик весит меньше 1 грамма, а по величине немного больше обыкновенной мухи.

Мой моторчик весит 0,09 грамма и может работать от постоянного или переменного тока в 2 вольта. Источником тока может быть карманная батарейка с последовательно включенной лампочкой от фонаря (лампочка нужна для понижения напряжения батарейки).

Дальнейшее уменьшение размеров моторчика зависит от вашего умения, навыков и, самое важное, — от аккуратности выполнения работы: малейшая неосторожность может повредить изоляцию обмотки ротора или статора.

Материалы для электромоторика следующие:

- 1) Тонкий железный листок (лучше всего использовать мембрану из телефонной трубки).
- 2) Эмалированная проволока диаметром в 0,05—0,03 миллиметра — можно достать в любом радиомагазине.
- 3) Тонкий лист целлюлоида (медиатор мадолоины).
- 4) Стальная проволока — примусная иголка (для мо-

торчика, который в 2 раза больше, можно брать струну для музыкальных инструментов).

5) Кусочек медной или серебряной фольги.

6) Шеллачный лак (при отсутствии можно заменить любым спиртовым лаком).

Основные части моторчика: 1) индуктор (статор), 2) якорь и 3) коллектор.

Чертеж 1. Из тонкого железного листа вырезается показанная на чертеже навёрху слева фигурка. Она будет служить нам электромагнитом и подшипником для якоря. Ей нужно придать показанную на чертеже форму и очистить от случайных заусениц.

Кусочек железа «а» нужно оставить до самого конца, пока моторчик не будет готов, чтоб было за что держать деталь при изготовлении.

Для катушки индуктора делаются 2 щетки из целлюлоида. На одной щетке будет держаться первый контакт для присоединения тока к моторчику. Контакт этот делается из кусочка проволоки и закрепляется, как показано на чертеже.

На месте «б» статора наматываются 2 слоя папиросной бумаги и заклеиваются лаком, потом вставляются щетки, и внутренняя часть катушки снова покрывается лаком.

После высыхания лака на

катушку нужно намотать эмалированный провод до полного заполнения (длиной около 35 сантиметров).

Начало провода следует соединить с контактом на щетке, а конец пока оставить несоединенным. Чтобы катушка не размоталась, конец следует закрепить, как показано на чертеже.

Надо обратить особое внимание на сохранение изоляции между проводом и железом статора.

Места «в» статора плотно обматываются 3—4 слоями папиросной бумаги, пропитанной лаком и, после того как лак окончательно высохнет, на эти места наматываются по 4—5 витков медной проволоки (пружинящая голая проволочка толщиной около 0,1 миллиметра из телефонного шнура), и концы загибаются вверх. Это и будут щетки коллектора. На одной стороне следует оставить петлю для второго контакта к мотору, а к другой щетке присоединить свободный конец катушки статора. С помощью карманной батарейки и лампочки тщательно проверьте, не нарушена ли изоляция между железом и щетками, а также соединение катушки со щеткой.

Чертеж 2 и 3 Якорь делается из того же листа железа, что и статор. Для него нужно отрезать полосу указанных размеров и загнуть в виде буквы «Н». Выступы следует слегка согнуть для придания якорю круглого очертания и тщательно очистить от заусениц.

Валик отрезается от примусной иголки, и концы оттачиваются шкуркой для получения конусообразной формы. Заделка валика в якорь показана на чертеже.

На место обмотки якоря предварительно наматываются два слоя папиросной бумаги, покрываются лаком, а затем наматывается самая обмотка до полного заполнения всего свободного места. Наматывать нужно очень осторожно, так как при этом часто портится изоляция провода.

Проверив изоляцию между железом якоря и обмоткой и целость самой обмотки, приступаем к изготовлению са-

мой трудной детали — коллектора.

Чертеж 2 и 3. Коллектор состоит из деревянного цилиндрика, двух полуцилиндриков и целлюлодного колечка. Кусок проволоочки (такой же, из которой сделан валик) вдевается в дерево (по направлению волокон). Сверху она обтачивается так, чтобы получился деревянный цилиндрик вокруг проволоочки. Дерево лучше взять дубовое.

Затем из целлюлоды вырезается колечко с таким же внутренним диаметром, как диаметр деревянного цилиндрика.

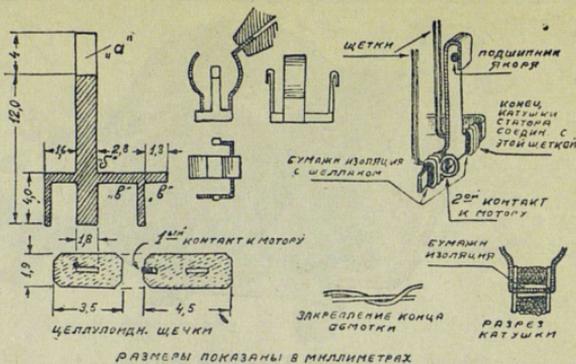
Из медной или серебряной фольги вырезаются листочки указанных размеров. Кладя их на дощечку, на которой сделано полукруглое углубление, нажимом отвертки придаем им цилиндрическую форму.

Наложив их на деревянный цилиндр, надеваем целлюлодное кольцо, при этом они плотно стягиваются и не могут выпасть.

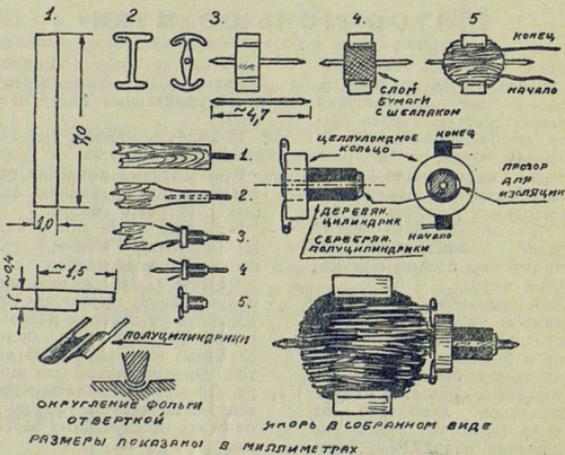
Между полуцилиндрами обязательно должен остаться свободный зазор для изоляции. Задние концы их отгибаются, как показано на чертеже, и лишний кусок дерева отделяется от коллектора.

После осторожного выдергивания проволоочки из коллектора его насаживают на валик якоря.

Концы обмотки якоря соединяются с выступами коллектора. Проверив целостность обмотки якоря и изоляцию

Чертеж 1. Детали индуктора.

Чертеж 2 и 3. Изготовление якоря и коллектора.

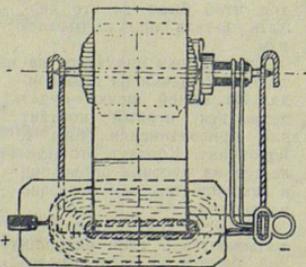
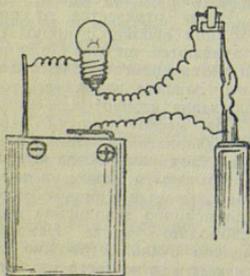
обмотки от железа, — якорь можно считать готовым.

Остается только поставить на свое место якорь, и моторчик уже собран. Насадив якорь на подшипники, отгибаем щетки в сторону коллектора так, чтобы щетки слегка нажали на коллектор и в то же время не мешали вращению якоря.

Якорь должен держаться в подшипниках совершенно свободно, так, чтобы он вращался от легкого прикосновения иглой.

Лишний конец электромагнита «а» отрезается, и моторчик готов к действию.

Р. Сараджев

Слева показано включение мотора в карманную батарейку.

Справа — собранный моторчик.

Загадки, задачи, игры и фокусы

Задача из старинной книги

В 1820 году вышла книга с таким названием: «Полный курс чистой математики, сочиненный артиллерийским штык-юнкером и математики партикулярным учителем Ефимом Войтаховским, в пользу и употребление юношества и упражняющихся в математике». Приводим задачу из этой книги:

МЕНА

Крестьянин менял зайцев на домашних куриц, брал за всяких двух зайцев по три курицы; каждая курица снесла яиц третью часть против числа всех куриц. Крестьянин, продавая яйца, брал за каждые девять яиц по столько копеек, сколько каждая курица яиц снесла, за которые выручил он 24 алтына (алтын — 3 копейки); спрашивается число кур и зайцев?

А ну-ка, как вы справитесь с этой задачей, более чем столетней давности?

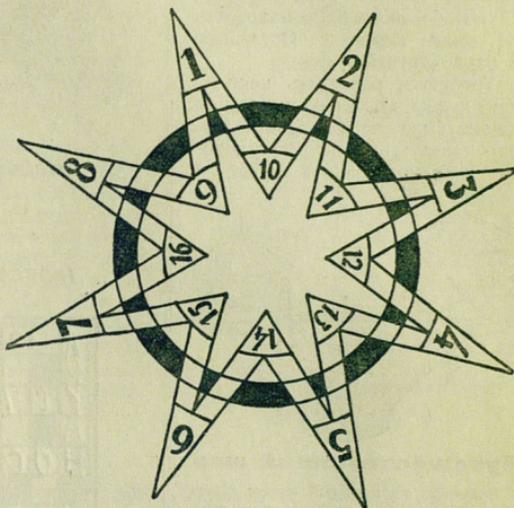
Какие знаки

$$123 \quad 45 \quad 67 \quad 89 = 100$$

Какие арифметические знаки надо поставить между этими 4 числами, чтобы получилось 100?

Какая это пословица?

В клетки этой фигуры впишите 16 пятибуквенных слов, означающих: 1—9 — местность около Сухуми, 1—10 — спортивный термин, 2—10 — орган власти в СССР, 2—11 — устное или письменное выражение понятия, 3—11 — мужское имя, 3—12 — замену, 4—12 — условную марку в игре, 4—13 — человека, слишком заботящегося о своей внешности, 5—13 — часть автомобиля, 5—14 — игрушку, 6—14 — мысль, выраженную словами, 6—15 — духовой музыкальный инструмент, 7—15 — физкультура, 7—16 — морское чудовище, 8—16 — телефонную коробку, 8—9 — сильное наводнение. При правильном решении задачи — по кругу, пересекающему фигуру, можно прочесть известную русскую пословицу.

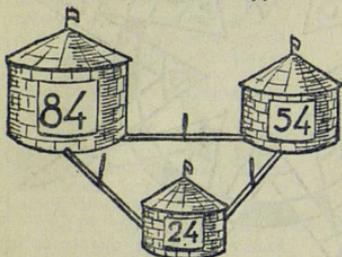
Что здесь написано?

Г С Ъ . Г Г Н И В П П П Т С П Р А Т П
Г С / П Р Г П П / С Г

Наш деткор Плотников записал здесь географическое название. Как его прочитать?

В 3 керосиновых баках может поместиться 84 тонны керосина. В большой бак входит 84 тонны, в средний — 54 и в маленький — 24 тонны (смотри рисунок). Баки соединены между собой трубами и насосами так, что можно перекачивать керосин из любого бака в любой бак. В большом баке находится 84 тонны керосина. Остальные 2 бака — пустые.

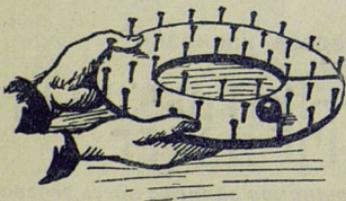
Требуется разделить керосин так, чтобы в большом и среднем баках было по 42 тонны. Как это сделать, перекачивая керосин из одного бака в другой?

Путешествующий шар

Возьмите квадратный кусок фанеры со сторонами в 30 сантиметров. Нарисуйте на нем два concentрических круга: большой, диаметром в 30 сантиметров, и маленький, в 18 сантиметров. Середину маленького круга вырежьте. У вас получится круг из фанеры. На расстоянии 5 сантиметров друг от друга в три ряда (как показано на рисунке) вбейте небольшие гвоздики. Красным карандашом проведите поперек круга черту. На нее положите бильярдный шар. Затем попытайтесь, вращая круг, прокатить шар по всему кругу так, чтобы он ни разу не упал на пол.

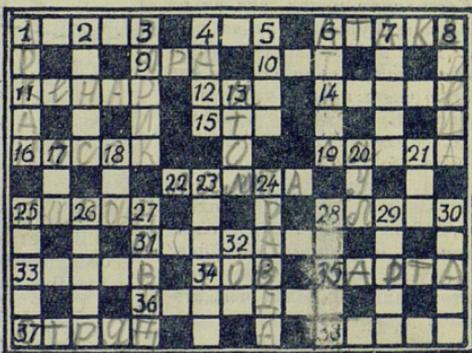
Устройте соревнование с приятелем: кто первый прокатит шар, не уронив его.

Найдите здесь еще двух бегунов.

КРОССВОРД

(прислан Кадиком Поляк, Москва)

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Работник театра. 4. Стенной подсвечник. 6. Наступление. 9. Мужское имя. 10. Небольник. 11. Порода певчих птиц. 12. Известный пианист. 14. Головной убор. 15. Греческая богиня вражды. 16. Часть ботинка. 19. Книзландия. 22. Прибор для освещения. 25. Торжественный показ войск. 28. Старинное название драгоценного металла. 31. Пустыня в Южной Америке. 33. Бухгалтерский термин. 34. Капана. 35. Изображение местности на бумаге. 36. Озеро в СССР. 37. Группа пионеров. 38. Тропическое растение.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Веревка с движущейся петлей. 2. Колония в Африке. 3. Древнерусский князь. 4. Опорный пункт. 5. Архитектурное украшение. 6. Начальник католического монастыря. 7. Вызов всей команды судна на палубу. 8. Мужское имя. 13. Мельчайшая частица вещества. 17. Река РСФСР. 18. Насекомое. 20. Поселение горцев. 21. Восток. 23. Гора в Армении. 24. Название газеты. 25. Горная местность. 26. Часть мотора. 27. Мужское имя. 28. Способ, при помощи которого металл получает твердость. 29. Кровеносный сосуд. 30. Город в Японии. 32. Место и порядок игры в городки.

Найдите хорошие ходы

Сыграть лучше чемпиона мира по шахматам или хотя бы даже так же, как он, хотелось бы каждому из вас. Не так ли?

Ну, так мы предоставляем вам редкий случай — вы можете сыграть так же, как Эйве, а затем лучше Алехина и лучше Эйве!

На диаграмме № 1 изображена позиция, получившаяся после 18-го хода белых в четвертой партии матча-реванша на первенство мира. Белые (Алехин) последним ходом сыграли $Ld1 - d5$, нападая на обоих незащищенных черных слонов. Гибель одного из слонов казалась неизбежной. Однако черные (Эйве) нашли ход, спасающий обоих слонов, и партия благодаря этому закончилась вничью. Как сыграл Эйве?

На диаграмме № 2 — позиция, получившаяся после 25-го хода черных в 16-й партии этого же матча. Черные (Эйве) только что сыграли $Fd5 - e5?$, спасаясь от нападения коня. Теперь у белых (Алехин) есть возможность выиграть пешку и привести партию в выигрышное для себя положение. Однако, не замечая этого, белые играют: $26. Sc1 - b2?$ Черные в свою очередь не видят опасности и играют: $26. ... Cd7 - c6??$ Белые не отстают от черных: $27. a2 - a3??$ Эта партия тоже закончилась вничью.

Как бы вы сыграли за белых на 26-м ходу? И как должен был бы ответить Эйве на 26-й ход белых ($Sc1 - b2$)?

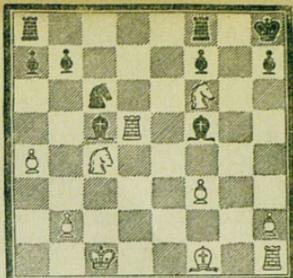

Диаграмма № 1.

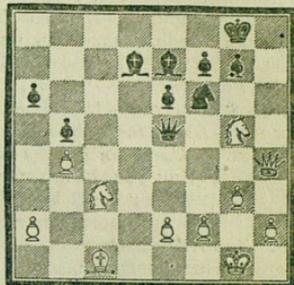

Диаграмма № 2.

Ответы на задачи, помещенные в № 2

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ № 1:

1. Иго. 3. Алн. 4. Еда. 5. Кан.
7. Жара. 8. Автор. 10. Анкара.
12. Порт. 15. Корка. 17. Сад.
18. Ара. 20. Ива. 22. Осада.
24. Пат. 25. Гол.

ПО ВЕРТИКАЛИ № 1: 1. Ил.

2. Гиена. 3. Арка. 6. Арба.
7. Жетон. 9. Тракт. 10. Атака.
11. Кипр. 13. Октава. 14. Ра.
16. Ода. 17. Сор. 19. Рис.
21. Ад. 22. Окно. 23. Акт.
25. Год.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ № 2:

1. Сто. 4. АМО. 6. Лоб. 7. Аул.
9. Крот. 11. Артек. 13. Баркас.
16. Тара. 19. Робот. 21. Раб.
23. Нос. 25. Янк. 26. Аркан.
28. Таз. 29. Мат.

ПО ВЕРТИКАЛИ № 2: 2. Та-

- бак. 3. Ом. 5. Осло. 8. Урок.
10. Тачка. 12. Тибет. 14. Краб.
15. Сорта. 17. Ар. 18. Родник.
22. Бук. 24. Ока. 26. Аут.
27. Нева. 30. Ток.

АПЕЛЬСИНЫ И ЯБЛОКИ

Снимите фрукты с тарелок 2 и 3-й, 7 и 8-й, 4 и 5-й, 10 и 11-й и 1 и 2-й (или же 8 и 9-й), после таких перемещений, сделанных по правилам этой задачи, все пять яблوك будут лежать рядом, все пять апельсинов также будут лежать рядом, а две тарелки останутся как и в начале задачи пустыми.

ТРИ ОСТРОВА.

ПЕРЕВЕДИТЕ ПУЛЕМЕТ

Указываем, из какой клетки в какую надо делать передвижения:

- 1) 9 — 14, 2) 8 — 9, 3) 7 — 8,
- 4) 6 — 13, 5) 5 — 7, 6) 4 — 6,
- 7) 3 — 5, 8) 2 — 4, 9) 1 — 11,
- 10) 4 — 1, 11) 5 — 2, 12) 11 — 12,
- 13) 6 — 11, 14) 7 — 3,
- 15) 13 — 4, 16) 12 — 13, 17) 8 — 5,
- 18) 9 — 6, 19) 13 — 9.

ПЕРВЫМИ РЕШИЛИ ВСЕ ЗАДАЧИ И КРОССВОРД:

Володя Колузанов, Москва; Руслан Озеров и Бенья Фельдман, Москва; В. Андреев, Симферополь; Леся Браз, Москва; Виктор Голубков, Москва; Сузанна Родина, Москва; Леся Затуранский и Виктор Сидоров, Москва; Ида Шаболевская, станция Отрадо - Кубанская, Краснодарского края; Инуса Шелухина, город Калинин; Володя Батраков, город Горький; Жозефина Сакоян, Пятигорск.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Жизнь акына — Автобиография народного певца Казахстана, орденоносца Джамбула	3
Моя родина — Джамбул	7
Среднее образование — Рассказ М. Лоскутова. Рис. В. Цельмера	9
Три войны — Проф. Е. Тарле	19
Судьба товарища — Повесть Е. Немировой. Рис. Б. Винокурова	28
Великий борец, мыслитель, человек — С. Гарбузов	52
Наш „Мавр“ — Из воспоминаний дочери Карла Маркса Элеоноры Маркс-Эвелин	56
Вокруг света	62
Боевые перчатки — И. Рахманов	66
Погода — Проф. П. А. Молчанов	73
„Компас“ — Известия Географического общества читателей журнала „Пионер“. № 18:	
Как узнать историю озера — М. Дурденевская	77
Величайший вулкан мира	83
Фонд Географического общества	85
Ганс Христиан Андерсен — Вера Смирнова	86
Снежная королева — Сказка в семи историях. Г. Андерсен. Рис. Ф. Полищук	89
Научный телеграф	106
Бой с огнем — Н. Розенкноп	110
Урок радиогимнастики	115
ПОЧТА:	
Испытание — Письмо Ю. Карасева	116
На севере — Письмо Гали Шертовой	117
Что вы готовите к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке	119
Коровки — Письмо Ирины Александровой	119
Мы живем на новом месте — Письмо Алика Розенштейна и Вовы Чебанюка	121
Самоделки	122
Загадки, задачи, игры и фокусы	125

На обложке картина художника И. Гурвича: Казахские ребята слушают Джамбула.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24, комната 822, тел. Д 3-30-73.

Отв. редактор Б. ЮВАНТЕР	Отв. секретарь В. Поддубная	Худ. редактор М. Аскинази
Зам. редактора В. Фраерман		

Сдано в набор 28/III—1938 г.   Подписано к печати 21/IV 1938 г.   Изд. № 388

Уполномоченный Главлита № Б—43187. 82 × 110 1/16 бум. листа. 38400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24. Зак. № 807. Тираж 84.500.